

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

35

СЛАВЯНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

35

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1962

Редакционная коллегия:

КОРОЛЮК В. Д. (ответственный редактор),
БИРМАН М. А. (ответственный секретарь),
ВЕНЕДИКТОВ Г. К., ВИНОГРАДОВА А. И., ЗЛЫДНЕВ В. И.,
ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В. М., КЛЕВАНСКИЙ А. Х.,
КОСТЮШКО И. И., СОЛОВЬЕВА А. П.

Т. В. Попова

КОРРЕЛЯЦИЯ ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Вводные замечания

§ 1. Корреляция твердых и мягких согласных фонем — важнейший элемент фонологических систем славянских языков. Не случайно изучению ее развития в настоящее время уделяется значительное внимание¹. Вопрос о противопоставлении твердых и мягких согласных фонем в болгарском языке остается, однако, еще малоизученным, хотя оно является одной из наиболее различающихся по говорам черт болгарского консонантизма. Вследствие большой диалектной дробности болгарского языка корреляция твердых и мягких согласных фонем в восточноболгарских говорах в целом заметно отличается от данной корреляции в западноболгарских говорах. Больше того, структура этого явления неодинакова и между отдельными говорами восточной Болгарии, с одной стороны, и отдельными говорами западной Болгарии, с другой. Все это и объясняет интерес, проявляемый славистами к этой проблеме.

§ 2. Во всех славянских языках, развивших корреляцию твердых и мягких согласных фонем, соотносительные по твердости-мягкости фонемы характеризуются как наличием или отсутствием палатальности, так и возможностью подвергаться нейтрализации. Под нейтрализацией, которая служит признаком функциональной связи коррелятивных фонем, следует понимать неразличение соотносительных фонем в определенной фонетической позиции, например: *пòлски, сèлски*, но *пол'а, сел'а*.

Пути развития корреляции твердости-мягкости согласных определялись в основном судьбой праславянских позиционно смягченных согласных: в тех языках, где праславянские позиционно мягкие согласные совпали с согласными, обладавшими фонематической мягкостью, корреляция твердых и мягких согласных фонем получила широкое и последовательное развитие, как, например, в русском и польском языках; в других же языках, где различие между праславянской позиционной и фонематической мягкостью согласных сохранилось, такая корреляция не развилась, например в сербско-хорватском языке.

Болгарский язык в отношении путей развития корреляции твердости-мягкости согласных не един: в западных и большинстве македонских говоров сохранилось различие между праславянской позиционной и фонематической мягкостью согласных, в восточных же говорах это

¹ Из последних работ см., например: Л. Э. Калнынь. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961.

различие исчезло, что свидетельствует о наличии двух противоположных тенденций в развитии праславянских говоров, составивших основу болгарского языка. Это подтверждается данными как среднеболгарских памятников письменности, так и современной диалектологии. Современные болгарские говоры дают далеко не исчерпывающий и нередко спорный материал относительно судьбы праславянских позиционно мягких согласных в западной и восточной Болгарии: в результате длительного междиалектного общения многие важные особенности отдельных говоров стерлись.

До сих пор в лингвистической литературе не существовало более или менее единого мнения о судьбе праславянских позиционно мягких согласных в говорах, составивших основу болгарского языка. По мнению одних славистов, южнославянские языки (а следовательно, и болгарский язык) сохранили различие между праславянской позиционной и фонематической мягкостью согласных². Другие слависты считали, что праславянская позиционная мягкость согласных имела неодинаковую судьбу в западных и восточных болгарских говорах³.

История системы болгарского вокализма (прежде всего гласных переднего ряда), судьба согласных перед рефлексам праславянских гласных переднего ряда, а также и сама специфика корреляции твердых и мягких фонем в современных болгарских говорах свидетельствуют о том, что в диалектах восточной Болгарии произошло функциональное совпадение праславянских позиционно мягких согласных с согласными, обладавшими фонематической мягкостью, тогда как в говорах, составивших основу западноболгарского наречия, подобного совпадения не было, т. е. различие между позиционной и фонематической мягкостью праславянских согласных здесь сохранилось.

II. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в говорах восточноболгарского наречия

§ 3. Хотя мы и не знаем конкретного звукового качества праславянских мягких согласных, тем не менее можем предположить, что в говорах, где были ликвидированы различия между праславянской позиционной и фонематической мягкостью согласных, позиционно смягченные согласные обладали меньшей степенью мягкости по сравнению с мягкими согласными фонемами, и в период ликвидации указанного различия праславянские позиционно мягкие согласные приобрели степень мягкости праславянских мягких согласных фонем. Основанием для такого предположения могут служить факты из современных болгарских говоров и литературного языка, где в настоящее время не существует различия в степени мягкости между согласными, восходившими к праславянским позиционно мягким, с одной стороны, и к праславянским фонематически мягким согласным, с другой, например, им. мн. *учители, орли* (от *учитель, орль*).

Благодаря совпадению праславянской позиционной мягкости с фонематической мягкостью для твердых и мягких согласных фонем появились позиции, в которых могла происходить нейтрализация указанных фонем; в положении перед гласными переднего ряда стали

² См., например: А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 71—72.

³ См., например: R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. «Travaux du cercle linguistique de Prague». Prague, 1929, стр. 76—79; K. Horálek. K otázce palatálních souhlásek v bulgarštině. «Slavia», roč. XX, seš. 1, 1950, стр. 57.

употребляться слабые мягкие согласные фонемы, в которых нейтрализовалось противопоставление сильных твердых и мягких согласных фонем⁴, например: *uĉit'el'*, *or'elъ*, но *uĉit'el'i*, *or'l'i*.

Процесс ликвидации различия между праславянской позиционной и фонематической мягкостью согласных повлек за собой изменения не только в области праславянских позиционно мягких согласных. Это привело к существенным изменениям и в области гласных переднего ряда, с которыми согласные сочетались.

Рассмотрим судьбу праславянских сочетаний согласных с гласными переднего ряда в восточноболгарских говорах.

§ 4. Праславянский гласный *ě*⁵ произносился в этих говорах как *e* широкое открытое (*ä*)⁶, перед которым согласные смягчились: *t'ě* > *t'ĕ* (*t'ä* > *t'ä*). Позднее, начиная приблизительно с XII в., в большинстве восточноболгарских говоров в артикуляции *ě* наблюдаются изменения, а именно: после смягчившихся позиционно мягких согласных гласный *ě* отодвигается назад, понижая свою артикуляцию и переходя в *a*; вместо сочетаний *t'ä* появляются сочетания типа *t'a*. Например: **тѣхъ**, **къ молитва**, **простри** (Тырновское ев.)⁷, **лѣкъ**, **цѣръ**, **вѣгати** (Сборник Тихонравова, XVII в.)⁸.

С конца староболгарского и особенно в среднеболгарский период⁹ на артикуляцию *ě* в северо-восточных болгарских говорах начали влиять ударение и качество последующего согласного. Под ударением и перед твердым согласным в соответствии с этимологическим *ě* здесь появляется *'a*, во всех же остальных случаях — *e*. Впервые подобные рефлексы *ě* зафиксированы в Валашских грамотах, отражающих, в языке особенности указанных говоров: **къ местехъ**, **на месте**, **вреси**¹⁰. Но в современных юго-восточных болгарских говорах на артикуляцию исконного *ě* ударение и качество последующего согласного обычно не оказывают влияния. Здесь в любой фонетической позиции мы находим какой-либо один рефлекс прасл. *ě*; см., например, либо последовательно *бр'акъ*, *м'асто*, *бр'аговѣ*, либо *бр'акъ*, *м'асто*, *бр'аговѣ*. Правда, в настоящее время во все большем количестве юго-восточных говоров начинают происходить определенные изменения в рефлексе прасл. *ě*; в результате междиалектного общения юго-восточных и северо-восточных болгарских говоров и под влиянием болгарского литературного языка архаический единообразный рефлекс прасл. *ě* в юго-восточных болгарских говорах встречается все реже, заменяясь северо-восточными рефлексами *'a/e*: *м'асто*, *мѣстен* и т. п.

⁴ О понятии сильной и слабой фонемы см.: Р. Н. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 28—31.

⁵ См.: А. Мейе. Указ. соч., стр. 39.

⁶ См.: С. Кульбакии. Охридская рукопись апостола конца XII в. «Български старини», кн. III. София, 1907, стр. С—С1; Л. Милетич. Два труда по историята на българския език: I — D-г А. Kalina. Studyja nad historyja jezuka bulgarskijego. Kraków, 1891; II — П. А. Лавров. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893. — СбНУ, кн. X. София, 1894, стр. 16; Л. Милетич. Седмоградските българи и техният език. «Списание на Българската Академия на науките», кн. XXXIII. София, 1926, стр. 25 (Далее — Сп. БАН).

⁷ М. Valjavec. Trnovsko tetrajevandelijske XIII veka. «Starine», XX—XXI, Zagreb, 1899, стр. 164.

⁸ Цит. по кн.: П. А. Лавров. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893, стр. 66.

⁹ См.: К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. София, 1958, стр. 110.

¹⁰ См.: П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 66.

Интересные факты в отношении судьбы *ѣ* дает восточноболгарский памятник XII в. — Григоровичев паремейник¹¹. Писец этого памятника отразил говор, в котором в соответствии с прасл. *ě* во всех фонетических положениях имеем *'a*, например: **медвѣдѣкъ, прѣмо, свѣтъ, тѣло, крѣпостѣкъ, до врѣмене, по бесѣдѣ, въ тѣмѣ**¹² и т. п.

По всей вероятности, этот памятник был написан в юго-восточной Болгарии, где и сейчас еще преобладает единообразное произношение прасл. *ě*. Если же предположить, что Григоровичев паремейник вышел из северо-восточной Болгарии, то можно думать, что после смягчения праславянских позиционно мягких согласных этимологический *ѣ* (= *'a*) изменился в этих говорах в *a* во всех фонетических позициях, вне зависимости от ударения и качества последующего согласного; позднее на произношение гласного *'a*, восходящего к прасл. *ě*, стали оказывать определенное влияние ударение и качество последующего согласного. В юго-восточных говорах, однако, архаический рефлекс *ѣ* сохранился и до настоящего времени, правда, уже не повсеместно.

§ 5. Особо следует остановиться на явлении отвердения некоторых согласных в положении перед *a* (из *ѣ*), встречающегося по говорам и восточной и западной Болгарии. В данном случае речь в основном будет идти о современных болгарских сочетаниях *ca, za, sa*, восходящих к этимологическим *c'ě, z'ě* (< *dz'ě*), *s'ě*, например, *цал, сѣкой, нозѣ* и др.¹³. Однако, есть основания полагать, что восточные и западные болгарские говоры пришли к такому единому результату не одновременно.

Уже в ранних среднеболгарских памятниках письменности, созданных на территории западной Болгарии, встречаем указанные сочетания: **сѣмо, рѣцѣте, сѣмо рѣно** (Кюст. ев. 25⁶, 30⁶, 36⁶, 61⁶)¹⁴, **цѣло-важѣ, цѣна** (Добрш. ев. 8⁶)¹⁵, **цѣлѣвъмѣ, нѣцѣвнѣмѣ, зѣло скрѣвѣ** (Цв. тр. 15⁶, 65^a, 125^a)¹⁶ и т. п., тогда как в сочетании с другими согласными на месте этимологического *ѣ* находим иной рефлекс, обозначаемый писцами буквами *e* или *ѣ*, например: **вѣлѣчѣте и, тебѣ, тебѣ** (Добрш. ев. 52⁶, 91, 36⁶), **слѣпѣца** (Кюст. ев. 176) и т. п.

Эти факты дают основание считать, что в говорах, легших в основу современного западноболгарского наречия, праславянские мягкие согласные *c', z', s'* рано отвердели, вследствие чего артикуляция гласной фонемы *ѣ* отодвинулась назад и понизилась и *ѣ* изменился в *a*¹⁷. (Кстати, эти случаи также помогают судить об артикуляционных особенностях общеболгарского рефлекса праславянского *ѣ*. Ведь в настоящее время в западноболгарских говорах на месте праславянского *ѣ*

¹¹ См., например: П. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечанием об особенностях их правописания и языка. СПб., 1868, стр. 69, 216—218; П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 35, 69 и др.; К. Мирчев. Указ. соч., стр. 109.

¹² Цит. по кн.: П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 68.

¹³ См., например: St. Mladenov. Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin und Leipzig, 1929, стр. 92.

¹⁴ Кюстендильское евангелие. Примеры взяты из работы: Б. Цонев. Кюстендильско четвероевангелие. Среднобългарски прототип на VI правописна школа. «Периодическо списание», год. XVII, кн. LXVI, св. 7—8. София, 1905, стр. 536—561.

¹⁵ Добрейшово четвероевангелие. Среднобългарски паметник от XIII век. Изд. Б. Цонев. «Български старини», кн. I. 1906.

¹⁶ Цвѣтна и поствѣ триодѣ. Примеры взяты из работы: Л. Милетич. Интересен среднобългарски паметник от XIII век. «Периодическо списание», год. XVII, кн. LXVI, св. 1—2. 1905, стр. 95—112.

¹⁷ Ср. и мнение А. М. Селищева: «...по болгарским диалектам *ц, s (з), c* или тверды уже в XI в.» («Старославянский язык», ч. I, М., 1951, стр. 326).

находим гласную фонему *e*; формы же *цало*, *ноза* и др., встречающиеся в этих говорах, свидетельствуют о том, что праславянская фонема *ě* до изменения ее в *'a* в восточных и в *e* в западных болгарских говорах дала на общеполгарской почве рефлекс *ä*¹⁸.)

В говорах же, легших в основу восточноболгарского наречия, дело обстояло, по-видимому, иначе. Как известно, в некоторых современных северо-восточных и юго-восточных говорах в положении перед *a* (из *ě*) встречаются твердые согласные фонемы *c*, *z*, *s* вместо мягких *c'*, *z'*, *s'*, например: *цал*, *цалу*, *цар* (<ц'р'ъ>), *сакой*, *ноза* и др.¹⁹ В соответствии с твердыми согласными *c*, *z*, *s* находим в этих диалектах и другие твердые согласные фонемы, продолжающие праславянские позиционные мягкие согласные в положении перед *a* (из прасл. *ě*): *рака*, *бран*, *умрѣто*, *запрѣ* (из аориста *запрѣ*), *отрѣзува*, *рѣдѣк*, *дѣто*, *флѣза*, *вѣра*, *бах* и др.²⁰, тогда как в других современных восточноболгарских говорах в тех же случаях находим соответствующие мягкие согласные фонемы: *ц'ал*, *ц'ар*, *р'ака*, *фл'аза*, *в'ера* и др. Видимо, в то время, когда после смягчившихся праславянских позиционно мягких согласных *ě* изменился в *a*, были мягкими и согласные *c'*, *s'*, *z'*, а следовательно, наряду с сочетаниями *l'a*, *r'a*, *m'a*, *p'a* и т. д. имели место и сочетания *c'a*, *z'a*, *s'a* (т. е. *л'ато*, *р'ана*, *м'асто*, *ц'ало*, *ноз'а*). Но в дальнейшем в силу определенных причин (скорее всего под влиянием западноболгарских говоров вследствие междиалектного общения и смешения или же в результате общей тенденции к отвердению) в некоторых восточноболгарских диалектах в положении перед *a* из *ě* на месте рассмотренных мягких согласных появились твердые; отсюда такие восточноболгарские формы, как *цало*, *цалувам*, *прѣпор* и др.

§ 6. В говорах праславянского языка, составивших основу восточноболгарского наречия, согласные, обладавшие позиционной мягкостью, пережили процесс смягчения и перед гласной фонемой *e*.

Можно предположить, что в период смягчения праславянских позиционно мягких согласных гласный *e* сохранял еще кое-где носовой характер. Фонемы *e* и *o* в болгарском языке начинают утрачивать назализацию приблизительно с XII в., в некоторых же говорах это явление наблюдается уже в XI в. А в XIII в. эти гласные, видимо, уже утратили свой носовой характер²¹.

После утраты назализации и смягчения праславянских позиционно мягких согласных фонема переднего ряда *e* несколько понижает свою артикуляцию, изменяясь в направлении к гласному *ъ* (*'e* > *'ъ*). Гласный же заднего ряда *o* после утраты носового характера совпадает с новоболгарским гласным *ъ* (ср., например, смешение букв *ъ* и *ж* в среднеболгарских памятниках письменности: *събота*, *мъцѣ* — *тжмо*,

¹⁸ См.: П. Билярский. О среднеболгарском вокализме, по патриаршему списку летописи Манассия. Изд. 2. СПб., 1858, стр. 105—106.

¹⁹ См., например: L. Miletich. Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache. Wien, 1912, стр. 31; Хр. Кодов. Езикът на тракийските българи. «Тракийски сборник», кн. VI. София, 1936, стр. 26; Б. Цонев. За източно-българския вокализъм. СбНУ, кн. III, 1890, стр. 295; Ст. Младенов. Принос към изучаване на българските говори в източна и западна Тракия (въз основа на наблюдения върху говора на бежанците из казаните области и Мала-Азия). «Тракийски сборник», кн. VI, 1936, стр. 18.

²⁰ L. Miletich. Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache, стр. 31; Хр. Кодов. Указ. соч., стр. 26; Ст. Младенов. Принос към изучаване на българските говори... стр. 27; Б. Цонев. За източно-българския вокализъм, стр. 295.

²¹ См.: К. Мирчев. Указ. соч., стр. 101.

изшждше, ажжъ)²². Вследствие сближения в артикуляционно-акустических свойствах гласных фонем *ε* и *ο* в среднеболгарских памятниках письменности наблюдается смешение букв **л** и **ж**. «Среднеболгарское правописание **л** вместо **ж** так последовательно в XIII—XIV вв., что естественнее думать о полном совпадении этих звуков уже в XIII в.»²³. По этой причине в среднеболгарских памятниках, созданных на территории восточной Болгарии²⁴, мы встречаем такие глагольные формы 1-го лица единственного числа настоящего времени, как, например, **шва са, съхрана, твора, насыта са, извѣста, възвыса та, къзвыса са** и др. вместо **шваж са, творж** и т. п.; **смѣра, настава, створа, поговѣла** и др.²⁵

Подобные написания свидетельствуют о том, что в говорах восточной Болгарии согласные фонемы перед рефлексом этимологического *ε* были мягкими.

§ 7. Праславянские согласные фонемы в положении перед гласными переднего ряда *e* и *i*, безусловно, тоже пережили процесс смягчения в говорах, легших в основу восточноболгарского наречия. Это мнение подтверждают данные современных восточноболгарских диалектов. Во многих восточных говорах согласные в положении перед *e* отличаются сильной степенью мягкости²⁶. Например, *прас'е, д'ѣсет, л'еф, в'ѣрен, стран'е, лѣз'е*, и др. В положении же перед *i* в большинстве восточноболгарских говоров согласные в настоящее время являются полумягкими, но эта полумягкость согласных в данной позиции, возможно, появилась позднее. Как известно, в новоболгарском гласном *i* совпали праславянские гласные *i* и *y*. Однако причины физиолого-акустического совпадения этих фонем в одной гласной фонеме, а вместе с этим и причины неразличения согласных фонем твердости-мягкости в данной позиции в говорах, развивших корреляцию твердых и мягких фонем, пока еще неясны.

Следует отметить, что в современных восточноболгарских говорах степень мягкости согласных фонем в положении перед гласными переднего ряда *e* и *i* не является одинаковой²⁷. Наряду с мягким и полумягким произношением согласных перед гласными фонемами *e* и *i* в восточноболгарских говорах известно и твердое произношение согласных.

Отверждение мягких согласных перед гласными *e* и *i* объясняется тем, что мягкость парных по твердости-мягкости согласных фонем в этой позиции не несет смысловозначительного значения, т. е. не фонематична. Иными словами, положение перед *e* и *i* почти во всех современных болгарских говорах является позицией неразличения мягких и

²² Цит. по кн.: К. Мирчев. Указ. соч., стр. 101, 102.

²³ В. Н. Щепкин. Болонская псалтырь. СПб., 1906, стр. 166.

²⁴ См., например, следующие работы о памятниках письменности, созданных на территории восточной Болгарии: Г. А. Ильинский. Слещенский апостол XII в. М., 1911; И. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма... стр. 60—61, 69, 211, 216—218; П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 35, 68 и др.; А. Х. Востоков. Описание рукописных и печатных книг словенских, принадлежащих действительному статскому советнику А. С. Норову. СПб., 1836, стр. 31; В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 171; М. Valjavec. Указ. соч.; R. Scholvin. Einleitung in das Johann-Alexander-Evangelium. «Archiv», VII. Berlin, 1883; П. Билярский. Указ. соч.

²⁵ В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 171; П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 20.

²⁶ См.: Ст. Стойков. Характер на съгласните пред предните гласни *e* и *i* в българския книжовен език. «Език и литература», № 3, год. XI, 1956, стр. 240; L. Miletić. Das Ostbulgarische. Wien, 1903, стр. 39—40.

²⁷ Ст. Младенов. Мекостта на съгласните в българските говори. «Годишник на Софийския университет», кн. X—XI. 1915, стр. 1—12.

твердых согласных фонем. Вследствие этого отвердение подобных согласных и не вносит принципиальных изменений в систему противопоставления данных фонем.

§ 8. В настоящее время мы располагаем сведениями, подтверждающими факт смягчения позиционно мягких согласных в положении перед гласным переднего ряда *ь* в восточноболгарских говорах. Ср., например, наличие мягких согласных фонем, некогда предшествующих слабому *ь*, на конце слова и в положении перед согласными в ряде современных юго-восточных и некоторых северо-восточных диалектов: *д'ен'*, *сол'*, *п'он'*, *п'ят'*, *з'ет'*, *л'акт'*, *радос'*, *сол'та*, *пон'д'ел'ник* и др.²⁸

Правда, в большинстве северо-восточных и некоторых юго-восточных болгарских говоров в указанных позициях встречаются лишь твердые согласные фонемы как в соответствии с праславянскими позиционно и фонематически мягкими, так и в соответствии с праславянскими твердыми согласными; ср., например: *ден*, *сол*, *п'ят*, *кон*, *крал*, *толко*, *к'онски* и др. На первый взгляд это является как бы доказательством того, что в указанных говорах праславянские позиционные мягкие согласные в положении перед *ь* отвердели. Тем не менее подобное предположение может быть опровергнуто языковыми фактами из тех же самых говоров, например, произношением конечного согласного имен существительных мужского рода единственного числа перед гласным членной формы и произношением согласного основы имен прилагательных женского и среднего рода единственного числа в положении перед флективными гласными: *ден'ъ(т)*, *з'ет'ъ(т)*, *п'ят'ъ(т)*, *с'ин'а*, *с'ин'о*²⁹. (Как известно, членная форма в некоторых восточноболгарских говорах возникла уже в X в. и к XIII в. была окончательно оформленной категорией. Она появилась в болгарском языке в то время, когда слабые редуцированные полностью еще не исчезли и когда падежные флексии не были утрачены³⁰.) Следовательно, и рассматриваемые здесь говоры, как и все прочие восточноболгарские говоры, в свое время тоже пережили процесс смягчения согласных в положении перед слабым *ь*. Наличие же в положении конца слова в этих говорах только твердых согласных является следствием позднейшего отвердения мягких согласных, восходящих как к праславянским позиционно мягким, так и к праславянским фонематически мягким согласным. К сожалению, в среднеболгарских памятниках письменности очень трудно обнаружить материал, который

²⁸ L. Miletič. Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache, стр. 30, 31, 43, 47, 49, 64, 176, 209; Ст. Кабанов. Говорът на с. Момчиловци, Смолянско. «Известия на Института за български език», кн IV. София, 1956, стр. 31; Г. Христов. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско. Там же, стр. 188; Ст. Стойков. Отчет за опитните диалектоложки проучвания в Първомайско през 1950 г. Там же, кн. I. 1952, стр. 251; К. Мирчев. Неврокопският говор. «Годишник на Софийския университет», кн. XXXII, 1. 1936, стр. 47, 48, 63; А. Бурмов. Пародии умотворения от с. Бяла-Черква, Търновско. СбНУ, кн. XXXVIII. 1930, стр. 8—12, 15, 17, 19; Ив. Кравков. Котелски говор. СбНУ, кн. VI. 1891, стр. 20; Л. Милетиč. Фонетични особености на помашките говори в Чепинско. «Периодическо списание», год. XVII, кн. LXVI, св. 3—4, 1905, стр. 209 и др.

²⁹ См. также мнение В. Н. Щепкина о современных восточноболгарских членных формах *п'ятт*, *п'тя*, которые, по его словам, свидетельствуют о том, что «восточноболгарские говоры в эпоху подновления сохраняли долю мягкости в конечных согласных нечленных форм *п'ят*, *ден*, *огън* и т. п.» (Указ. соч., стр. 103).

³⁰ См.: К. Мирчев. Указ. соч., стр. 184; М. Иванов. Принос към изучаване българските диалекти. (Забележки по говорите в областта на средногорското наречие). «Периодическо списание», год. IX, кн. XLVI. 1894, стр. 552, 575.

подтверждал бы факт смягчения праславянских позиционно мягких согласных перед слабым ь. В этих памятниках мы не находим особого знака для обозначения мягкости согласных в данной позиции. Отсюда мы заключаем, что к моменту написания среднеболгарских памятников письменности согласные, находившиеся в положении перед слабым ь, были уже твердыми. Вероятно, в середине слова согласные, оказавшиеся после утраты слабого ь перед согласными, отвердели несколько раньше, чем согласные, находившиеся перед конечным слабым ь. «С выпадением глухих в середине слова в болгарском языке произошло отверждение согласных, которые до того времени в положении перед ь были мягки»³¹. Правда, болгарские лингвисты отмечают, что в северо-восточных памятниках «конечный ь кое-где еще сохраняется для обозначения мягкости предшествующего согласного»³². Но в большинстве восточноболгарских памятников, отразивших процесс отверждения мягких согласных на конце слова и в положении перед согласными, ь не служит для обозначения мягкости предшествующего согласного. В восточных памятниках начиная с XIII в. обнаруживается «...тенденция сделать ь знаком новоболгарского глухого ъ, а ь сохранить в качестве безгласного знака»³³. Поэтому мы не можем основываться на таких правильных с точки зрения этимологического правописания фактах, как, например, **пѣтъ**, **гоуѣтель**, **гѣ**, но **сѣвѣтъ**, **вѣтрѣ**³⁴, для подтверждения наличия мягких согласных в положении конца слова. Наиболее интересные сведения в этом отношении могли бы дать восточноболгарские памятники XI—XII вв., но они, к сожалению, не сохранились. Нужно заметить, что в момент написания среднеболгарских памятников письменности в большинстве восточноболгарских говоров в положении конца слова и перед согласными были уже твердыми не только праславянские позиционно мягкие согласные, но и праславянские согласные, обладавшие фонематической мягкостью (т. е. в указанных говорах судьбу мягких согласных, продолжающих праславянские позиционно мягкие, разделили и праславянские фонематически мягкие согласные, если они также оказывались в положении конца слова и перед согласными). Так что в современных северо-восточных болгарских диалектах встречаются как *ден*, *пѣт*, *сол*, так и *кон*, *рибар*, *учител*, *конски*, *пѣски*.

§ 9. На основании всего вышесказанного можно заключить, что праславянские позиционно мягкие согласные в положении перед гласными переднего ряда *ѣ*, *е*, *і*, *е* и ь в диалектах, расположенных на территории восточной Болгарии, совпали с мягкими согласными фонемами.

В современных восточноболгарских диалектах результаты смягчения праславянских позиционно мягких согласных в положении перед гласным переднего ряда ь отражены непоследовательно. Так, в большинстве этих говоров согласные звуки, восходящие к сочетаниям праславянских позиционно мягких согласных со слабым ь, являются твердыми в положении конца слова и в положении перед согласными. Точно так же в определенных словах находим многочисленные случаи наличия твердых согласных в начале слова перед «вторичным» ъ (или его рефлексам *а*, *о*, *ѡ*), продолжающим сочетания соответствующих праславянских позиционно мягких согласных со слабым ь, например: *тѣмно*, *мѣгла*, *тѣмно*, *магла* и др. Вероятно, процесс отверждения ука-

³¹ П. Лавров. Указ. соч., стр. 102.

³² Б. Цонев. Добрейшово четвероангеле, стр. 31.

³³ См.: В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 157—158.

³⁴ См.: А. Х. Востоков. Указ. соч., стр. 3.

занных согласных в ряде определенных слов, характеризующий все болгарские говоры, проявился еще до начала смягчения позиционно мягких согласных в восточноболгарских диалектах, т. е. до возникновения различных фонетических явлений, непосредственно формирующих корреляцию твердых и мягких согласных фонем.

Данные современных восточноболгарских говоров указывают на то, что смягчение праславянских позиционно мягких согласных имело место еще до падения слабых редуцированных, о чем свидетельствуют современные восточноболгарские формы *д'ен'*, *път'*, *сол'*, *кдл'ко*. Здесь уместно напомнить, что падение редуцированных в болгарском языке датируется XI в.³⁵

Чем же в таком случае следует объяснять различную судьбу конечных согласных и согласных, находящихся в положении перед согласными, в северо-восточных и юго-восточных болгарских говорах? Одной из причин интенсивного отвердения в северо-восточных болгарских диалектах конечных согласных, восходящих не только к праславянским позиционно смягченным, но и к праславянским мягким согласным фонемам, может быть, следует считать утрату болгарским языком склонения имен существительных и прилагательных, которая раньше начала проявляться в этих говорах³⁶. Известно, что конец слова является наиболее ослабленным в отношении артикуляции. Поэтому естественно, что при отсутствии постоянно употребляющихся форм косвенных падежей, в которых мягкий конечный согласный все время сохраняет свою мягкость в сочетании с гласным флексии (ср., например, в русском языке: *кон'* — *кон'а* — *кон'у* и т. д.), а тем самым и поддерживает ее, конечный согласный легко может утратить мягкость и отвердеть. В юго-восточных болгарских диалектах процесс перехода к аналитическому строю начался гораздо позднее, о чем свидетельствуют многочисленные падежные формы, сохранившиеся до настоящего времени. Потому, вероятно, в названных говорах и сейчас встречаются мягкие согласные фонемы в положении конца слова. Кроме того, при объяснении наличия твердых конечных согласных, заменяющих праславянские позиционно мягкие и праславянские мягкие согласные фонемы в говорах, переживших совпадение указанных мягких согласных, нельзя упускать из виду и значение междиалектного общения и смешения между восточными говорами и западными, не знающими широкого различия твердых и мягких согласных фонем.

§ 10. Итак, еще до падения редуцированных, т. е. до XI в., в восточноболгарских говорах произошло совпадение в степени мягкости праславянских позиционно мягких согласных, находившихся перед гласными переднего ряда *ѣ, е, е, і, ъ, с* мягкими согласными, представлявшими праславянские мягкие фонемы. В результате этого твердые и мягкие согласные фонемы оказались непосредственно связанными с качеством последующего гласного: твердые фонемы могли употребляться лишь в сочетании с гласными заднего ряда *а, о, и, у, ъ, ѓ* (например: *царь, посълъ, боуря, сынъ, мъжь, зжьъ*), тогда как мягкие фонемы — только в сочетании с гласными переднего ряда *ѣ, е, е, і*, за исключением фонем *л', н', р'*, которые могли находиться как перед гласными переднего ряда, так и перед гласными заднего

³⁵ См.: К. Мирчев. Указ. соч., стр. 111; В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 28; С. М. Кульбакин. Указ. соч., стр. ХСII.

³⁶ Материал, подтверждающий мнение, что утрата склонения раньше началась в северо-восточных диалектах, а позднее охватила и юго-восточные диалекты, собран М. В. Луиной.

ряда *a*, *o*, *u* (например: *прѣльсть*, *кѣназь*, *масо*, *ленѣ*, *вѣскресе*, *село*, *поля*, *молож*, *клячѣ* и др.).

В это время еще не было позиций, где бы твердость и мягкость согласных были независимы от качества последующего гласного. Для этого периода развития восточноболгарских говоров мы условно должны говорить о твердых и мягких слогах, что было характерно и для других славянских языков, переживших аналогичный процесс в области праславянских позиционно смягченных и фонематически мягких согласных до падения слабых редуцированных³⁷. В функции различителей слов и форм выступали не отдельно твердые и мягкие согласные, с одной стороны, и передние и задние гласные, с другой, а именно твердые и мягкие слоги. Отдать предпочтение гласному или согласному элементу в образовавшихся в ту эпоху нерасчленимых сочетаниях невозможно. Ведь как твердость и мягкость согласных были в зависимости от качества последующего гласного, так и переднее или заднее образование гласного, в свою очередь, зависело от качества предшествующего согласного. Лишь в дальнейшем, после падения слабых редуцированных, твердость и мягкость согласных изолировались от качества последующего гласного, выявив тем самым свою фонематическую самостоятельность, и окончательно оформились в фонологическую категорию. В то же время произошло функциональное объединение передних и задних гласных фонем.

§ 11. После осуществления процесса падения слабых редуцированных в говорах, составивших основу восточноболгарского наречия, стали употребляться как твердые, так и мягкие согласные фонемы на конце слова, а также, возможно, и в положении перед согласными. Правда, различие твердых и мягких согласных фонем в этих позициях наблюдалось по восточным говорам болгарского языка сравнительно недолго. В настоящее время конец слова и положение перед согласными являются позициями, в которых согласные фонемы противопоставляются по твердости-мягкости лишь в части восточноболгарских диалектов (например, в некоторых юго-восточных говорах). В большинстве же восточноболгарских говоров твердые и мягкие согласные фонемы в названных фонетических положениях нейтрализуются преимущественно в твердой слабой согласной фонеме, что явилось следствием процесса отвердения мягких согласных, свойственного и другим южнославянским языкам.

Таким образом, твердые и мягкие согласные, изолировавшись от качества последующего гласного, выявили свою фонологическую значимость; с этого времени указанные согласные стали в восточноболгарских говорах самостоятельными фонемами.

В связи с этим произошли принципиальные изменения и в области вокализма. Так, теперь уже гласные в своем переднем и заднем образовании оказались обусловленными твердостью-мягкостью предшествующих согласных фонем: противопоставление «передний — непередний гласный», которое характеризовало праславянский период до совпадения праславянской позиционной мягкости с фонематической мягкостью согласных, после падения редуцированных перестало быть фонологическим. Наоборот, в результате оформления твердых и мягких согласных фонем в самостоятельную фонологическую категорию передние и задние гласные были фактически функционально объединены. Начало среднеболгарского периода в восточной Болгарии харак-

³⁷ Ср.: Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. «Вестник МГУ», 1947, № 1, стр. 41—57; R. Jakobson. Указ. соч., стр. 31.

теризуется процессом артикуляционного сближения или даже полного слияния передних и задних гласных одного и того же подъема в одной гласной фонеме³⁸.

Так, например, праславянский гласный переднего ряда *ě*, произносившийся в древнеболгарскую эпоху как *e* широкое открытое (*ā*), после смягчения праславянских позиционно мягких согласных и падения редуцированных в большинстве восточных говоров изменяется в гласный заднего ряда *a*, сливаясь тем самым с ранее существовавшей в болгарском языке гласной фонемой *a*: *m'asto*, *s'ano*, *v'ara* и т. п.

Кроме того, после падения редуцированных происходят изменения, как отмечалось выше, и в артикуляции праславянских носовых гласных *o* и *e*. В начале среднеболгарского периода, когда носовые гласные утрачивают назализацию, гласный заднего ряда *o* становится среднеязычным нелабиализованным гласным среднего подъема (*ɔ*)³⁹. Наступили изменения и в физиолого-акустических свойствах гласного переднего ряда *e*: его артикуляция понизилась в сторону артикуляции гласного *ɔ*⁴⁰. Таким образом, произошло и артикуляционное совпадение гласных *o* и *e* в гласной фонеме *ɔ*. Перед *ɔ*, восходящим к *o*, согласные были твердые, а перед *ɔ*, продолжающим ударенный *e*, согласные были мягкие⁴¹. Подтверждение этому мнению мы находим в современных архаических родопских говорах, сохранивших в той или иной мере среднеболгарское состояние сочетаний согласных с гласными, заменившими прасл. *o* и *e*. Ср., например: *z'ɔn* — *z'ɔm'*, *m'ɔsh* — *m'ɔso* (или: *zop* — *z'om'*, *moɔh* — *zem'ò* и т. д.). Но к концу XIV в. гласный *ɔ*, восходящий к прасл. *e* и имевший под влиянием предшествующего мягкого согласного, видимо, более узкое образование, в большинстве восточноболгарских говоров, за исключением родопских, совпал с *e*⁴².

Известные изменения претерпели и праславянские сильные редуцированные *ɔ* и *ɔ̃*. Вероятно, с XI в. началось слияние праславянских сильных *ɔ* и *ɔ̃* в одном звуке *ɔ*, который был нормально-кратким нелабиализованным гласным среднего ряда среднего подъема. Твердые и мягкие согласные фонемы перед новым гласным *ɔ*, восходящим к прасл. *ɔ* и *ɔ̃*, по-видимому, не очень четко различались по твердости-мягкости. Здесь следует помнить о двух различных по существу и не совпадающих хронологически процессах. О первом из них — слиянии прасл. *ɔ* и *ɔ̃* в начальном слоге некоторых слов, имевшем место еще до смягчения праславянских позиционно мягких согласных, см. выше (стр. 10-11). Подобное совпадение рассматриваемых гласных в одном звуке тогда еще не являлось выражением функционального объединения передних и непредних гласных в одну фонему. Что касается второго процесса, то в тех морфемах, где праславянские гласные *ɔ* и *ɔ̃* не слились в одном звуке до смягчения праславянских позиционно мягких согласных, их совпадение произошло позже, уже после падения слабых реду-

³⁸ Ср. также замечание П. Билярского: «Относительно определенности звуков (гласных) между ними оказывается недостаток резких отличий, которыми предугреждалось бы между ними смещение» (Указ. соч., стр. 133).

³⁹ См.: К. Мирчев. Указ. соч., стр. 104; Ст. Стойков. Българска диалектология. София, 1956, § 27; Л. Милетич. Два труда..., стр. 19.

⁴⁰ См.: Л. Милетич. Следы среднеболгарской замены носовых в новоболгарском наречии. «Статьи по славяноведению», вып. II, под ред. В. И. Ламанского. СПб., 1906; Л. Милетич. Фонетични особености на помашките говори в Чепинско, стр. 195—198; К. Мирчев. Указ. соч., стр. 104.

⁴¹ К. Мирчев. Указ. соч., стр. 104.

⁴² Там же, стр. 105.

дированных. Как и в первом случае, сильные гласные *ъ* и *ь* совпали в гласном *ъ* с той лишь разницей, что перед этим *ъ* согласные являлись мягкими, если *ъ* восходил к прасл. *ь*, и твердыми, если *ъ* продолжал прасл. *ъ*. Отражение подобного состояния мы находим в современных архаических юго-восточных родопских говорах, где обнаруживаем различные рефлексы нового среднеболгарского *ъ* — *а*, *о*, *ѵ*, например: *л'он*, *л'ок* — *слѵнце* или *п'ън'* — *п'ърви*, *л'ън*, *л'ък* — *слѵнце* и т. д. Вследствие этого в данных говорах парные твердые и мягкие согласные фонемы широко различаются перед гласным *ъ* (или *а*, *о*, *ѵ*) из прасл. *ъ* и *ь*. Характерно, что в родопских говорах мы также встречаемся с твердостью согласных фонем в начальном слоге некоторых слов в положении перед *ъ* (или его вторичными рефлексами *о*, *а*, *ѵ*), продолжающим прасл. *ь*: *т'ънко*, *м'ѵгли*, *в'ърба* или *тѵнко* и т. д., что подтверждает мнение о давности процесса отвердения согласных в положении перед прасл. *ь* в позиции начала слова. В остальных же восточноболгарских говорах можно найти многочисленные отклонения от описанного выше принципа вокализации прасл. *ъ* и *ь*. Так, очень часто находим *е* на месте праславянского сильного редуцированного *ь* и *о* на месте прасл. *ъ*. Некоторые исследователи не склонны признавать эти замены праславянских гласных исконными восточноболгарскими. Они объясняют наличие этих рефлексов заимствованием из соседних говоров, считая, что *о* вместо *ъ* (например, *г'ърѵѵ*, *песѵк*) появился под влиянием македонского языка (членная форма *-о*)⁴³, с одной стороны, и под влиянием аналогичного воздействия исконного суффикса *-ок* (например, *висѵк*)⁴⁴, с другой; а *е* вместо *ь* (*ден* и др.) возник под влиянием соседних западных говоров и в результате заимствований из русского языка⁴⁵.

Приблизительно к этому же периоду относится и изменение в артикуляции гласных *у* и *і*: обе фонемы совпали в одном гласном *і*, и согласные фонемы перестали различаться по твердости-мягкости в данной позиции. Однако причины подобного неразличения в восточноболгарских говорах пока еще неясны⁴⁶.

Гласные *е* и *о* в указанных говорах не подверглись изменениям, связанным с функциональным объединением передних и непередних гласных фонем.

§ 12. Итак, в говорах, легших в основу восточноболгарского наречия, развилась корреляция твердых и мягких согласных фонем. Вскоре после падения редуцированных в этих диалектах появилась новая гласная фонема *ъ*, возникшая в результате осуществления функционального объединения передних и непередних гласных одного и того же подъема: праславянские гласные фонемы *ѵ*, *ѣ*, *ъ* и *ь* изменились в новоболгарскую гласную фонему *ъ*. Согласные перед фонемой *ъ*, восходящей к *ѵ* и *ъ* (а в некоторых случаях и к *ь*), были твердыми, а перед фонемой *ъ*, восходящей к *ѣ* и *ь*, — мягкими. Таким образом, в начале среднеболгарского периода в восточноболгарских говорах твердые и мягкие согласные фонемы в положении перед гласной фонемой *ъ* были противопоставлены достаточно широко. Отражение этого состояния находим в современных родопских говорах, где на месте прасл. *ѵ*, *ѣ*, *ъ* и *ь*

⁴³ А. М. Селищев. Очерки по македонской диалектологии. т. I, Казань, 1918, стр. 29; Gy. Décsy. La vocalisation des *yers* en bulgare. «Studia Slavica», t. I, fasc. 4. Budapest, 1955, стр. 373—374.

⁴⁴ А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 24.

⁴⁵ Gy. Décsy. Указ. соч., стр. 380, 382, 383.

⁴⁶ Что касается западноболгарских говоров, то совпадение гласных *і* и *у* в одной гласной фонеме *і* явилось следствием сохранения различия между праславянской позиционной и фонематической мягкостью согласных.

употребляется или гласный *ъ* (в одних говорах), или же гласные *а, о, ѓ* (в других говорах): *л'ън, кл'ѣтва, гл'ѣдам, т'ѣмно, т'ѣшко, д'ѣн, с'ѣдни, з'ѣт', р'ѣт, ден'ѣт, гов'ѣдо, м'ѣсо, п'ѣн* — *султѣ, дѣп, сѣн, зѣп, слѣнце, рѣка, снѣха, вѣлк, мѣш* (или: *кл'ѣтва, гл'ѣдам, м'ѣсо, т'ѣшко, з'ѣт', п'ѣт', т'ѣмно, л'ѣсно* и т. п.).

Кроме того, расширилось различие соотносительных по твердости-мягкости согласных фонем и в положении перед гласной фонемой *а* за счет увеличения случаев употребления мягких согласных фонем перед *а* из *ѣ*. Ср., например: *пол'ѣ, зем'ѣ* (после утраты *l-epentheticum*) и *л'ѣто, м'ѣсто*.

Рассматривая процессы, происходившие в области вокализма в связи с оформлением твердых и мягких согласных фонем в самостоятельную фонологическую категорию и характеризовавшиеся в основном стиранием фонематического различия между передним и непредним образованием гласных одного и того же подъема, необходимо также остановиться и на других явлениях восточноболгарского вокализма. Речь идет об изменении гласного переднего ряда *i* в гласный заднего ряда *и* с сохранением мягкости предшествующего согласного, например: *кол'ѹби, р'ѹпки, вр'ут, ут'ѹват, с'ѹр'ѣт с'ѹраф, з'ѹмница, т'ут'ѹва, б'ѹѹ, б'ѹѹми, мѣл'ѹѹ, фѣл'ѹѹ, ужѣн'ѹѹми, ѓд'ѹѹ, с'ѹрмах* и т. п. (родопские, хасковский, первомайский, коларовградский, панагюрский, тырновский и др. говоры)⁴⁷. Кстати, мягкость согласных в положении перед *и* из *ѣ* в восточноболгарских говорах является еще одним доказательством того, что праславянские позиционно мягкие согласные смягчились перед гласным переднего ряда *i* (см. об этом выше).

Процесс перехода *i* в *и* свидетельствует о том, что в период после падения редуцированных утратило фонологическую значимость не только переднее — непреднее образование гласных, но в какой-то мере и наличие — отсутствие лабиализации (для гласных верхнего подъема), сопровождавшее различие по признаку передний — непредний ряд.

В восточноболгарских говорах в результате изменения *i* в *и* с сохранением мягкости предшествующего согласного противопоставление твердых и мягких согласных фонем в положении перед *и* расширилось: в этой позиции стали встречаться не только исконно мягкие согласные фонемы *л' п', р'* (*кл'ѹч, кл'ѹф* и т. п.), но и мягкие зубные и губные согласные фонемы (*ут'ѹвѣм, б'ѹѹ*).

Большинство западноболгарских и некоторые восточноболгарские говоры пережили процесс, обратный только что рассмотренному, а именно переход *и* после праславянских мягких согласных фонем в *i*. Можно предположить, что изменение *'и > i* произошло раньше, нежели изменение *i > и*, поскольку переход *'и > i* был известен и другим славянским языкам и не был связан с оформлением твердости-мягкости согласных в фонологическую категорию. Вот что пишет по этому поводу А. М. Селищев: «Процесс передвижки *и* в передний ряд после палатального согласного и затем процесс утраты лабиализации *ѣ* переживался разными славянскими языковыми группами в разные периоды их жизни. Такой процесс был пережит и в доисторическое время всеми славянскими группами: основное *'ѣ* изменилось в *i*: *siŭti*»⁴⁸.

⁴⁷ St. Mladenov. Geschichte der bulgarischen Sprache, стр. 85; L. Miletič. Das Ostbulgarische, стр. 83; L. Miletič. Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache, стр. 111; Г. Попиванов. Особенности на Шуменския говор. СбБАН, кн. XXXIV, 1940, стр. 342; Ст. Кабанов. Указ. соч., стр. 26; Г. Христов. Указ. соч., стр. 180; Хр. Кодов. Указ. соч., стр. 21; Ст. Младенов. Принос към изучаване на българските говори. . . , стр. 88, и мн. др.

⁴⁸ А. М. Селищев. Славянское языкознание. т. I, М., 1940, стр. 96.

§ 13. В результате падения редуцированных и описанных выше процессов в области вокализма, связанных с оформлением корреляции твердых и мягких согласных фонем в самостоятельную фонологическую категорию, значительно расширились возможности противопоставления мягких и твердых согласных фонем перед гласными *ъ, а, и*. Таким образом, в восточнoболгарских говорах в период после утраты слабых редуцированных согласные фонемы противопоставлялись друг другу по твердости-мягкости в следующих фонетических позициях: а) на конце слова: *den', kon' — sьn*; б) перед согласными (возможно, только в юго-восточных диалектах): *pòl'ski — sèlski*; в) перед *а* (мягкие согласные фонемы употреблялись перед этимологическим *а* и перед *а* из *ѣ*): *pol'â, gn'âzdo — selâ, ženâ*; г) перед *и* (мягкие согласные фонемы сочетались с исконным *и* и с *и* из *і*): *kl'uč, ut'ûvam — plûvam, tûr'a*; д) перед *ъ* (это новая позиция): *plet'ъt, kl'ъtva — pletъt, slъnce*; е) *и*, возможно, еще перед *i/y*: *sun — s'in'i*.

§ 14. Вскоре после падения редуцированных в северо-восточных болгарских говорах начали осуществляться процессы отвердения мягких согласных фонем в положении перед согласными и конечных мягких согласных фонем, продолжающих как праславянские мягкие согласные фонемы, так и праславянские позиционно мягкие согласные. В положении конца слова в этих говорах стали употребляться лишь твердые согласные фонемы: *кон, сол, пьт, гълъп, стан, стол* и т. п. Это привело к тому, что соотносительные по твердости-мягкости согласные фонемы имели возможность в данный период сочетаться только с гласными. Возродилось как будто бы состояние, характеризующее корреляцию твердых и мягких согласных фонем в восточных говорах после ликвидации различия между праславянскими позиционно и фонематически мягкими согласными, но до начала падения редуцированных: вновь появились твердые и мягкие слоги, где согласные фонемы как бы опять оказались неразрывно связаны с качеством последующего гласного. Тем не менее, учитывая весь ход развития этой корреляции в говорах, легших в основу современного восточнoболгарского наречия, мы можем и должны говорить о фонологической значимости твердых и мягких согласных фонем в северо-восточных болгарских говорах. Наличие же в положении конца слова — позиции, очень важной для признания твердых и мягких согласных самостоятельными фонемами, — лишь твердых согласных свидетельствует об ослабленной фонологической противопоставленности твердых и мягких согласных фонем в данных говорах.

В большинстве юго-восточных говоров мягкие согласные фонемы в положении конца слова не были охвачены тенденцией отвердения, вследствие чего конец слова продолжал оставаться позицией различения твердых и мягких согласных фонем. Однако следует отметить, что в данных говорах в положении конца слова, наряду с праславянскими мягкими согласными фонемами и согласными, обладавшими позиционной мягкостью, наблюдается и появление нефонетической мягкости конечных, этимологически твердых согласных, например: *живѣт', ж'уѣдт', глат', врут', уѣт', жѣнет', муѣн', сьн', бустѣн', гол', отмѣл', лен-тѣр'* и т. п.⁴⁹ Это свидетельствует о том, что в говорах как юго-восточной, так и северо-восточной Болгарии соотносительные по твердости-мягкости согласные фонемы недостаточно четко противопоставлены друг другу в положении конца слова, поскольку в юго-восточных болгарских

⁴⁹ См., например: L. Miletič. Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache, стр. 34; К. Мирчев. Неврокопският говор, стр. 11, 48, 60; Ст. Стойков. Отчет за олитните диалектоложки проучвания в Първомайско през 1950 г., стр. 251.

говорах ясно выражено стремление унифицировать качество согласного в названной позиции, а именно — смягчить конечный согласный. Ослабление функциональной значимости твердых и мягких согласных фонем проявляется, кроме того, и в почти безразличном употреблении указанных фонем в одних и тех же морфемах. Ср., например, дублетные формы в еркечском говоре: *ден* — *ден'*, *пѣт* — *пѣт'*, *п'ет* — *п'ет'*⁵⁰.

Как было показано выше, противопоставленность твердых и мягких согласных фонем на конце слова по сравнению с противопоставленностью перед гласными была представлена в говорах восточной Болгарии в значительно более узком круге лексики. Это способствовало тому, что сравнительно быстро обнаружилась тенденция к утрате фонологической значимости твердых и мягких согласных в этой позиции, что в конечном итоге привело к совпадению согласных на конце слова в каком-либо одном варианте — или твердом, или мягком. Первой же стадией этого процесса было безразличное употребление твердых и мягких согласных фонем в положении конца слова. Отражение различных стадий и возможных результатов процесса утраты фонологической значимости твердых и мягких согласных мы находим в современных восточноболгарских говорах.

III. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в западноболгарских говорах

§ 15. В говорах праславянского языка, составивших основу западно-болгарского наречия и македонского языка, ко времени падения слабых редуцированных различие между праславянской позиционной и фонематической мягкостью согласных сохранилось. Об этом мы можем судить на основании показаний среднеболгарских памятников письменности, написанных в западных и юго-западных областях Болгарии, а также на основании некоторых языковых данных, извлеченных из современных западноболгарских говоров и современного македонского языка.

Как правило, даже в самых ранних западных среднеболгарских памятниках (ср., например, Охридский апостол XII в., Боянское евангелие конца XII — начала XIII в., Добрейшово евангелие начала XIII в. и др.) нет указаний на палатализацию согласных, находившихся в положении перед слабым ъ. «В большинстве говоров уже в очень давние времена выравнивается произношение двух редуцированных ѣ и ъ, что выражалось в утрате палатального характера ѣ»⁵¹. Постоянное смещение букв ѣ и ъ в западноболгарских памятниках свидетельствует о том, что различие между этими гласными, а также и различие между предшествующими согласными по твердости-мягкости отсутствовало в то время. На основании некоторых языковых фактов (см., например, написания в Добрейшовом евангелии: *пѣтоу* *божию* 13^a, *дѣнотъ* 75^a и др.) мы можем судить о том, что праславянские позиционно мягкие согласные в рассматриваемых говорах не пережили совпадения с фонематически мягкими согласными. Интересно в этом отношении следующее рассуждение В. Н. Щепкина: «Формы *пѣтосъ*, *псаломсѣ* и *несотъ* имеют особую важность: фонетически из *пѣтсѣ* мы ожидали бы **пѣтѣсѣ*; такие формы чисто фонетического

⁵⁰ Ст. Стойков. Днешно състояние на еркечкия говор. «Изв. на Ин-та за бълг. ез.», кн. IV. 1956, стр. 352.

⁵¹ Врачанско евангелие. Среднобългарски паметник от XIII век. Изд. Б. Цонев. «Български старини», кн. IV. 1914, стр. 13—14.

происхождения нигде не могут быть указаны на болгарской почве. В македонских говорах можно найти только *нѣтот, нѣтон, нѣтсв*, вполне по аналогии слов твердой основы. Точно такое же подновление мы находим, очевидно, и в Болонской псалтыри». И далее он пишет, что форма «*пѣтось* Болонской псалтыри свидетельствует об очень старом утверждении общеславянских полумягких согласных в македонских говорах. О том же свидетельствует *вѣсотъкь*»⁵².

Поскольку западноболгарские говоры в своем развитии не пережили совпадения праславянских позиционно мягких с фонематически мягкими согласными, они не знали и периода функционального противопоставления твердых и мягких слогов, как это имело место в говорах, легших в основу восточноболгарского наречия. В связи с этим не было в указанных говорах и функционального отождествления передних и непередних гласных. Так, праславянские гласные фонемы *ь, е, ѣ* сохранили свое переднее образование, что подтверждается, например, такими современными западноболгарскими и македонскими формами, как *пет, рет, снек, лѣто, тѣмен, ден* и др.⁵³ Таким образом, отмеченное в восточноболгарских говорах понижение артикуляции гласных переднего ряда *ѣ* (\rightarrow 'а'), *ь* (\rightarrow 'ѳ'), *ѣ* (\rightarrow 'ѳ') в результате усилившейся мягкости предшествующего согласного в западноболгарских и части македонских говоров не имело места. Это свидетельствует о том, что в указанных говорах праславянские позиционно мягкие согласные не пережили смягчения перед гласными переднего ряда *е, ѳ, ѣ*. Праславянские гласные *ѳ, ѣ* сохранили непереднее образование: *зѳн* (или *зан*), *сѳн* (или *сан*) и т. п. Правда, в таких крайних западноболгарских говорах, как, например, белградчишский, брезнишский, трънський, западноберковский, прасл. *ь* (так же, как и прасл. *ѳ*) изменился в *ѳ* с твердостью предшествующего согласного (*дѳн, лѳко, лѳн, овѳн, орѳл* и др.), но это, видимо, следует объяснять влиянием соседнего сербско-хорватского языка.

В западноболгарских и части македонских говоров в настоящее время согласные фонемы, как правило, не являются мягкими и перед гласными *е* и *ѣ*, за исключением случаев типа *ѣман'е, бран'ѣ, клѣн'е, трѳ'не, прѳк'е* и др.⁵⁴, где мягкость согласных перед *е* в данных отглагольных и собирательных именах существительных появилась под воздействием сравнительно недавно развившегося нефонетическим путем *ј*.

§ 16. Итак, ко времени падения редуцированных корреляция твердых и мягких согласных фонем в западноболгарских и некоторых македонских говорах была представлена, видимо, лишь фонемами *п — п'*, *л — л'* и *р — р'*, т. е. соотноситься по твердости-мягкости с твердыми согласными фонемами могли лишь те мягкие согласные, которые и в праславянском языке обладали фонематической мягкостью. Поэтому для западноболгарских говоров процесс падения слабых редуцированных в смысле выявления фонематической самостоятельности твердых и мягких согласных не имел такого решающего значения, как это было, например, в восточноболгарских говорах.

⁵² В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 103.

⁵³ См., например: Цв. Годоров. Северозападните български говори. СБНУ, кн. ХLI, 1936, стр. 66; Ст. Романски. Долновардарският говор. «Македонски преглед», год. VIII, кн. 1. София, 1932, стр. 116; Б. Видоевски. Кичевскиот говор. «Македонски јазик», год. VIII, кн. 1. Скопје, 1937, стр. 44, 45.

⁵⁴ См., например: К. Попов. Говорът на с. Габаре, Белослатинско. «Изв. на Ин-та за бълг. ез.», кн. IV, 1956, стр. 123.

Данные фонемы различались по твердости-мягкости в этот период в положении конца слова и перед гласными *a*, *u* и *ъ* (из прасл. *ǫ*): *съп* — *кѡп'*; *лѹпа* — *кѡл'уѡ*, *гѡдѡс* — *бѹр'а*, *ѡепѡ* — *вѡн'ъ*. В положении перед гласными переднего ряда *i* (из прасл. *i* и *y*) и *e* (из прасл. *e*, *ь*, *ѣ*, *ѣ*) противопоставление фонем *l* — *l'*, *n* — *n'* и *r* — *r'* подвергалось нейтрализации: *ѡепѡ* — *вѡпѡ*, *на днѣ* — *на кѡпѣ*.

§ 17. Вскоре после падения редуцированных западноболгарские говоры начинают охватывать тенденция отвердения.

Вполне возможно, что в период до и после падения редуцированных праславянские мягкие согласные фонемы сохраняли свою мягкость в течение какого-то времени. Потом они стали отвердевать. В первую очередь эта тенденция охватывает праславянские мягкие согласные фонемы, находящиеся в положении конца слова и в положении перед согласными, о чем свидетельствует отсутствие каких-либо знаков для обозначения мягкости согласных в данных позициях. Буквы *ъ* и *ь* не служат знаками твердости и мягкости в памятниках. Часто слабые редуцированные вообще не пишутся писцами, а если и пишутся еще по традиции, то совершенно неправильно с точки зрения этимологического правописания, ср., например: *оучителъ* (Боянск. ев. 48^a), по *еднь* (Боянск. ев. 1^a), *акрамалъ* (Добрш. ев. 13^b), по *прѣстоу* (Добрш. ев. 21^b), *ноцижж* (Добрш. ев. 23^b) и др.

Затем праславянские мягкие согласные фонемы подвергаются отвердению и перед гласными, о чем свидетельствует наличие твердых согласных, восходящих к праславянским мягким согласным фонемам перед гласными флексий в памятниках, созданных на территории Македонии: *оучителѡу* (Добрш. ев. 19¹, 36^b, 40^a, 61^b, 70^a и т. д.), *огноу* (Добрш. ев. 30^b), *мытара* (Добрш. ев. 32^b), *лъжа свѣдѣтѣла* (Добрш. ев. 28), *лазара* (Боянск. ев. 39^b), *створж*, *гѡж* (Врач. ев.)⁵⁵.

В современных западноболгарских и македонских говорах мы также находим отражение этого процесса, например: *цар*, *кѡн*, *учител*, *зет*, *ден*, *цѡро*, *падѡра*, *тѹра*, *пѡлат*, *напрѡват*, *зѣта*, *зѣто*, *дѣна*. Однако в указанных говорах встречаются слова, как будто бы сохранившие как праславянскую мягкость согласных, так и мягкость, полученную из праславянской позиционной мягкости: *огн'ѡве*, *цѡр'у*, *кѡн'у*, *прыйдетел'у*, *огѡн'ѡт*, *кѡн'а*, *дѣн'а*, *огѡн'а*, *зѣк'а*, *пѡк'а*, *учител'а*, *пѡк'*, *зѣк'*, *лъжак'*, *грѣбен'*, *кѡрен'*, *кѡрен'ѡ*, *кѡрал'*, *сол'*, *учител'*, *ѡгѡн'*⁵⁶ и мн. др. Мягкость в этих случаях является нефонетической мягкостью более позднего происхождения, которая распространяется не только на праславянские позиционно мягкие согласные, но и на согласные, этой мягкости не имевшие, т. е. на любые твердые согласные. Помимо этих случаев, нужно еще иметь в виду и тот факт, что в настоящее время в западноболгарских говорах распространены заимствованные слова с мягкими согласными как в конце слова, так и перед флективными элементами. Ср., например: *штѡрбел'*, *гурѹн'*, *сукмѡн'*, *пирѡн'*, *мегѡн'*, *мегѡн'а*, *пирѡн'а*, *телефѡн'а*, *тигѡн'ѡ* и др.⁵⁷

§ 18. В настоящее время корреляция твердых и мягких согласных фонем в западноболгарских и македонских говорах развита несколько

⁵⁵ Последние два примера взяты из работы Б. Цонева «Врачанско евангеле» (стр. 37).

⁵⁶ См.: Г. Попиванов. Софийскит говор. СбБАН, кн. XXXIV, 1940, стр. 230, 235; Цв. Тодоров. Говорѹт на гр. Лом. СбНУ, кн. XXXVIII, 3, 1930, стр. 12, 14, 30; Г. Иванов. Орханскит говор. СбНУ, кн. XXXVIII, 2, 1930, стр. 15; К. Попов. Указ. соч., стр. 123.

⁵⁷ Цв. Тодоров. Говорѹт на гр. Лом, стр. 26; Цв. Тодоров. Северо-западните български говори, стр. 189; К. Попов. Указ. соч., стр. 123.

шире, чем в древнеболгарский и среднеболгарский периоды. Это объясняется тем, что оформление данной корреляции в том виде, в каком она представлена теперь, базировалось преимущественно на ряде поздних процессов нефонетического характера (например, на морфологической аналогии или на влиянии на предшествующий согласный йота [j], возникающего чаще всего нефонетическим путем).

Как уже упоминалось выше, вскоре после падения редуцированных в положении перед гласными переднего ряда различались по твердости-мягкости праславянские мягкие согласные фонемы $l-l'$, $n-n'$, $r-r'$: *pol'ǎ — selǎ*, *kl'uč — lǔg'e*, *vǒn'a — ženǎ*, *bǔr'a — gorǎ* и т. п. Однако очень рано по говорам западноболгарского наречия и македонского языка согласный отвердел в любой позиции: **мытара** (Добрш. ев. 30⁶), **лазара** (Врач. ев. 39⁶), *царо, тура* и т. п. (в современных западноболгарских говорах).

В результате проходившего по говорам всей Болгарии процесса утраты *l-erentheticum*⁵⁸, начало которого относится к концу древнеболгарского периода, в западноболгарских говорах стало возможно и противопоставление по признаку твердости-мягкости губных согласных фонем: *zem'ǎ — momǎ*, *sǎb'a — bǎba* и т. п. (Правда, количество слов с мягкими губными фонемами очень невелико, поскольку конечные мягкие губные согласные в словах типа *кораб'* вскоре после утраты *l-erentheticum* отвердели во всех говорах болгарского и македонского языков, а кроме того, как в большинстве западноболгарских, так и в македонских говорах мягкие губные отвердели и в глаголах II спряжения настоящего времени 1-го лица единственного и 3-го лица множественного числа в положении перед гласными флексии в случаях типа *kǔn'a*, *trǔn'a*, *kǔn'at*, *trǔn'at*.) О том, что западные говоры в свое время пережили утрату *l-erentheticum*, свидетельствуют показания среднеболгарских памятников письменности, созданных на территории западной Болгарии и Македонии. См. примеры без *l-erentheticum*: **кораби** (Охридск. ап. 10), **ослабенъ** (Охридск. ап., 3), **вѣнокиж** (Охридск. ап. 230⁶), **любѣше** (Добрш. ев. 98⁸), **избавеніе** (Добрш. ев. 22⁶); **корабъ, коравоу**, (Цв. тр.)⁵⁹ и др.

Но наряду с этим в названных памятниках имеются случаи, где в подобных примерах часто, хотя и непосредственно, пишется *l-erentheticum*; **избавеніа** (Добрш. ев. 25⁸), **избавеніе** (Добрш. ев. 22⁶), **любѣше** (Добрш. ев. 96⁶), **любѣше** (Добрш. ев. 98⁸). В пользу того мнения, что этот согласный в начале среднеболгарского периода в живом произношении уже отсутствовал, свидетельствуют случаи искусственного написания буквы л: **дръзновленіе** (Охридск. ап. 70⁶).

В настоящее время в современных западноболгарских диалектах *l-erentheticum* очень распространен, например: *бѣвл'ам, остѣвл'ам, насѣпл'ам, засрѣмл'ам са, глобл'ѣвам, момл'ѣче, сѣбл'а, дѣрвл'а, зѣмл'а* и др.⁶⁰; вероятно, он появился в рассматриваемых случаях в сравнительно недавнее время, скорее всего под влиянием соседнего сербско-хорватского языка. Причем изменилась сфера употребления *l-erentheticum* в современных западноболгарских говорах по сравнению с праславянским периодом: теперь этот согласный может употребляться,

⁵⁸ См. А. Лескин. Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Казань, 1915, стр. 85; К. Мирчев. Указ. соч., стр. 51.

⁵⁹ Последние два примера взяты из работы Л. Милетича «Интересен среднобългарски паметник от XIII век», стр. 106.

⁶⁰ См. Г. Попиванов. Софийский говор, стр. 229, 237, 241; П. Гъбьов. По говора на гр. Видин. СБНУ, кн. XIX, 1903, стр. 11; Г. Иванов. Орханский говор, стр. 30; Цв. Тодоров. Говорът на гр. Лом, стр. 25.

возникнув под влиянием вновь развившегося *j*, не только после губных, но и после зубных и шипящих, что свидетельствует о том, что в данных говорах *l*-epentheticum появляется уже нефонетическим путем. Ср., например, не только *сàбл'а*, *зèмл'а*, но и: *цвèтл'а*, *лòзл'а*, *стòврл'ам*, *пèрл'а*, *дъштерл'а*, *мàжл'а* и др.⁶¹ Возможно, *l*-epentheticum в подобных случаях стал рассматриваться как флективный или суффиксальный элемент в именах существительных женского рода с мягкой основой и в глагольных формах. За счет этих процессов в современных западноболгарских говорах расширилось противопоставление согласных фонем *l* и *l'*.

Кроме того, в современных западноболгарских говорах имеются слова с мягкими согласными фонемами, появившимися под влиянием позднее возникшего *j*, который, смягчив предшествующий согласный, утрачивался, не развив *l*-epentheticum, например: *нив'а*, *мируд'а*, *брàт'а*, *òден'е*, *орàн'е*, *пран'è*, *лòз'е*, *гòст'е*, *клас'е* и т. п. За счет случаев подобного рода в ряде современных западноболгарских и македонских говоров стали различаться по твердости-мягкости не только согласные *l—l'*, *n—n'* и редко *r—r'*, но и другие губные и зубные согласные, хотя и не очень широко, поскольку мягкие зубные (за исключением *l'*, *n'*) и мягкие губные согласные встречаются в довольно ограниченном круге лексик.

В большинстве западноболгарских и македонских говоров по твердости-мягкости достаточно широко противопоставлены задненёбные фонемы *k—k'* и *g—g'*. Мягкие согласные фонемы *k'* и *g'* возникли в результате позднего смягчения согласных *t*, *d* перед *j* (*цвèк'е*, *гòск'е*, *ливàг'е*, *г'àвол*, *попаг'а* и др.), с одной стороны, и под влиянием сербско-хорватского языка из прасл. *tj*, *dj* (*нок'*, *ношк'а*, *гàик'и*, *фàшк'ум*, *мèг'у*⁶²), с другой⁶³. Кроме того, во многих рассматриваемых говорах задненёбный мягкий согласный *k'* развился под воздействием предшествующей палатальной артикуляции (например в словах типа *мàйк'а*), а вслед за тем по аналогии согласный *k'* стал употребляться и после твердых согласных и гласных непереднего ряда: *прìстилк'а*, *тчòйлк'а*, *убавèнк'о*, *бàштелк'о*, *йк'о*.

Как известно, говорам, легшим в основу современного западноболгарского наречия, не были свойственны мягкие согласные фонемы в положении конца слова, за исключением, может быть, согласных *l'* и *n'* в именах существительных мужского рода основ на *-jo-*, например, *учител'*, *кон'*, хотя в большинстве западноболгарских и македонских говоров конечные согласные очень рано отвердели. Однако в настоящее время в говорах западной Болгарии встречаются слова с согласными *l'*, *n'*, *k'* в данной позиции: *крал'*, *чèшел'*, *сол'*, *учител'* (Софийско), *крàчул'* (Ломско), *месàл'* (Белоградчишко, Видинско), *фитил'* (Белоградчишко), *пискùл'* (Дупнишко), *осìл'* (Трънско), *смил'* (Видинско), *кон'*, *ден'*, *кòрен'*, *вездèн'*, *пèсен'*, *зарàн'*, *казàн'*, *катрàн'*, *тигàн'*, *кумìн'*, *бръшилèн'* (Софийско), *òган'* (сèла Етрополе, Ябланица, Огоя), *кон'*, *пирòн'* (Ломско), *сукмàн'*, *òгèн'* (Видинско), *пак'* (Софийско, Ботевградско), *зек'*, *лакàк'* (Ботевградско)⁶⁴ и др. Характерно, что в со-

⁶¹ См., например; Г. Иванов. Орханийският говор, стр. 30; Цв. Тодоров. Говорят на гр. Лом, стр. 25; Г. Попиванов. Софийският говор, стр. 237, и др.

⁶² См., например: Г. Иванов. Орханийският говор, стр. 29; Ст. Романски. Долновардарският говор, стр. 126, 127.

⁶³ См. об этом подробнее в § 19 настоящей статьи.

⁶⁴ См., например: Цв. Тодоров. Северозападните български говори, стр. 189—191; Г. Попиванов. Софийският говор, стр. 235, 237, 238; Г. Иванов. Орханийският говор, стр. 30; П. Гъбьов. Указ. соч., стр. 13.

временных западноболгарских и македонских говорах мягкими согласными в положении конца слова могут быть лишь согласные l' , n' , k' , восходящие к соответствующим конечным согласным некоторых заимствованных слов, преимущественно турецких, с одной стороны, или же к конечным праславянским l' , n' , l' , n' , t' , с другой. Вполне возможно, что наличие мягких согласных фонем n' , l' , k' в положении конца слова в данных говорах объясняется тем, что палатальная артикуляция этих фонем, будучи довольно сильной⁶⁵ в положении перед гласными (например: *трън'е*, *бъл'е*, *л'йна*, *брък'а*, *цвек'е* и т. п.), без труда переносилась и на конец слова определенных лексических единиц. Также нельзя упускать из виду и факт междиалектного общения и влияния юго-восточных болгарских говоров, знающих различие твердых и мягких согласных фонем в положении конца слова.

При образовании членных форм или форм множественного числа эти конечные мягкие согласные в западноболгарских и македонских говорах не утрачивали свою мягкость в сочетании с гласными флексии, например: *кѡн'о*, *тигѡн'о*, *крал'ѡва*, *зѡк'ѡве* и др.

Итак, в рассматриваемых говорах мягкость согласных в настоящее время в большинстве случаев не может быть возведена к праславянской позиционной мягкости. Она обычно является мягкостью позднего происхождения, вызванной чаще всего причинами нефонетического характера.

Как было показано выше, корреляция твердых и мягких согласных фонем охватывает небольшое количество фонем (чаще всего это $l-l'$, $n-n'$, $k-k'$ и $g-g'$). Во многих рассматриваемых говорах наблюдается, с одной стороны, утрата мягкости (например: *цѡро*, *тръна*, *пѡлат* и т. п.), а с другой — распространение мягкости на твердые согласные, находящиеся в определенных положениях или определенных морфемах (например: *пѡпел'*, *зек'*, *тигѡн'о* и др.). Кроме того, в одних и тех же говорах отмечается совершенно бессистемное наличие или отсутствие мягкости в аналогичных морфемах, например: *учѡтелѡт*, но *приѡтѡтл'*, *бъл'бул'ѡт*; *цар*, но *сол'*, *учѡтел'*⁶⁶. Из этого следует, что корреляция твердых и мягких согласных фонем занимает в фонологической системе западноболгарских говоров незначительное место в отличие от восточноболгарских говоров, где данная корреляция является одной из определяющих черт системы консонантизма.

IV. О некоторых причинах своеобразия корреляции твердых и мягких согласных фонем в ряде современных болгарских говоров

§ 19. Некоторым говорам болгарского языка свойствен ряд фонетических явлений в области консонантизма, который определенным образом меняет систему противопоставления твердых и мягких согласных фонем.

Ряд болгарских диалектов — как западных, так и восточных — знает изменение $t' > k'$ и $d' > g'$, основанное на артикуляционной бли-

⁶⁵ Б. Цонев. Диалектни студии. I. Поправки и допълнения към Милети-чевата книга *Das Ostbulgarische*. СбНУ, кн. XX. 1904, стр. 16; Б. Цонев. История на българский язык, т. 3. София, 1937, стр. 212.

⁶⁶ Д. Мирчев. Бележки по кукушко-воденския говор. СбНУ, кн. XVIII. 1901, стр. 435; Д. Мирчев. Бележки по прилепския говор. СбНУ, кн. XX. 1904, стр. 16—17.

зости согласных *t'*, *d'* и *k'*, *g'*⁶⁷. Например: *цвѣк'е*, *брѣк'а*, *ливѣг'е*, *бреск'ѣк*, *пак'*, *зек'*, *лѣкок'*, *г'ѣвол* и т. п.

В некоторых восточных и западных говорах изменению в *k'*, *g'* подверглись любые *t'*, *d'* (ср., например, котелский, белослатинский или софийский говоры). В таком случае *k'*, *g'* из *t'*, *d'* в синхронном плане объединяются с уже существующими в говоре *k'* *g'*, не восходящими к общеболгарским *t'*, *d'* (ср., например: *сек'ѣра*, *мѣйк'и*, *две цигѣлк'е*, *ерг'ѣне*, с *пет опѣшк'е*, *със свѣрк'е*, *Гедрг'ѣйѣ*, *кѣлк'о*, *ѣг'ин* и др.). Для подобных говоров чередования *t/k'*, *d/g'* в случаях типа *цвет* — *цвѣк'е*, *ливада* — *ливѣг'е* следует рассматривать уже как морфологические чередования. Элементы этого чередования — согласные *k'*, *g'* — начинают соотноситься по твердости-мягкости с соответствующими твердыми задненебными согласными фонемами *k*, *g*: *к'ѣсна* — *Балкѣн*, *г'ѣдо* — *слѣдѣ*. Вследствие этого заметно меняется система консонантизма: одного звена, а именно — мягких зубных *t'*, *d'*, в ней не оказывается. Согласные фонемы *t*, *d* становятся тем самым непарными по твердости-мягкости.

Несколько сложнее обстоит дело в тех говорах, где при наличии случаев перехода зубных *t'*, *d'* в задненебные *k'*, *g'* существуют отдельные случаи сохранения согласных *t'*, *d'*. Ср., например, в юго-восточных родопских говорах: *ѣв'ѣдк'и*, *г'ѣвет'*, *кѣтел'*, *ден'*, *сѣг'ем* и т. п.⁶⁸ В этих диалектах возможно и параллельное употребление фонем *t'* *d'* и *k'*, *g'*, в связи с чем отмечены многочисленные звуковые варианты слов: *т'ѣл'о* — *к'ѣл'о*, *т'ен* — *к'ен*, *з'ѣт'ѣве* — *з'ѣк'ѣве*, *род'ѣл се* — *рог'ѣл се* и мн. др.⁶⁹ Это свидетельствует о том, что смысловозначительная функция согласных *t'*, *d'* и *k'*, *g'* по отношению друг к другу ослаблена, что и позволяет им оформлять звуковые варианты-дубликаты слов. Тем не менее согласные *t—t'*, *d—d'*, *k—k'*, *g—g'* продолжают образовывать соотносительные по твердости-мягкости пары фонем. Ср., например: *цв'ѣт* — *з'ѣт'*, *ѣм* — *ѣд'ѣдо*, *ѣрук* — *з'ѣок'*, *слѣдѣ* — *г'ѣдо*.

§ 20. Большинство современных северо-западных болгарских говоров свойственно изменение *l'* в *j*⁷⁰. Это явление подробно изучалось Ст. Стойковым. Возможность подобного изменения объясняется им прежде всего артикуляционной близостью согласных *j* и *l'*: *l'* в западноболгарских говорах обладает сильной степенью мягкости и в результате ослабления затвора легко переходит в *j*. Легче всего утрата затвора совершается в начале слова перед гласным и в интервокальном положении. Поэтому *l'* изменяется в *j* в первую очередь именно в этих позициях, а затем и во всех случаях без исключения.носителем этой новой фонетической черты является молодежь. В языке старшего поколения еще продолжают жить формы с *l'*. В настоящее время в северо-западных говорах как бы сосуществуют параллельные формы с *l'*

⁶⁷ См.: Ст. Стойков. Палаталните съгласни в българския книжовен език. «Изв. на Ин-та за бълг. ез.», кн. I. 1952, стр. 32; его же. Увод в българската фонетика, София, 1955, стр. 67.

⁶⁸ См. L. Miletič. Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache, стр. 175—176, 209—211; Л. Милетиč. Фонетични особености на помашките говори в Чепинско, стр. 213—222.

⁶⁹ См. L. Miletič. Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache, стр. 175—176, 209—211; Л. Милетиč. Фонетични особености на помашките говори в Чепинско, стр. 213—222.

⁷⁰ См. Ст. Стойков. Едно ново фонетично явление в западните български говори. «Изв. на Ин-та за бълг. ез.», кн. I, стр. 146—169; К. Попов. Указ. соч., стр. 123—124.

и с *j*. Так, например, в семье родители могут звать свою дочь *Недел'а*, а братья и сестры — *Недейа*, не замечая разницы в произношении. Таким образом, смыслообразительная функция согласных *l'* и *j* по отношению друг к другу несколько ослабляется. Благодаря же наличию в одном и том же говоре равноправных звуковых вариантов слов типа *недел'а* и *недейа* с согласным *l* соотносится по твердости-мягкости не только *l'*, но и *j*. При таком положении следует говорить о соотносительных по твердости-мягкости согласных фонемах *l—l'*, *j*. Ср., например: *селà, маглà — сейàни, пойà* (и *сел'àни, пол'à*); *волдве, крилò — крал'две (крайдве), вòл'о (вòйо); цалувам — кл'уч (кйуч)*.

Сфера употребления согласного *j* все более расширяется за счет сужения сферы употребления согласного *l'*. Вероятно, с течением времени может наступить такое положение, что в фонетических системах северо-западных болгарских говоров будет отсутствовать согласный *l'*. Тогда согласный *l* окажется непарной твердой согласной фонемой, а согласный *j* из *l'* перейдет в разряд непарных мягких согласных фонем, совпав с исконным *j*.

§ 21. На развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в болгарском языке оказали воздействие как некоторые более поздние изменения в области вокализма, так и процессы, связанные с действием морфологической аналогии. Известное влияние имели и лексические заимствования. Все это способствовало, с одной стороны, появлению новых позиций различия мягких и твердых согласных фонем, а с другой — расширению противопоставления по твердости-мягкости в старых позициях различия.

Так, большое значение для расширения возможностей противопоставления твердых и мягких согласных фонем имели такие фонетические процессы, происходившие в юго-восточных родопских говорах, как изменение *ъ* (из прасл. *ъ, ь, ѣ, ѓ*) в *о, ô, а*. Это создало возможность широкого противопоставления твердых и мягких согласных фонем в новых позициях — перед гласными *о* и *ô* — и расширения различия названных согласных в старой позиции перед гласным *а*: *т'òшко — тòшко, т'òшко — тòшко, т'òшко — тòшко*.

Значительно расширилось употребление гласных непредного ряда после мягких согласных в западноболгарских, восточноболгарских (в основном — северо-восточных) и македонских говорах в результате аналогических влияний слов твердой разновидности (например: *стол, бряг, двор, жена, гора, бял, червен, сляп* и т. п.) на слова мягкой разновидности (*цар, ден, крал, земля, воля, син* и т. д.). Определенное значение в этом отношении имели также известные процессы, происходившие в области словообразования, как, например, образование притяжательных прилагательных с суффиксом *-ов*, образование нарицательных существительных с суффиксом *-овци*, увеличительных существительных с суффиксом *-уга*, глагольных форм с суффиксом *-ува-* и т. п. В результате такого рода процессов в говорах болгарского и македонского языков создались условия для противопоставления по твердости-мягкости согласных фонем в положении перед гласным *о*, что до этого в названных говорах (за исключением некоторых родопских) было невозможно: *мостò, стòло — зет'о, цар'о, ден'о, крав'о* (членная форма имен существительных мужского рода единственного числа); *столдве, бреговè, двордве — крал'две, зèк'ове, клòн'ове, клèn'ове, огн'две* (множественное число имен существительных мужского рода); *жèно! г'ро! — зèм'о! вòл'о! цар'о! кòн'о!* (звательная форма имен существительных мужского и женского рода единственного числа); *к'умоф, б'òло, песòк, г'б рофци — Прèг'оф дол, лебег'òво, фидан'òво, с'н'о, кòз'о, бос'л'ок*.

кѡн'ок, кѡн'оѡци (различные суффиксальные образования имен существительных и прилагательных)⁷¹.

Расширилось также и употребление гласной фонемы *и* после мягких согласных в глагольных формах с суффиксом *-ува-* и в именах существительных с увеличительным суффиксом *-уга*: *развидел'увам, зѡпл'уѡвл, искашил'увам, спомн'увам, заостр'увам, измокр'увам*⁷², *пен'уга, перепел'уга, чеѡѡрл'уга* и т. п.

Кроме того, в расширении противопоставления твердых и мягких согласных немалую роль сыграли и лексические заимствования. Хотя в них и сохраняется время иноязычное произношение, тем не менее эти слова не воспринимаются населением как иностранные. Так, благодаря заимствованиям из турецкого языка увеличились случаи употребления мягких конечных согласных фонем и мягких фонем в положении перед гласными *о* и *и*, например, за счет таких слов, как *катрѡн', тигѡн', демѡк', т'ут'ѡн', л'ул'ѡк, г'ол, г'он, к'ѡраѡ, к'ар, ѡ'ук'ѡн, г'уг'ѡм* и др. Вместе с тем, благодаря лексическим заимствованиям, как свидетельствуют последние примеры, стало более четким и противопоставление твердых и мягких задненебных фонем. В результате проникновения в болгарский язык западноевропейской лексики также расширилось употребление мягких согласных фонем в положении перед *о* и *и*, например: *кост'ѡм, маник'ѡр, авант'ѡра, куп'ѡра, грав'ѡра, коѡѡ'ѡра, бокс'ѡр, монт'ѡр, грим'ѡр, шоѡѡ'ѡр* и мн. др.

V. Система различия твердых и мягких согласных фонем в современном болгарском языке

§ 22. В настоящее время в болгарском языке, в восточных и западных его говорах, имеет место противопоставление твердых и мягких согласных фонем. Но характер противопоставления соотносительных по твердости-мягкости согласных фонем (позиции различия и нейтрализации и сам объем указанных фонем, образующих корреляцию твердости-мягкости) неодинаков в современных восточных и западных болгарских говорах. В то время как в восточноболгарских говорах корреляция твердых и мягких согласных фонем является одной из определяющих черт системы консонантизма, в фонологической системе западноболгарских и македонских говоров данная корреляция занимает весьма незначительное место. В результате различной судьбы праславянских позиционно мягких согласных и вследствие осуществления ряда описанных выше процессов (как фонетического, так и морфологического характера) в современном болгарском языке создалась следующая система противопоставления и нейтрализации твердых и мягких согласных фонем.

§ 23. Восточноболгарские говоры. В современных восточноболгарских говорах корреляция твердости-мягкости представлена следующими фонемами: *t — t', d — d', s — s', z — z'* (слов с *z'* немного), *l — l', n — n', r — r', m — m', p — p', b — b'* (широко только в положении перед *a*), *v — v', f — f'* (слов с *f'* немного), *k — k', g — g', c — c'*

⁷¹ См. Г. Попиванов. Особенности на Шуменския говор, стр. 341, 348; Г. Попиванов. Софийският говор, стр. 219, 230, 305; Цв. Тодоров. Северо-западните български говори, стр. 68, 189—194; Г. Иванов. Орханийският говор, стр. 11—12; П. Панайотов. Сливенският говор. Принос към българската диалектология. СбНУ, кн. XVIII. 1901, стр. 511; К. Попов. Указ. соч., стр. 130; Ст. Кабасанов. Указ. соч., стр. 35 и мн. др.

⁷² Ст. Стойков. Българска диалектология, стр. 58; П. Панайотов. Указ. соч., стр. 519.

(там, где не было отвердения *c'*), *dz* — *dz'* (тырновский и тетевенский говоры). Указанные согласные фонемы различаются в положении конца слова (юго-восточные и часть северо-восточных диалектов), перед гласными *a*, *ъ*, *o*, *и*, *ô* (в части родопских говоров). В положении перед гласными *e*, *i*, перед согласными, а для большинства северо-восточных говоров (и литературного языка) и в положении конца слова противопоставление твердых и мягких согласных фонем нейтрализуется.

1. Положение на конце слова. В большинстве северо-восточных и в некоторых юго-восточных говорах положение конца слова является позицией, в которой твердые и мягкие согласные фонемы нейтрализуются в твердом согласном: *пѣт*, *зѣт*, *хрѣст*, *прѣт* (но: *пѣт'ѣт*, *зѣт'ѣт*, *хрѣстѣт*, *прѣтѣт*).

В значительной части юго-восточных говоров и в некоторых северо-восточных (например, в котелском, еркечском, коларовградском, тырновском и др.) конец слова является позицией различения твердых и мягких согласных фонем: *сол'*, *крал'* — *вол*; *кон'*, *ден'* — *син*; *цар'* — *бѣбѣр*; *радос'* — *глас*; *врѣф'* — *жиф*; *сѣб'ѣрѣм'* — *там*; *дулѣн'* — *зѣн*; *живѣк'*, *езѣк'* — *друк*. Однако в связи с появлением мягких конечных согласных в соответствии с этимологическими твердыми (*жиуѣт'*, *муѣн'*) четкость противопоставления твердых и мягких согласных фонем в указанной позиции ослабляется.

2. Положение перед *a*. В указанной позиции во всех восточно-болгарских говорах широко противопоставлены твердые и мягкие согласные фонемы: *т'а* — *там*; *д'адо* — *дам*; *с'анка* — *коса*; *з'апам* — *зѣвет*; *мл'аку* — *слѣма*; *гн'аздо* — *нам*; *р'ака*, *бѣлгар'а* — *пѣв'ѣ*; *зем'а* — *муѣ*; *п'асѣк* — *запѣлвам*; *б'ах* — *баба*; *св'ат* — *сват*; *искуф'аѣ*, *сф'ат* — *фѣкел* (например, в неврокопском и казанлыкском говорах); *брѣск'ак* — *сукѣк* (в говорах, знающих изменение *t'* в *k'*); *г'адо* — *слугѣ* (в говорах, где *d' > g'*); *ц'ал* — *цар* (например, коларовградский, казанлыкский, хасковский, сливенский, малкотырновский говоры, литературный язык); *блѣс'а*, *с'анѣм* — *сѣд'ѣн* (например, тырновский, тетевенский говоры).

3. Положение перед *ъ*. В восточных говорах целесообразно выделять две группы, заметно отличающиеся друг от друга степенью противопоставления твердых и мягких согласных фонем в положении перед *ъ*, а именно: 1) северо-восточные говоры (как и литературный болгарский язык), где мягкие согласные фонемы употребляются лишь на стыке корня и флексии, т. е. перед флексивным *ѣ* (*ден'ѣт*, *плѣт'ѣт*), и 2) хвойненский и павликянский говоры, в которых мягкие согласные фонемы сочетаются с *ѣ* не только на стыке корня и флексии, но и в корневых морфемах, поскольку в этих диалектах *ѣ* заменил прасл. *ь*, *ъ*, *е*, *ѣ*. Например: *плѣт'ѣт*, *т'ѣшко* — *тѣмно*; *сид'ѣт*, *д'ѣн* — *дадѣт*, *дѣн*; *глас'ѣт*, *с'ѣдни* — *гласѣт*, *сѣн*; *пѣлз'ѣ*, *з'ѣт* — *лозѣ*, *зѣн*; *бул'ѣ*, *гл'ѣдам* — *слѣнце*; *бер'ѣ*, *р'ѣт* — *перѣ*, *горѣтѣ*; *цен'ѣ*, *зѣн'ѣт* — *зѣнѣт*; *сп'ѣ*, *п'ѣта* — *пѣт*; *глоб'ѣт*, *б'ѣха* — *глобѣт*, *бѣха*; *вѣрв'ѣ*, *гов'ѣдо* — *вѣлк*, *главѣ*; *зем'ѣ*, *м'ѣко* — *момѣ*, *мѣш*; *пѣлс'ѣ* — *сѣркѣм* (тырновский говор).

4. Положение перед *o*. В литературном языке и в восточных диалектах (за исключением костандовского и ракивовского) противопоставление твердых и мягких согласных фонем в положении перед *o* является не очень широким и обусловлено поздними процессами, в основном нефонетического характера. В костандовском и ракивовском говорах твердые и мягкие согласные фонемы четко различаются между собой в данной позиции, поскольку в этих диалектах в гласном *o* совпали прасл. *ь*, *ъ*, *е*, *ѣ*. Например: *з'ѣт'ове*, *т'ѣшко* — *той*, *стол*; *Сѣнд'о!* *д'ѣл'го* — *дом*, *дѣги*; *кѣс'о!* *пос'ѣгно* — *сол*; *кѣз'о*, *з'от* — *зон*, *зор*; *крал'ѣве*, *л'ѣсну* — *волѣве*, *крѣлѣ*; *сѣн'о*, *огн'ѣве* — *нанѣсвам*, *ленѣт*; *другѣр'о*, *вр'от* —

рот, рѡкл'а; п'ѡрушница, п'ѡки — поп, пок'; ков'ѡр, вурв'ѡт — вол, ворх; шоф'ѡр — форма (преимущественно в литературном языке); зѣм'ѡ! м'ѡсо — мор, мѡгли; к'ѡрчо, гуск'ѡт — кѡпан, кон'; лебег'ѡво, г'ѡл'ук — гост, горп.

5. Положение перед *ѡ*. Фонема *ѡ* (из прасл. ѡ, ѡ, ѡ, ѡ) известна смолянскому, широколышскому, велинградскому говорам: т'ѡшко — тѡшко; испад'ѡт — ѡдитер'ѡ; пос'ѡгнах — сѡм; з'ѡх, з'ѡт — зѡп (фонема *z'* употребляется в редких случаях); л'ѡсно — маглѡса; ден'ѡс — снѡха; ср'ѡшинах — сесрѡ; п'ѡт — пѡк'; б'ѡ (из **вѡхъ**) — забѡс (фонема *b'* в данной позиции встречается очень редко); варв'ѡт — вѡтре; каф'ѡ — фѡрлихже (*f'* перед *ѡ* встречается крайне редко); м'ѡко — мѡш; госк'ѡт — кѡшта; г'ѡлак — гѡрненце.

6. Положение перед *и*. Перед ударенным *и* соотносительные по твердости-мягкости согласные фонемы в восточноболгарских говорах противопоставляются недостаточно широко: ут'ѡвам — тѡр'а; с'ѡрѡт — сѡх; з'ѡмница — бѡзѡркам; кл'уч — цалѡвам; пен'ѡга — нѡжда, плѡднѡвам; р'ѡпка — дрѡк; с'ѡмб'ѡл — бѡлка; писк'ѡл — куп; г'ѡбра — гѡзен.

7. Положение перед *е*. В положении перед *е* твердые и мягкие согласные фонемы нейтрализуются, совпадая (по говорам) в мягкой, полумягкой или твердой слабой фонеме. Ср., например, формы глаголов настоящего времени 2-го л. ед. ч.: вреш; бѡбреш, мѡмреш (1-е л. ед. ч.: врѡ, бѡбрѡ, мѡмрѡ).

8. Положение перед *и*. Перед *и* твердые и мягкие согласные фонемы также нейтрализуются. Ср., например, формы мн. ч. имен существительных женского рода земѡ, момѡ, свинѡ, женѡ (ед. ч.: зем'ѡ, мом'ѡ, свин'ѡ, жен'ѡ).

9. Положение перед *ѡ*. В некоторых юго-восточных диалектах функционирует в качестве самостоятельной фонемы гласный *ѡ* (*ѡ*), восходящий к прасл. *ѡ*. В этих говорах согласные фонемы не различаются по твердости-мягкости в указанной позиции, совпадая в мягкой или полумягкой слабой фонеме: т'ѡсни, ѡ'ѡдо, вѡрв'ѡха (или т'ѡсни, ѡ'ѡдо).

В тетевенском (преимущественно в самом городе) и еркечском говорах также имеется фонема *ѡ*, восходящая к так называемому «вторичному ѡ», перед которой твердые и мягкие согласные фонемы нейтрализуются, совпадая в твердой или полумягкой (губные и зубные согласные) и в мягкой (задненебные согласные) слабой согласной фонеме: штѡ, ѡѡзна, пчелѡ, к'ѡсно, слѡг'ѡ.

10. Положение перед согласным. В положении перед согласными твердые и мягкие согласные фонемы нейтрализуются в твердой слабой согласной фонеме: пѡлски, сѡлски (но: пол'ѡ, селѡ).

§ 24. Западноболгарские говоры. В настоящее время в западноболгарских говорах создалась следующая система противопоставления твердых и мягких согласных фонем: согласные *t—t'*, *d—d'* (за исключением положения перед *и*), *s—s'*, *z—z'* (слов с *s'* и *z'* немного), *l—l'*, *n—n'*, *r—r'* (исключая положение перед *и*), *p—p'* (исключая положение перед *и*), *b—b'* (исключая положение перед *ѡ*), *v—v'* (исключая положение перед *и*), *k—k'*, *g—g'* различаются в положении перед *а*, *о*, *и*; перед гласными *ѡ*, *е*, *и*, на конце слова (за исключением *l—l'*, *n—n'*, *k—k'*) и перед согласными эти согласные фонемы нейтрализуются.

1. Положение конца слова. Для большинства западноболгарских говоров конец слова является позицией неразличения твердых и мягких согласных фонем, где эти последние нейтрализуются в твердой согласной фонеме. Однако в некоторых говорах (софийский, белградчишский, видинский, ботевградский и др.) в положении конца слова встречаются

мягкие согласные *l'*, *n'*, *k'*, вследствие чего создается возможность определенного противопоставления фонем *l—l'*, *n—n'*, *k—k'* в положении конца слова: *стол—сол'*, *стан—кон'*, *друк—пак'*.

2. Положение перед *a*. В данной позиции твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены друг другу достаточно широко: *та, ношт'а—та; попад'а—дап, дам; прус'а—коса; сел'ане, пол'а—магла; темн'ан, трън'ак—война; презмор'анка, повар'а—сестра; зем'а—мома; залуп'а—закопax* (фонема *p'* в этой позиции употребляется крайне редко); *оздрав'авам—ливада; ношк'а, брак'а—балкан; г'авол—слуга*.

3. Положение перед *o*. В западноболгарских говорах в данной позиции различаются фонемы *t—t'*, *d—d'*, *s—s'*, *z—z'*, *l—l'*, *n—n'*, *r—r'*, *p—p'*, *v—v'*, *m—m'*, *k—k'*, *g—g'*: *з'ет'ове—той; санд'о!—дом; кдс'о!—сол; кдз'о—зор; крал'двe—волдвe; сйн'о, огн'двe—ндкът; друк'ар'о—пирдн'а; ков'др—вда; зем'о! Сем'дн—мдмък; к'дрчо—кон; г'дрги, г'дсерица—гост*.

4. Положение перед *и*. В положении перед *и* различаются по твердости-мягкости фонемы *t—t'*, *s—s'*, *z—z'*, *l—l'*, *n—n'*, *r—r'*, *b—b'*, *k—k'*, *g—g'*. Например: *ут'увам—тура; с'урът—сух; з'умница—бъзуркам; кл'уч—цалувам; пен'уга—нужда; р'упка—друк; з'умб'ул—булка; писк'ул, к'утам—куп, к'усна; г'убра—гушавец*.

5. Положение перед гласными фонемами *ъ, е, и* и положение перед согласными в западноболгарских говорах являются позициями нейтрализации твердых и мягких согласных фонем.

Л. Н. Смирнов

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ
СОВЕРШЕННОГО ВИДА СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОВТОРЯЕМОСТИ
В СЛОВАЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

I. В предлагаемой статье рассматривается характерная особенность словацкого глагола — употребление форм прошедшего времени совершенного вида для выражения повторявшихся действий¹. Возможность такого употребления уже отмечалась словацкими лингвистами², однако оно еще не было предметом специального рассмотрения³.

Употребление форм прошедшего совершенного для обозначения повторявшихся действий возможно и в русском языке, но такие случаи встречаются очень редко. Кстати сказать, этот вопрос на материале русского языка также еще мало исследован. Не вдаваясь в подробности, ограничимся лишь некоторыми примерами подобного употребления форм прошедшего совершенного в русском языке.

Прежде всего примеры такого рода можно встретить в тех случаях, когда имеется указание на точное, определенное число крат в осуществлении прошедшего действия. Например: «Он зашел к Цветухину и трижды облобызался с ним...» (Фед. Пр., 117⁴) или: «...ротмистр два раза крикнул снизу: „Прошу поторопиться!“» (Фед. Пр., 120). Ср. также: *он повторил это пять раз; я подошел к двери и три раза позвонил* и т. п. Однако даже в таких случаях в русском языке не всегда возможно употребление формы прошедшего времени совершенного вида. Ср., например: *я уже три раза заходил к нему, больше не пойду*. В данном случае нельзя сказать: *я уже три раза зашел к нему*.

Иногда формы прошедшего совершенного употребляются и в тех случаях, когда речь идет о неопределенной повторяемости. Ср., например: *он повторил это несколько раз; я несколько раз постучал в дверь; мы несколько раз обошли вокруг дома* и под. Однако с обстоятельствами, характеризующими частоту, регулярность или обычность повторявшегося действия в русском языке, употребление форм прошедшего совершенного невозможно. Например: *я часто вспоминал его*

¹ Аналогичное явление представлено также в чешском языке. См. V. B a r n e t o v á. K násobnosti slovesného děje. «Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české», I. Praha, 1956, стр. 136.

² См. A. V. I s a č e n k o. Niektoré otázky konfrontačného vyučovania ruštiny v našich školách. «Ruský jazyk», 1955, № 5, стр. 193—202.

³ Частично этот вопрос затрагивался в нашей статье «Соотносительное употребление форм прошедшего времени в словацком языке» («Ученые записки Института славяноведения», т. XIX. М., 1960).

⁴ См. список сокращений на стр. 42—43.

рассказ, он всегда говорил мне об этом, обычно он возвращался домой вовремя и т. д.

Иная картина наблюдается в словацком языке, где форма прошедшего времени совершенного вида употребляется не только в сочетании с показателем определенного числа крат данного действия (например: *Tragik zašiel k Svetuchinovi a tri razy sa s ním pobozkal...* — Fed., 148; *...rotmajstr dva razy zavolal zdola*: «Prosím, poponáhl'ajte sa! — Fed., 152), но достаточно широко используется и в других случаях. Например: *Mat' so synom sadli k večeri. Sedeli bez slova. Matka často pozrela na syna* (Čaj., 133); *Nebolo dňa, žeby sa nebol do nich zastarel. Vždy niečo vynášiel, aby sa na nich osopil, aby im dal najavo svoju moc* (Krno. Dc., 102).

В глагольной системе словацкого языка весьма существенную роль играют многократные глаголы (*opakované slovesá*), характеризующиеся специальным формальным признаком — суффиксом *-va-*, например: *čítavat'*, *nosievat'*, *spievavat'*, *volávat'* и под. От глаголов с суффиксом *-ova-* многократная форма образуется с помощью суффикса *-úva-*, например: *kurúvat'*, *mal'úvat'*, *nocúvat'*, *pracúvat'* от глаголов *kurovat'*, *mal'ovat'*, *nocovat'*, *pracovat'*. Изредка употребляются также формы *mal'ovávat'*, *pracovávat'* и т. д. Многократные глаголы служат для выражения более или менее регулярно повторяющегося действия, часто с оттенком обычности⁵.

В отличие от многократных глаголов другие глаголы несовершенного вида могут обозначать, как известно, и единичное и повторяющееся действие. Повторяемость передается ими в тех случаях, когда это значение обусловлено контекстом. Например: *I sociálnej pečlivosti venovala pani Ľudmila svoju pozornosť. Často sbierala na nezamestnaných, na ošalenie chudobných* (Jes. Dem., 155); *Obraz naň silne zapôsobil a neraz v noci vyvolával mu v duši pocit strachu* (Krno. Dc., 190); *Inokedy cengávala na pohároch, búchala vidličkou a prikladala si ju k uchu, ako cvendží* (Jes. Nov., 61).

Наконец, наряду с употреблением форм несовершенного вида для обозначения повторяемости действий в словацком языке, как уже указывалось, могут использоваться и формы совершенного вида.

Необходимо оговориться, что употребление форм совершенного вида для обозначения повторяемости не ограничивается сферой прошедшего времени. Эти формы могут обозначать повторяемость действий в настоящем времени, например: *Ked' ho strtnem, vzdy ho pozdravím*⁶ — 'Когда я его встречаю (букв. 'встречу'), я с ним всегда здороваюсь (букв. 'поздороваюсь') или *Ked' urobím snýbu, snažím sa ju napraviť* — 'Если я делаю ошибку, я стремлюсь ее исправить'. Однако именно в сфере прошедшего времени наиболее широко и ярко представлено указанное употребление форм совершенного вида.

II. Собранный нами материал показывает, что в словацком языке можно выделить два основных типа употребления форм прошедшего совершенного для обозначения повторяющихся действий. Отличительным признаком первого типа является наличие в предложении разного рода лексических показателей повторяемости. Во втором типе такие показатели отсутствуют, однако значение повторяемости дей-

⁵ См. E. Pauliny, J. Ružička, J. Štolc. Slovenská gramatika. Martin, 1955, стр. 229.

⁶ Пример взят из статьи: А. В. Исаченко. О сравнительно-историческом изучении грамматических категорий в славянских языках. «Slavia», гоđ. XXI, сеš. 2—3, 1953, стр. 210.

ствия, выраженного формой прошедшего совершенного, достаточно четко выявляется в данных условиях контекста.

1. Подавляющее большинство примеров относится к первому типу. Лексические средства для выражения повторяемости могут быть различными по своему характеру (обстоятельства, обстоятельственные выражения, лексико-синтаксические средства).

а) Прежде всего следует отметить такие предложения, в которых в роли лексических показателей повторяемости выступают наречия: *často, neraz, niekedy, zriedka, občas, zavše, vždy, obyčajne* и т. д., — характеризующие различные оттенки повторяемости действия (частоту, периодичность, регулярность) и близкие смысловые оттенки (обычность или типичность, способность).

Широко распространено употребление форм прошедшего совершенного в сочетании с наречием *často*: *Tak sa stalo, že Hladík stal sa váženým naširoko-d'aleko, kdežto proti Chrástelyimu vlastní jeho cirkevníci často sa vyslovili s nevol'ou nad jeho počínaním* (Čaj., 64); *Na koni z dobrého plemena niesol sa od Zázrivej muž vysokej postavy, pomaly a obozretne... Často zastal i vztýčil sa na bujarom koni v myšlienky pohrúžený* (Klnč. Or., 47); *Martinova mat' často prišla v čiernom oblečená do Gašparov pozriet', čo jej vnúcatá «sirotu» robia* (Čaj., 174); *Pri okne svojej izby na Grösslingovej ulici stál major zdravotníctva a díval sa na rannú ulicu. Pozoroval ju so záujmom a často pozrel pod seba, či ešte neprišlo auto* (Kar. Tr., 8).

Форма прошедшего совершенного часто употребляется в словацком языке также в сочетании с такими близкими по значению наречиями, как *niekedy* 'иногда', *inokedy* 'иногда, иной раз', *dakedy* 'иногда', *zavše* 'иногда, иной раз', *vše* 'иногда, то и дело', *občas* 'иногда, изредка, время от времени', *časom* 'иногда, по временам', *zriedka, zriedkakedy* 'изредка', *kedy-tedy* 'иногда, изредка' и особенно *neraz* 'не раз, иногда'. Например: *Teraz, zadumaný a pohrúžený v trudných myšlienkach, najviac osamote žalostil nad stratou slobody a starobylej uhorskej konštitúcie, a len niekedy ho navštívili jeho bývalí spolubojovníci a páni bratia v tejto jeho osamelosti...* (S. Tom., 24); *Zpočiatku sedel celkom riadne, ako praobyčajný smrteľník. Hlavu mal opretú o lakte, palce rúk za ušami. Len zavše si oslobodil pravú ruku od ucha a prešiel ukazovákom po klepanom hárkú, aby sa presvedčil, či dobre chápe. Inokedy uvolnil ľavé ucho od ruky a siahol ňou do dnukajšieho vrecka na kabáte...* (Jes. Dem., 173); *A dakedy strelou z kuše... zostrelil vtáka a premenil si takto jednostranný jedálny lístok upečeným vtákom* (Hor. Sh., 61); *Haviar vše pozrel na ňu a bolo mu jej ľúto* (Jégé. Mň., 44); *Pani Ruttkay mala na tanieri štyri pekné kusky torty. Už ich nevládala zjesť, iba sa na ne smutne dívala a len občas odpútala svoj pohľad od taniera a milo sa usmiala na Žabku* (Krno. Dc., 22); *Ponajviac vysedával doma, nechodil nikde, t'ážko bolo potešiť ho. Iba hore na Revište alebo Šášou časom zašiel, ale nikde nenachodil miesta, kde by bol mohol zabudnúť, na svoje nešťastie* (Hor. Sh., 27); *V tábore boli aj ženy. Žili oddelene, zriedkakedy sme ich stretli na ceste z práce* (Laz. Oh., 51); *Dedina bola tichá, len kedy-tedy ozval sa brechot psa* (Čaj., 116); — *Bože, aký je ten život krátky! — požaloval sa neraz sám sebe* (Kuk. D., 108); *Turecko-tatárske vojská pri svojich výpadoch prenikly neraz hlboko do vnútra Slovenska, páliac a ničiac všetko, čo nemohly odvlieť ako korist'* (Čapl., 17); *Nepriateľské hl'adačky neraz zachytili vysielanie, no obyvatelia nás zavčasu upozornili na nebezpečie* (Pravda, 1960, 2 apr., 5).

Нередко формы прошедшего совершенного сочетаются с наречиями *vždy* 'всегда', *zakaždým* 'всякий раз', *kedykoľvek* 'всякий раз, когда'. Например: *Častejšie sa zastavujú na príkrom svahu, prudko dýchajú, šiel ďalej, prešiel pšeničným pol'om, d'ateliniskom a odrazu, tam, kde bol svah najprudší, sa zastavil. Nebol tu po prvý raz: ale vždy sa zastavil na tom istom mieste, aby sa mohol do chuti vyvadovať na obraz, ktorý poteší srdce každého dobrého gazdu* (Min. Nr., 5).

Здесь два раза встречается форма прошедшего времени от глагола совершенного вида *zastaviť sa* 'остановиться'. В первом предложении этой формой передается единичное прошедшее действие, во втором — многократное прошедшее действие, регулярно, каждый раз повторявшееся: 'но он всегда останавливался (букв. 'остановился') на том же самом месте'. В русском языке в данном случае во втором предложении употребление формы прошедшего времени совершенного вида невозможно. Ср. аналогичные примеры: — *To bolo inak. Máme svedkov, — nezdrží sa Meško... — Majte! — odvrkne mu Daniel smelo. — Vy ste si vždy našli svedkov, načo bolo treba* (Ráz. II, 46); *Raz pýtal som si fotografiu. Sl'úbila, ale za mesiac ju vždy zabudla doma* (Jes. Nov., 148); — *Tak, Michal (volala ho od istých čias Michalom, čo ho zakaždým urážlive bodlo), teraz budeš mať pokoj... (Jégé. Mn. 47—48); Kedykoľvek sišla sa s ňou alebo s jej matkou, len pár slov prehovorila, i to len tak cez zuby* (Čaj., 144); *Hurták síce viacej ani slova o čižmách, ale kedykoľvek bl'usol po Štefanovi, Štefan sa zapálil. Inštinktívne tušil, že ho kmotor upodozrieva* (Podjav., 42).

В предложениях с *kedykoľvek* синтаксически и семантически связаны два действия (причем субъект действия может быть один и тот же — в первом примере, но может быть разный — во втором примере). В этих предложениях выражается определенный тип соотносительно-хронологической связи глагольных действий⁷, а именно одновременность с оттенком повторяемости, или, говоря иначе, многократная одновременность (т. е. всякий раз, когда осуществлялось одно действие, одновременно осуществлялось и второе).

Оттенок обычности повторявшегося действия особенно ясно выступает при наличии в предложении наречия *obyčajne* 'обыкновенно, обычно'. Например: *Pravda je síce, že i zo severu vypadávaly cudzie národy do Uhier, ale tieto len obyčajne prešli cez kraje Karpát, t'áhajú sa dolu na Dolniaky... (Klnč. Or., 12); Čoraz častejšie zjavovalo sa v Pohorelej auto s číslom okresu alebo aj s číslami vzdialenejších miest. Skoro všetky autá zastaly obyčajne pred vysokým prízemným domom s piatimi oblokmi na ulicu* (Krnó. Dc., 8); *Po týchto slovách pani Gazdíkova obyčajne osmutnela a neraz si aj ticho poplakala* (Krnó. Dc., 275).

б) Помимо наречий в качестве лексических показателей повторяемости выступают различные обстоятельственные выражения. В этом случае также возможно употребление форм прошедшего совершенного. По нашим наблюдениям, особенно широко распространены две группы примеров такого рода.

В одной группе обстоятельственные выражения представляют собой сочетания количественного или неопределенного числительного с существительным, указывающим единицу повторяемости. Например: *Tito dvaja odrobili si tak nevel'ké zemiačnicko na Starom laze, o ktorom sa Juro Mikula s desiat' ráz už presvedčil, že sa tam švábke nikdy ešte*

⁷ Подробнее о различных типах соотносительно-хронологической связи прошедших действий и, в частности, о многократной одновременности и последовательности см. в упомянутой выше нашей статье.

nepodarilo prerásť veľkosť slepačieho vajca (Heč. Drd., 79); Na X. valnom zhromaždení SAV a pri ďalších príležitostiach sme viac ráz povedali, že... (Vest., 4); ...lebo veru Bol'o ešte mnoho ráz Zuzke narobil horkej chvíle... (Čaj., 200); Nechajte ho, on sa po chvíli utíši... To sa mu už stalo niekoľko ráz (Kráľ. Cz., 47).

Во второй группе примеров показателями повторяемости являются различные обороты, в состав которых входит слово *každý*. В этом случае отчетливо проявляется оттенок регулярности повторения данного действия. Например: Cestou k Ráztokám kráča mladý pútnik... Kol'ko ráz premeral on už túto dolinu! Ale nikdy mu nebola taká krásna, ako dnes. Pred každou skalou a každým vodopádom zastavil sa s obdivom (Kuk. XI, 199); Takmer každé predpoludnie sme sa zišli v kaviarni dona Morgana... pri poháriku vermutu (Hruš., 63); Totiž ich pohľady sa stretli každý-každý deň presne o dvanástej na poludnie (Hruš., 156); Zato každú druhú, najviac ak len tretiu noc spáchol hustý, tichý dážď, ako by osievaný hustým sitom, a trvával do predsvitu (Vaj. K., 160); ...a pri každej výhre ústa sa mu rozťahly k úsmevu (Čaj., 69).

в) Наконец, форма прошедшего совершенного может употребляться для передачи повторявшегося действия и в том случае, если в составе предложения имеются косвенные лексические указания на то, что данное действие осуществлялось неоднократно. По своему характеру эти указания могут быть различными. Например: Belasá voda morská, biele steny domov, štíhle, vysoké vežičky minaretov a mešit stáli v dusnej tichosti ako nemé stĺpy. Len ráno a večer sa ozvali nariekavé a t'ahavé hlasy muezínov... (Hor. Sh., 111). Здесь косвенным указанием на повторяемость действия (*czvali sa*) служат наречия *ráno* и *večer*. Ср. другие примеры: Všetci vážnejší hostia už dávno poodchádzali. Jediný sklepník... lenivo motal sa medzi stolíkmi. Tu a tam zavádal bokom o stoličku alebo stolík, mraštil tvár, brnčal si pod fúz ako ustatá jesenná mucha a gánil k stolu, kde sedeli ešte dvaja hostia (Jes. Dem., 11); Po ľavej strane sa vliekol dlhý ostrov. Ale aj ten minuli. Tu i tam sa zjavila dedinka rozložená na brehu (Hor. Sh., 37); Po cestách sa ukazovalo málo povozov, iba kde-tu prešiel po nich furman, vezúci fúru z mesta alebo do mesta (Hor. Sh., 5). В этих предложениях указываются обстоятельства места, а не времени (*tu a tam*, *tu i tam* 'местами', *kde-tu* 'кое-где, местами'), но благодаря тому, что данное действие соотносилось с разными местами, т. е. проявлялось то тут, то там, это действие воспринимается как неоднократно повторявшееся.

Мы рассмотрели характерные случаи использования форм прошедшего совершенного в сочетании с различными лексическими средствами, указывающими на повторяемость действия. Примеры этой группы представляют собой наиболее распространенный тип употребления форм прошедшего совершенного со значением повторявшегося, многократного действия. В русском языке, в подобных случаях форма прошедшего совершенного, как правило, не употребляется.

2. Второй основной тип употребления форм прошедшего совершенного со значением повторяемости, как уже отмечалось, характеризуется отсутствием лексических показателей повторяемости. В этом случае значение многократности действия, выраженного формой прошедшего совершенного, обуславливается широким контекстом, содержанием высказывания и не всегда выявляется с достаточной определенностью⁸. Примеры, относящиеся к этому типу употребления, встречаются зна-

⁸ См. V. Varnetová. Указ. соч., стр. 137.

чительно реже, чем примеры первого типа. (В собранном нами материале они составляют лишь $\frac{1}{5}$ часть всех случаев употребления прошедшего совершенного для выражения повторявшихся действий.) Примеры второго типа характеризуются также тем, что в них, как правило, наряду со значением повторяемости подчеркивается значение обычности или, лучше сказать, типичности действия. Например: *Hostinec otvárali o siedmej ráno. Najprv v ňom vymietli, potom oprášili stoly a stoličky, umyli obloky a vyvetrali miestnosti. O ôsmej zjavila sa sklepná... a rozprestrela čisté biele obrusy po stoloch. O deviatej vtiahla tetuška Vindobóna do svojej ríše, sadla si v jedálni do koženej lenošky neďaleko dvier a zapálila si spokojne prvú viržinku. O desiatej strhol sa na schodišti obvyklý krik, dvere jedálne sa s veľkým pleskom rozleteli a dnu vtančila Teddy, vysmiata, čerstvučká a žiarivých očí...* (Hruš., 125).

‘Ресторан открывали в семь часов утра. Сначала в нем подметали (букв. ‘вымели’), затем стирали (букв. ‘стерли’) пыль со столов и стульев, вымывали (букв. ‘вымыли’) окна и проветривали (букв. ‘проветрили’) комнаты. В восемь часов появлялась (букв. ‘появилась’) официантка и расстилала (букв. ‘расстелила’) по столам белые скатерти. В девять часов входила (букв. ‘вступила’) в свое царство тетушка Виндобона, садилась (букв. ‘села’) в столовой в кожаное кресло возле дверей и спокойно закуривала (букв. ‘закурила’) первую сигару. В десять часов на лестнице поднимался (букв. ‘поднялся’) привычный крик, двери столовой с шумом разлетались (букв. ‘разлетелись’) и танцую входила (букв. ‘вошла’) Тедди, выснавшаяся, свежая, с горящими глазами...’

Здесь совершенно очевидно, что речь идет о неоднократно повторявшихся действиях, характерных, типичных для данной ситуации. Следует подчеркнуть, что формы совершенного вида в приведенном примере служат также для передачи относительно-хронологической последовательности данных прошедших действий. Таким образом, в цитированном отрывке текста сочетание форм прошедшего совершенного выражает ряд чередовавшихся в определенной последовательности, повторявшихся действий, типичных для данной ситуации (начало дня в ресторане).

Рассмотренный случай употребления форм прошедшего совершенного является весьма своеобразной чертой словацкого языка. В русском языке в подобном типе контекста употребление формы прошедшего совершенного невозможно. Например: «Троицын день проходил у Мешковых по обычаю отцов. С базара привозили полную телегу березок и травы, — березки расставлялись в углах комнат, подвешивались на притолоках дверей; травой во всем доме устилался пол, по подоконникам раскладывалась ароматная богородская травка, и ставились в горшках и стаканах цветы» (Фед. Пр., 100—101). Ср. перевод на словацкий язык: *Svätodušný deň prebiehal u Meškovcov podl'a starosvetského zvyku. Z trhu dovezli plný vozík briezok a trávy. Briezky rozostavili v kútoch izieb a ovešali nimi dveraje; travou vystlali dlážku po celom dome, pod oblokami rozsypali voňavú materinu dúšku a do hrnčekov a pohárov vložili kvety* (Fed., 125).

В некоторых примерах данного типа в начальном контексте (который как бы поясняет дальнейшее изложение) может быть представлено и лексическое указание на повторяемость всей ситуации. Например: *Kým som ešte býval v Kráľovej Lehote, tak som takmer každý štvrtok zabehol po železnici do Mikuláša. Tam som si v kaviarni vypil čiernu kávu, prečítal niekol'ko novín, zahral som sa karambol a o piatej som*

sa zase vrátil domov (Čaj., 28); *Neraz ráno dobehol niekto na koni k prievozníkovi Demetrovi a zareval: — Prievozník! A Demeter si pretrel oči, stiahol na seba šatu, prehodil čiapku, natiakol vysoké čižmy a bezo slova vyšiel.* Ked' bol jeden, dvaja, odviazal čln a ponoril veslá do vody. Ked' ich bolo viac, vyšli na kompu a o chvíľu sa niesli na vlnách šikmo po prúde od jedného brehu k druhému (Hor. Sh., 67).

В этих примерах повторяемость передается не только в том предложении, где имеется специальный лексический показатель (*takmer každý štvrtok, neraz*), но и в последующих, где формы прошедшего совершенного обозначают типичные для данной ситуации действия, неоднократно повторяющиеся в определенной последовательности.

В рассматриваемой группе встречаются также примеры несколько иного рода. В частности, иногда действие, обозначенное формой прошедшего совершенного, выступает в роли определенного признака субъекта действия, характеризуя его свойство, черту характера, привычное поведение и т. п. Например: *Paško mal tvrdú náturu. Ťažko sa dal presvedčiť, ťažko uznal druhému pravdu* (Krno. Dc., 43); *A medzitým Žofa vychovala dcéry ako princezné. Chránila ich pred ofúknutím vetrom a uštipnutím mrazom... Všetku robotu porobila sama. Vyvárala im z lepšieho lepšie...* (Heč. Drd., 110).

Здесь особенно четко выявляется значение типичности действия, выраженного формой прошедшего совершенного.

В рассмотренной группе примеров форма прошедшего совершенного представлена в предложениях с однородными сказуемыми или с одиночным сказуемым. Однако подобное употребление форм прошедшего совершенного встречается и в различных сложноподчиненных предложениях. Так, оно довольно широко распространено в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени или условия. Мы имеем в виду такие предложения, которые М. Вей называет «неактуальными сложными предложениями» (*neaktuální souvětí*)⁹. Например: *Všetci sa s Tomášom maznali, keď ho stretli* (Kar. Tr., 46); *Ak dážd' za deň, za dva neprestával, vyšiel von a vadil sa s «oblačníkmi», čo už neprestávajú svet oblievať* (Taj., 41—42). Из контекста видно, что формы совершенного вида *stretli, vyšiel* обозначают не однократное, а многократное действие. Подобные предложения характеризуют такую типичную ситуацию, в которой действие главного осуществлялось всякий раз, когда (или если) оказывалось осуществленным действие придаточного.

По соотношению видо-временных форм сказуемых главной и придаточной части рассматриваемые сложноподчиненные предложения распадаются на три типа:

а) в главном (управляющем) и придаточном сказуемые выражены формами совершенного вида. Например: *Býval viac zamyslený, len keď sa pozabudol, ... vtedy zaleskly sa mu oči dávnym veselým bleskom, obzrel sa opatrne, či ho l'udia vidia a potom pleskol bičom, až tak v ušiach scvendžalo* (Čaj., 173); — *To kedysi, — rozvravel sa Ďuro, — na panskom, keď si aj vzal, hájnik zažmúril oko, keď si bol chudák* (Laz. Oh., 270); *Od Sládkoviča až po Hviezdoslava, ktorého možno nazvať svedomím slovenského národa, básnici naši vtedy stvorili svoje najkrajšie diela, keď takrečeno objali sa s l'udom* (Krč., 184).

При помощи форм прошедшего совершенного и союза *keď* в этих предложениях выражается неоднократное совпадение типичных для

⁹ М. Вей. О словесной актуальности и её выразительности в чешском языке. SaS, роč. XIX, čís. 3, 1958, стр. 187.

данной ситуации прошедших действий. Таким образом, и здесь можно говорить о выражении определенного типа соотносительно-хронологической связи действий — многократной одновременности.

б) О многократном совпадении типичных, характерных для изображаемой ситуации действий можно говорить также и в отношении предложений второго типа, в которых форма совершенного вида представлена только в главном (управляющем) предложении. Например: *Labužník v slovách, tak isto ako vo víne, báječne vedel zabávať spoločnosť. Keď rozprával, slová si dobre premyslel, pcvyberal, vety hladko pričesal, zachrúhlil, a to s takou zručnosťou, s akou vedel narábať vidličkou a nožíkom...* (Krno. Dc., 27—28); *Keď sa jej tvár smiala, oči sa zúžily, obrvy vyhrnuly a celá tvár sa stávala bezstarostnou, detsky veselou* (Jes. Dem., 20).

В этих предложениях комбинация форм совершенного и несовершенного создает дополнительный оттенок соотносительной одновременности: действия, выраженные формами прошедшего совершенного, не просто совпадают с действиями, обозначенными формами прошедшего несовершенного, а осуществляются на фоне последних.

в) Третий тип характеризуется тем, что в главном (управляющем) предложении выступает форма несовершенного вида, а в придаточном (управляемом) — форма совершенного вида. Например: *Baša si veľmi obľúbil báťu... Volával ho k sebe, usádzal ho a neraz dával mu naliať vína... Keď si báťa upil a nadišla ho dobrá vôľa, vyspevoval bašovi turecké pesničky* (Hor. Sh., 105); *Želka vzala pajáca, ktorý, keď ho stisli, hral. Stisla ho. Zaznelo známe tango...* (Jes. Dem., 209).

В этих предложениях форма прошедшего совершенного обозначает действие, предшествовавшее действию, выраженному формой прошедшего несовершенного. Иначе говоря, здесь указывается, что за действием придаточного (управляемого) следовало действие главного (управляющего). Вместе с тем, как ясно из контекста, такая соотносительная связь данных действий осуществлялась не как единичный акт, а повторялась неоднократно. Таким образом, в этом случае в отличие от предложений, рассмотренных в пунктах а и б, можно говорить об оттенке многократной последовательности соотносящихся прошедших действий, типичных для данной ситуации.

В рассмотренных типах сложноподчиненных предложений значение повторяемости, многократности уточняется и конкретизируется, если в той или иной части сложного целого (или в обеих частях) имеется лексическое указание на повторяемость. Например: *Za noci, keď víchor hvižd'al a drúžgal konáre stromov, niekedy ozvaly sa tajomné výstrely na Zbojníckom Tanci* (Ond. Zm., 231); *S veľkým záujmom a nadšením sme počúvali, keď rozprávala o Moskve. Keď si tak spomínala, často si vzdychla: — Ešte aspoň raz uvidieť Moskvu v takej kráse, ako bola...* (Tom. Ndc., 239); *Ale oneskorenci, čo sa v predostatných dňoch vliekli dolu cestou so zakrvavenými obväzmi na rukách a nohách, boli už shovorčivejší. Vždy, keď za horami hrubšie zadunelo, obracali hlavy samočinne na severovýchod, a pridávajúc do kroku, trúšili pomedzi zuby: — Hitla' kaput! Kommt Iwan...* (Heč. Drd., 11). Следует отметить, что в подобных предложениях повторяемость выражается и без дополнительного лексического указания.

Мы подробно остановились на сложноподчиненных предложениях с придаточными временными и условными. Однако и среди других типов сложноподчиненных предложений встречаются примеры, в которых сказуемые, выраженные формами прошедшего совершенного (или совершенного и несовершенного), обозначают повторяемость дей-

ствий главного и придаточного, определяемых типичной ситуацией. Например: *Povest' o Edušovi šla d'aleko pred ním dedinami. Kde sa zjavil, tam razom získal masy* (Kuk. XI, 50); *Koppovi vojaci, nedostávajúc riadne žold, lúpili zemanov i mešťanov a brali násilne, kde čo našli* (S. Tom., 15); — *Raz som mal jeden zaujímavý prípad, — počal hned' starý pán a hovoril vel'mi živo a rýchlo. Kde bola reč o t'ahaní ucha, potiahol sa za ucho. Kde sa zalamovalo rukami, celkom naozaj zalomil rukami* (Jes. Nov., 60); *Bo! to starý mladeneц, chlap v tridsiatke a pri sile ako medved'. Na koho zhúkol, ten sa mu radšej hned' zpred očí odprítal* (Heč. Drd., 111); *Neveselý dal sa kráčať práve opačným smerom. Šiel, a čo krok spravil, to mu hlava klesla nižšie* (Heč. Drd., 121).

Употребление форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости (иногда с оттенком типичности) характерно не только для литературного словацкого языка, оно представлено и в словацких диалектах. В качестве иллюстрации приведем лишь несколько примеров:

1) *V zime ňeraz ma sñex prikuril* (Paul. Nár. z. os., 112); *Ňeraz mi aj tovar vikradl'i zlod'eja z voza* (там же); *Každí sedl'ák miseu odrobit' svoju robotu na panskom a iz do Pozámku* (Oravský Podzámok). *Ked' ňeslúchnu, moz ráz mu vit'ál'i dvacät'päť pal'íc* (Hab., 87); *Večer prišua jenzibaba a kceua ho zožrat'. Uon hej hrau a uona tancovaa a zдоха. Tak prišua každy večer jena a každy zabiu, a každy virezau huavu a jazik* (Stan. Ln., 491); *Pám učitel' žiaka každy d'em nabili...* (Ond. Str. nár., 298).

2) ...*Aké sú zvyky pri oraní? A ke zme prišl'i z oraňa, d'efčata vizeral'i po kutox a šux vodi na t'ebja* (Paul. Nár. z. os., 102); *Aké sú iné zvyky? Ket' prišlo na Luciju to bapka zala kredi aj cesnaku a to križe robila po stajňox* (там же, 103); *Dakedi f_starix časax ket_kupil'i male prašeta, ta jix dal'i do xíži pot_pec* (Buffa, 116); *Dakedi, ked u naz_ve valal'e zabijal daxto šviňu, ta porixtoval pal'enki a zaloval sušeduf...* (Buffa, 126).

III. Описание различных условий контекста, в которых для выражения повторявшихся действий в словацком языке используются формы прошедшего совершенного, показывает, что такое употребление форм прошедшего совершенного имеет довольно широкую сферу, встречается в различных типах предложений как при наличии лексических показателей повторяемости, так и при отсутствии последних. В русском языке в том и в другом случае, как правило, употребляются формы прошедшего несовершенного.

В словацком языке, как уже отмечалось, для обозначения повторяемости прошедших действий широко используются также формы несовершенного вида многократных глаголов. Употребление как тех, так и других форм является нормальным, обычным.

Таким образом, помимо специальных «многократных» форм, в словацком языке находим два различных способа выражения повторяемости действий. Между этими двумя способами (употреблением форм несовершенного и совершенного вида) имеется ряд общих, сходных черт. Прежде всего оба эти способа являются лексико-синтаксическими (в том и другом случае отсутствуют специальные морфологические показатели многократности), так как и формы несовершенного вида, и формы совершенного вида получают значение повторяемости лишь в соответствующих условиях контекста. Значение повторяемости и для тех, и для других не является обязательным.

Все это свидетельствует о том, что в словацком языке наблюдается определенный параллелизм в употреблении глаголов несовершенного и совершенного вида при выражении повторяемости прошедших действий. Этот параллелизм проявляется в том, что и формы несовершенного, и формы совершенного вида могут служить для обозначения повторяющихся действий в однотипных условиях контекста. Так, например, формы прошедшего несовершенного передают повторяемость в тех же лексико-синтаксических условиях, что и рассмотренные выше формы прошедшего совершенного. Приведем несколько примеров: Takto *vybavoval neraz* veci svojich stranníkov i odporníkov (Jes. Dem., 252); Už v minulosti pri hodnotení práce v Akadémii *sa viackrát poukázavalo* na to, že... (Vest., 23); *Pravidelne sa stýkal* s vojakmi, najmä s členmi plukovej hudby (Kar. Tr., 46); «Ked' som si starú mater bral, bolo mi práve osemnásť rokov a šesť mesiacov,» — týmito slovami *začínal sto, ba tisíc ráz* všelijaké rozprávky zo svojho života nebohý môj starý otec (Taj., 37); Iva Hromníčka, bezdetná vdova, *dva-tri razy do roka si zaumieňovala* opustiť tento biedny svet (Laz. Oh., 57); *Každý týždeň dva razy palicovali* tam verejne väzňov, často až na smrť (Jégé. AŠ, 269); *Vždy, keď zúrila* búrka a *keď* hromy *dunely* v horách, Púčíková *pocit'ovala* v duši tieseň (Krno. Dc., 139).

Особенно ярко проявляется параллелизм в использовании рассматриваемых форм для обозначения повторявшихся действий в примерах с глаголами, составляющими видовую пару. Например: Brehovice musely teda kupovat' žitnú slamu na povriesla i do posteli zo susedných obcí. *Často sa stalo*, že kúpily slamu už potrebovanú (Kuk. XI, 25); Dvojizbový domec, v ktorom bývali, dostal sa nevyspytateľnou cestou do vlastníctva majitel'a a riaditel'a súkenky Cabana a ten občas posielal svojich zriadencov urgovať korunky. *Keďže* domec stál na ceste zo súkenky do mestskej predajne podniku a *keďže* Lánikovci málokedy celkom vyrovnali svoju podlžnosť za nájom, *stávalo sa to často* (Kar. Tr., 48); Pri okne svojej izby na Grösslingovej ulici stál major zdravotníctva a díval sa na rannú ulicu. *Pozoroval ju so záujmom a často pozrel pod seba*, či ešte neprišlo auto (Kar. Tr., 8); Stranil sa l'udskej spoločnosti. *Často* slzavými očami *pozeral* v tú stranu, na ktorej ležia končaristé vysoké Tatry... (S. Tom., 74).

Здесь в сочетании с одним и тем же лексическим показателем повторяемости (často) употреблены разные формы видовых пар: *stat' sa* — *stával sa*, *pozriet'* — *pozerat'*.

В сопоставляемых примерах могут выступать разные лексические показатели, но это не меняет существа дела. Ср., например: *Potom som mnoho ráz ja kúpil* od neho a on odo mňa... (Kuk. XI, 137—138); *A jednako jej kupoval vše šperky* a podobné daromnosti, nevediac jej inakšie preukázať svoju lásku (Jégé. Mn., 18); *Slivková* — ... *Dosiaľ vždy inde kupovali* (Stod., 27); *Dramatická spisba, ako sme viac ráz pripomenuli*, má korene stredoveké... (Krč., 65); *On obrábal role, ona záhradku. I pripomínali si často milú vlasť a rodinu*... (S. Tom., 73); — Herr Pfarrer! — *Vše mu jazyk zabehol* do nemeckého žargonu (Čaj., 68); *Lebo veru Jonáš v posledné časy často zabehával* ku starému Baltazárovi... (Čaj., 81).

Как формы совершенного вида, так и формы несовершенного вида передают в этих примерах повторявшиеся действия.

Наконец, параллелизм в использовании рассматриваемых форм подтверждается их одновременным, совместным употреблением со значением многократности в составе одного или нескольких предложений, тесно связанных по смыслу. Например: *Ned'aleko nich pol'pou*

cestou vracal sa Jeřábek k domovu. Obzeral sa chvíľkami okolo seba, zužoval štrbiny očí proti slnku, niekedy sa aj zastavil a potom zas rezko vykročil vpred (Jil. Kc., 225)—ср. «obzeral sa chvíľkami» и «niekedy sa zastavil»; Ernst Zachar si sadol za vrchstola, naľavo od mladuchy. Ustavične núkal hostí a občas vyšiel do pitvora medzi robotníkov (Krno. Dc., 22)—ср. «ustavične núkal» и «občas vyšiel».

Показательны также примеры, где глаголы совершенного вида, обозначающие повторяющиеся действия, соотносятся с многократными формами. Например: Teraz obyčajne, keď má stihu, vezme zpoza hrady bibliu, ktorú predtým len vtedy brával do ruky, keď sa mu narodilo alebo zomrelo niektoré z detí... (Čaj., 81); Křdlik sýkoriek poletúval s konára na konár, opatrne a bojazlivo. Chvíľami sosypal sa sneh, zachytený krídelkom vtáčaťa (Ond. Zm., 12); Vodievala ho sem večermi v máji, keď bol štyri-pät'ročný. Vždy ju t'ahával za sukňu, keď jej modlenie nemávalo konca. I zaspal pri nej niekedy, ako mu sama vravievala, keď bol väčší (Heč. Drd., 152).

Таким образом, различные конструкции с формами прошедшего совершенного и несовершенного, обозначающие повторяемость, выступают как синонимические способы выражения этого значения. На их семантическую близость указывает также тот факт, что наряду с общим значением многократности как формы несовершенного вида, так и формы совершенного вида могут выражать одни и те же оттенки этого значения: определенное число крат, частоту повторений, регулярность, нерегулярную периодичность и т. п.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что говоря о параллелизме, синонимичности конструкций с формами несовершенного и совершенного вида, выражающих повторяемость, мы не предполагаем их полного семантического тождества. Между этими конструкциями наряду с общими, сходными чертами имеются и некоторые существенные различия.

Эти различия, как нам кажется, связаны не столько с выражением значения повторяемости, многократности (в этом отношении, как было показано, как раз наблюдается большое сходство) действий, сколько с обозначением других сторон, других семантических характеристик глагольного действия.

Различие в употреблении форм прошедшего совершенного и несовершенного вида при выражении повторяемости связано, по-видимому, прежде всего с тем, что формы совершенного вида (как и формы несовершенного вида) сохраняют свое видовое значение. Когда глагол совершенного вида обозначает повторяющееся действие, он вместе с тем характеризует это действие как целостное, завершенное. Таким образом, одно и то же (в лексическом отношении) действие, неоднократно совершающееся в прошлом, может быть передано как целостный, завершенный акт или как неопределенно-длительное действие, как незавершенный процесс.

Поскольку глаголы совершенного вида, используемые для выражения повторяемости действий, не теряют своего видового значения, они могут при этом передавать также ряд специфических характеристик действия, тесно связанных со значением совершенного вида. Формы совершенного вида подчеркивают результат действия, законченность повторяющихся актов. Например: Zaište ani on to neurobil prvý raz. — Nie. Urcbil to už dost' často (Jégé. Mn., 28). Ср.: Keď jej muž preto robil niekedy výčitku, odpovedala mu... (Jégé. Mn., 17).

Законченность, результативность повторяющихся действий акцентируются также в следующем примере: Od tých čias pretieklo more

vody dolu Váhom. Od tých čias vyrúbali niekol'ko ráz lesy bohatého pohorelského komposesorátu a niekol'ko ráz nové lesy znova vyhúklý (Krno. Dc., 7).

В некоторых случаях формы совершенного вида наряду со значением повторяемости передают оттенок внезапности или быстрого наступления действия. Особенно часто такой оттенок проявляется при совместном употреблении форм совершенного и несовершенного вида. Например: *Diviak bežal vpred, chvíl'ami zastal a hrochtaním vábil za sebou bielu sviňu* (Laz. Oh., 221); *Anekdoty sa len tak sypaly a za nimi zakaždým vybuchol homérsky smiech* (Čaj., 71).

При совместном употреблении форм совершенного и несовершенного вида может выражаться особый оттенок соотносительно-хронологической связи глагольных действий. Мы имеем в виду такие случаи, когда действие, обозначенное формой совершенного вида, происходит на фоне длительного действия, обозначенного формой несовершенного вида, и как бы вклинивается в это длительное действие (или ряд действий), неоднократно прерывая его на какой-то момент. Например: *Bol'o ročúval a len niekedy nadhodil otázku* (Čaj., 114); *Sedel nad mapou... Meral vzdialenosti kružidlom, robil značky, krúžky, šípy. Občas sa poškrabal prstom na ostrom, hrbatom nose* (Min. Děč., 185).

Использование форм прошедшего совершенного нередко носит стилистический характер. Так, например, при выражении многократной последовательности прошедших действий посредством соотносящихся форм прошедшего несовершенного и совершенного последние выделяют, подчеркивают предшествующее действие: *To vtedy vysedával po večeroch doma nad sošitom, slinil tužku a učil sa písať! Bol uvzatý a nepustil, volal matku, aby sa jej pochválil. Často vnútil aj jej tužku do ruky a hovorieval: Napíšte, mama, aj vy napíšte to isté!* (Jil. Kc., 130); *Tak to šlo za hodnú chvíľu: líška hned' trochu postála, hned' zas vopred utekala...* (Sl. pov., 8). Во втором примере оба действия, которые, повторяясь, следовали одно за другим, обозначены формами разного вида, причем действие предшествовавшее выражено формой совершенного вида. Благодаря этому оно выделяется, акцентируется, на нем задерживается наше внимание. Этого не происходит, если следующие друг за другом действия передаются формами несовершенного вида. Ср., например, предложение подобного же типа: *Bledý mesiačik slabo svietil; hned' sa skrýval za oblaky, hned' zas vykukával zpoza nich...* (S. Tom., 43). В этом случае соотносящиеся формы несовершенного вида оказываются стилистически нейтральными.

При виде форм совершенного вида нередко передается быстрая смена повторяющихся действий. Например: *Rozprával mnoho a hlasne a pritom sekaue, ako by nemal stihu. Obyčajne vyslovil len polovicu slova a hned' skočil do druhého* (Čaj., 92); *Pavo od Sechnára sa najprv nevládze v posteli umiestiť. Odvykol od ľudského spôsobu spávania... Tam, odkiaľ sa vrátil, ledva si ľahol, v tej minúte zaspal...* (Heč. Drd., 49).

Иногда при их помощи подчеркивается противопоставление длительного действия и действия недлительного. Например: *Ulice byly ako slepé, okná domov otváraly sa bojzливо a len na chvíľ'očku. Kde-tu ozval sa spev slúžky, keď vynášala do okna periny, podušky, koberčeky. alebo keď vybehla zo dvora s košíčkom na pečivo* (Jil. Kc., 29)—ср. «*keď vynášala*» и «*keď vybehla*».

Важной особенностью употребления форм прошедшего совершенного со значением повторяемости является их эмоциональная, стилистическая окрашенность. Ср., например, нейтральное, спокойное описание:

Každé ráno vstával v určítú hodinu и более яркое изображение того же самого факта: *Každé ráno vstal v určítú hodinu*.

Благодаря употреблению форм совершенного вида достигается более живое, рельефное изображение событий. В этом отношении особенно показательны примеры, рассмотренные в разделе II данной статьи. Действительно, для описания последовательного хода неоднократно повторявшихся действий при открытии ресторана (см. пример на стр. 35) можно было бы без ущерба для смысла употребить формы прошедшего несовершенного. Однако, используя формы совершенного вида, автор добивается большей определенности, яркости, впечатляемости. Таким образом, рассмотренное употребление форм прошедшего совершенного выступает как своеобразный стилистический прием.

IV. 1. Для обозначения повторяемости глагольного действия в словацком языке имеется специальное морфологическое средство — многократные глаголы. Наряду с этим повторяемость может выражаться и немногочисленными глаголами — как формами несовершенного вида, так и формами совершенного вида. Особенно широко со значением повторяемости употребляются глаголы совершенного вида в форме прошедшего времени. Подобное употребление форм прошедшего совершенного находим в произведениях многих словацких писателей XIX—XX вв., в научной и публицистической литературе, в газетах, оно встречается в различных типах контекста, в различных по своей синтаксической структуре предложениях. Иначе говоря, это довольно распространенное в словацком литературном языке явление. Аналогичное употребление форм прошедшего совершенного встречается и в словацких диалектах. Вместе с тем такое употребление представляет собой характерную особенность видо-временной системы словацкого глагола, являющуюся показателем различной функциональной значимости формы прошедшего совершенного в словацком и русском языках.

Можно выделить два основных типа употребления форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости действия. Эти формы выражают повторяемость: а) при наличии в предложении лексико-синтаксических показателей повторяемости: соответствующих наречий времени, характеризующих различные оттенки повторяемости; обстоятельственных выражений и косвенных лексических средств, указывающих на повторяемость действия; б) когда значение повторяемости выявляется из содержания высказывания, из широкого контекста. Во втором типе значение повторяемости тесно смыкается со значением типичности действия. Оба типа характеризуются общей чертой — контекстуальной обусловленностью значения повторяемости формы прошедшего времени совершенного вида.

2. Употребление форм прошедшего совершенного со значением повторяемости является лишь одним из способов выражения этого значения. Между выражением повторяемости при помощи немногочисленных глаголов несовершенного и совершенного вида наблюдается некоторая общность. В известном смысле они выступают как близкие, синонимические способы выражения повторяемости: для форм как несовершенного, так и совершенного вида немногочисленных глаголов значение повторяемости не является обязательным, оно выявляется лишь в соответствующих условиях контекста; кроме того, и те и другие могут передавать ряд одинаковых оттенков общего значения повторяемости. Далее, если иметь в виду глаголы, образующие видовые пары, то можно говорить об определенном параллелизме в употреблении форм прошедшего совершенного и несовершенного вида со значением:

повторяемости. Это подтверждается общностью позиционной характеристики: и те и другие встречаются в однотипных условиях контекста.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что между этими двумя способами выражения повторяемости имеются и существенные отличия как в плане грамматическом, так и в плане стилистическом. Эти различия касаются не столько самого значения повторяемости, сколько иных семантических характеристик глагольного действия, сопровождающих указанное значение. Формы прошедшего — как несовершенного, так и совершенного, — выступая со значением повторяемости, сохраняют свое видовое значение. Поэтому, когда глагол совершенного вида выражает повторяющееся действие, он вместе с тем характеризует это действие как целостное, законченное. Кроме того, формы совершенного вида, выступая со значением повторяемости, нередко служат для передачи таких характеристик действия, которые тесно связаны со значением совершенности (они могут подчеркивать результат повторяющихся действий, быстрое наступление действия, оттенок внезапности, при помощи этих форм передаются специфические оттенки соотносительно-хронологической связи действий и т. д.). Наряду с этим формы совершенного вида со значением повторяемости используются как стилистическое средство: благодаря им достигается яркое противопоставление недлительного действия действию неопределенно-длительному, передается быстрая смена событий, подчеркивается действие, неоднократно предшествовавшее другому действию, и т. д. Наконец, при помощи этих форм достигается живое, эмоциональное, рельефное изображение действий, в то время как формы несовершенного вида в этом отношении являются нейтральными. Все это показывает, что употребление форм прошедшего совершенного для обозначения повторявшихся действий в словацком литературном языке характеризуется рядом грамматических и стилистических особенностей и тем самым выделяется как своеобразный способ выражения повторяемости прошедших действий.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Buffa — Dr. Ferd. Buffa. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953.
 Čaj. — Ján Čajak. Poviedky. Bratislava, 1954.
 Čapl. — Ján Čaplovič. O štúdiu staršej literatúry slovenskej. Slovenský spisovateľ', 1953.
 Fed. — K. Fedin. Prvé radosti. Bratislava, 1950.
 Фед. Пр. — К. Федин. Первые радости. М., 1950.
 Hab. — Anton Habovštiak. Nárečové ukážky z Oravy. «Jazykovedný zborník», roč. III, čís. 1—2, Turč. Sv. Martin, 1948.
 Heč. Drd. — František Hečko. Drevená dedina. Slovenský spisovateľ', 1953.
 Hor. Sh. — Jozef Horák. Sebechlebskí hudci. Bratislava, 1954.
 Hruš. — Ján Hrušovský. Pompíliova Madona. Slovenský spisovateľ', 1956.
 Jégé. AŠ. — Jégé. Adam Šangala. Martin, 1952.
 Jégé. Mu. — Jégé. Medzi nimi. Matica slovenská, 1934.
 Jes. Dem. — Janko Jesenský. Demokrati. Bratislava, 1953.
 Jes. Nov. — Janko Jesenský. Novely. Transcius v Liptovskom Sv. Mikuláši, 1944.
 Jil. Kc. — Peter Jilemnický. Kus cukru. Bratislava, 1952.
 Kar. Tr. — Peter Karvaš. Toto pokolenie. Matica slovenská, 1949.
 Klnč. Or. — Ján Kalinčiak. Orava. Martin, 1952.
 Král'. Cz. — Fraňo Král'. Cesta zarúbaná. Slovenský spisovateľ', 1954.
 Krč. — Štefan Krčméry. Výber z diela, III. Bratislava, 1954.
 Krno. Dc. — Miloš Krno. Dve cesty. Slovenský spisovateľ', 1953.
 Kuk. D. — Martin Kukučín. Dom v stráni. Matica slovenská, 1947.
 Kuk., XI — Sobrané spisy Martina Kukučina. Sv. XI. Matica slovenská, 1934.

- Laz. Oh. — Katarína L a z a r o v á. Osie hniezdo. Slovenský spisovateľ', 1954.
Min. Děč. — Vladimír M i n á č. Dlhý čas čakania. Bratislava, 1958.
Min. Nr. — Vladimír M i n á č. Na rozhraní. Slovenský spisovateľ', 1954.
Ond. Zm. — Ľudo O n d r e j o v. Zbojnícka mladost'. Bratislava, 1951.
Ond. Str. nár. — Pavel O n d r u s. Stredoslovenské nárečia v Maďarskej ľudovej republike. Bratislava, 1956.
Paul. Nár. z. os. — E. P a u l i n y. Nárečie zátopových osád na hornej Orave. Turč. Sv. Martin, 1947.
Podjav. — Ľudmila P o d j a v o r i n s k á. V otroctve. Bratislava, 1954.
Ráz. II. — Martin R á z u s. Julia, kn. II. Mazáč, 1930.
Sl. pov. — Slovenské povesti. Vydávajú A. H. Škultéty a Pavel Dobšinský v Rožňave, 1858.
Stan. Ln. — Ján S t a n i s l a v. Liptovské nárečia. Turč. Sv. Martin, 1932.
Stod. — Ivan S t o d o l a. Čaj u pána senátora. Martin, 1955.
Taj. — Jozef Gregor T a j o v s k ý. Dielo v šiestich sväzkoch. Sv. I. Bratislava, 1953.
Tom. Ndc. — Karol T o m a š č í k. Na dobrej ceste. Slovenský spisovateľ', 1954.
S. Tom. — Samo T o m á š i k. Malkotenti. Bratislava, 1953.
Vaj. K. — S. H. V a j a n s k ý. Kotlín. Turč. Sv. Martin, 1949.
Vest. — Vestník Slovenskej Akadémie vied, roč. I, čís. 1—2, 1959.

И. Попович

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

I. Сербско-хорватское *кућа*, болгарское *къща* 'дом'

Сербско-хорватское *кућа*, болгарское *къща* возводят обычно к праславянскому *kptati* 'покрывать, скрывать'. Э. Бернекер приводит из болгарского языка: «къштата ѱзем... стая за кътане няштата за облякло и няштата за ястиво и вариво» и сопоставляет *kpt'a* с балто-германским типом без носового: лит. *kūtis* 'Stall', лтш. *kūts* 'Viehstall', др.-в.-нем. *hutta* 'Hütte' (BEW, 603).

Во всяком случае, с праславянским *kpt'a* нужно считаться (ср. ниже). Однако корень *kat-* является еще дославянским, доиндоевропейским достоянием; его можно найти (без носового элемента) во многих европейских и африканских языках: ср. лат. *casa* (**kat iā*) 'дом', фин. *kattā* 'corpire', *katto* 'tetto', кит. *katā* 'corpire', ассир. *katā-mu* 'id.'; фин. *kota* 'casa, tenda', *koto*, *koti* 'abitazione', андаман. 9 *kāt* 'sapanna', банту *-kota*, *-koto*, 'recinto, siepe', маньчж. *xoto-n* 'cittā, mugo', *kota-n* 'villaggio' и т. п. (Trombetti, 34); К. Оштир связывает и лат. *casa* со слав. *chysъ/chызъ* и герм. **xūs-* (Ostir, 99, 119; об этимологии *casa* ср. еще Meillet. *Esquisse*, 102).

Вероятно, *chызъ* и т. д., а также *котсь* и т. п. сохраняют первоначальный тип, без назализации, а в случаях *kpt'a* — *kptati* назализация вторичная и «неорганическая», экспрессивного происхождения, что хорошо показал для ряда случаев Ф. Ливер. Подобные процессы он допускает и для домостроительной терминологии (Liewehr, 11 и след.; ср. *gordъ/zordъ* там же, на стр. 22).

Во всяком случае мы исходим здесь уже из праславянской вторичной назализации, т. е. из праславянского *kpt'a* (ср. Черных, 79—80).

Южнославянский материал: серб.-хорв. *кућа* (о распространении см. ниже), ст.-сл. *къшта* (Miklosich, 329), словен. *kōča*, австр.-нем. *gantsche* < **kōča* или *kōča* (Štrekelj, см. *gantsche*), др.-венг. *kútya* < *күћа* (Moór. *Ortsnamen*, 14).

Севернославянский материал: прежде всего укр. *кўча* (Гринченко; Жилко, 118, 121, 146); русск. мп. ч. *кўчки* (Даль; REW, Bd I, 709). Из старославянского заимствовано русск. *кўща* (и дериваты: ср. те же самые источники), из восточнославянского заимствовано в.-слвц., морав. и польск. *кучка*, *kuczka*. Правда, в западнославянских, кроме того, можно встретить и **kpt-* без суффикса *-iā-*, что говорит как раз в пользу связи с *kptati*. Ср. полаб. *kōtk'e*(?) 'Stube' (Rost, 393), польск. *kąt* 'mieszkanie' (Karłowicz, t. II, 331), словен. диал. (аблаут?) *kēta* 'eine aus Flechtwerk und Lehm gemachte Winzerhütte', кашуб. *kōta* 'buda, chata(?)'; ср., впрочем, что говорит о русск. *кут* и *куть* Даль (Даль, т. I, 231—232). Остановившись на этимологии и праславянском характере типа *kpt'a*, перейдем к вопросам его истории в сербско-хорватском и болгарском языках.

Праславянским стандартным названием для *domus* 'жилое строение' было слово *domъ*. Об этом свидетельствует как материал различных севернославянских языков, так и старославянский. Ср. русск. *дом* 'строение для житья', в городе 'жилое строение, хоромы', в деревне 'изба со всеми ухажками и хозяйством' (Даль)¹; укр. *дім* (с производными *дім'ок*, *д'бм'ик*, *дом'ок*, *д'бм'ичок*, *дом'б'очок* и др.; ср. «Мав собі домочок и садок» и др., Грінченко); блр. *дом* = русск. *дом*, укр. *дім* (Ломтев, 10); чеш. *dům* 'budova, stavení' («Nezbývá nic než abyч vzal možnu a hůl a šel od domu k domu žebrat»), слвц. *dom* = чеш. *dům* (Kálal, 102), слвц. *dômck*, *domčok* = чеш. *doměk*, *doměček*, слвц. *domsko*, *domcvisko* = чеш. *nehzky důmov*, *velký dům*; польск. *dom* 'budynek mieszkalny' (d. trzypiętrowy, parterowy и т. д.), диал. *dom* *drowniany* («Piotr mieszka w domu, a Paweł w murze» — kamienicy). На польско-словацкой территории в Карпатах чеш. *dům* соответствует польск. диал. *dům*, *dóm*, *dóm*, слвц. диал. *dom*; в Спише — колебание *dům* || *xatura* (Vážný, 91); кашуб. *dòm* (*doměčk*, *domk*), польск. *dom*, словин. *dòm* (дериваты *dòmtk* и т. д.) 'Haus' и др.²

В южнославянских языках *domъ* не имеет теперь названного значения. В RJA о сербско-хорватском *дом* говорится: «дом, но не как постройка... а как какое-то место, где человек живет с близкими» (RJA, t. II, 613), т. е. 'domicilium'; а в косовском говоре сербско-хорватского языка *д'бм*, как указывает Гл. Элезович, «обычное слово, обозначающее нечто лучшее, чем дом». Элезович дает ряд примеров: «Нёкад је то била кућа и д'бм; «Ни од р'ода, ни од д'ома» (здесь уже 'семья'. — И. П.). В болгарском *дом* в значении 'domus', очевидно, русское заимствование. Геров указывает следующее значение болг. *дом*: 1. «к'ща, русск. дом»; (Геров, т. I, 333), а новый «Български тълковен речник» дает первое значение: «сграда или апартамент за жилище на отделно семейство», однако из приведенного там примера: «Располагам се като у дома си» (БТР, 137) очевидно, что здесь нужно говорить не о конкретном значении 'domus', но о переносном 'domicilium'. Словенский язык также не знает *domъ* в основном значении; Плетершник дает очень точное значение для *dôm* 'das Heim, die Heimstätte', оно подтверждается и его примерами. Точно такое же значение можно было бы указать и для слова *дом* в современном литературном сербско-хорватском языке.

Итак, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что южнославянские языки утратили общеславянское *domъ* в значении 'жилое строение'. Чем же южные славяне заменили *domъ*?

Сербско-хорватские штокавцы и болгары заменили *domъ* (в названном значении) словом *к'рт'а*.

¹ Однако нельзя утверждать, что *дом* 'жилое строение в целом' имеет наиболее широкое значение, является универсальным в русских говорах: *дом* в указанном значении употребляется только в части русских говоров. Во многих же русских говорах деревенский дом называется *избой* — на севере и на юге; на юге, как и в украинском, есть и *xата* 'жилой крестьянский дом' (Кузнецов, 108). Тем не менее нельзя сомневаться в народном характере и широком распространении русского, белорусского *дом*, украинского *дім*, точно так же не может быть и речи о каком бы то ни было заимствовании *domъ*, например, из латинского *domus* или греческого *δῶμος*, потому что и его склонение (й-основа) свидетельствует о его исконности в праславянском языке.

² Иногда все же в этой функции выступают в севернославянских языках и другие типы. Ср. вышесказанное о русском *изб'а*; русск., укр. *xата* (русс. диал. костромск., тверск. *дом* 'гроб'); затем *chatura* в Моравии (Bartoš, t. I, 14), польск. *chata* 'dom wieśniaczy', укр. *кур'їнь* 'вообще жилище' и др.; но в данной статье коснуться всего этого не смогу.

Первоначально *kqt'a* не имело значения 'domus'; *kqt'a* имело более общее значение примитивного жилища, возможно, 'землянка' (ср. русск. дом 'гроб'), хотя точное значение здесь от нас ускользает (ср. Janko, 88-89). Об этом первоначальном значении свидетельствуют различные факты.

а) Материал севернославянских языков: ср. укр. *кўча* 'клеть для птиц; хлев для свиней' (Гринченко), приміщення для свиней, хлів для свиней' (Жилко, 118, 121), однако Жилко добавляет: «Убогу хату в частині [бойковско-среднезакарпатских] говірок звали *кўча*, в інших говірках — це хлів для свиней...» (Жилко, 146); русск. (из ст.-сл.) *кўща* 'сень, скиния, шатер, намет, палатка, ставка, шалаш, балаган, курень, навес, беседка, хижина; временная лачуга в лесу' и русск. диал. *кўщи* (параллельно нар. *кўчки*) обозначает «скидовский вешний праздник в память странствия с Моисеем; все выбирают из домов в шалашах, кўщи» (Даль, т. II, 229; подчеркнуто мной. — И. П.). Из этого последнего хорошо видна разница *domъ*: *kqt'a*; первое — постоянный дом для жилья, второе — импровизированная постройка. Ср. и русск. арханг. *кўщица* (*ш < ч* или *< щ*?) 'землянка, временно жилия пещера или крытая яма' и т. п. Это касается и западнославянских заимствований из восточнославянских языков; чеш. диал. *kuša* 'lehká letní chýše pro pastevce, koliba, chatrč, chajda'; *kuša* в исконном значении 'domus' бытует у чехов как сербизм и употребляется лишь в контексте, имеющем отношение к чему-нибудь сербскому: «v serbocharvátském prostředí vůbec název domu, přibytku»: «Přijde (črnohorec) počního času před kuču Turčina, kterého si pro svou pušku vyhlídl».

б) Материал южнославянских языков. У словенцев: *kŕča* 'die Bauernhütte, ärmliche Wohnhütte', *kočanjek* 'eine elende Bauerhütte', *kočar* '2. der Nomade', *kočāra* 'schlechte Bauerhütte', *kočāriti* 'in einer ärmlichen Bauernhütte leben; kümmerlich leben, elendlich sich durchbringen', *kočūr* '1. elende Wohnhütte; 2. диал. oddelek za teleta v hlevu' и т. д. Ср. и словен. диал. *koč* муж. р. 'ein mit Brettern abgesonderter Raum (z. B. im Stalle, für ein Kalb, für ein Mastvieh); 'der Schafstall; eine Nothütte'. Те же значения у австр. *gantsche* 'хижина' (см. выше)³. Иначе в старославянском: ср. ст.-сл. не имамъ кѣшта ни домоу, при этом кѣшта соответствует греч. σκηνή, а домъ — греч. οἶκος, οἰκία (Miklosich, 171, 330; REW, 603); стандартный перевод греческого οἶκος, οἰκία в старославянских текстах — домъ, а не кѣшта (Jagić, 340). Наконец, и сербско-хорв. *кућа* и болг. *кѣща* до некоторой степени сохранили архаичное значение. Правда, в древних сербских и хорватских текстах проследить это с достаточной достоверностью нельзя: кѣшта (XIII в.) в значении 'хижина' может быть и под влиянием церковного языка; один не совсем ясный пример той же эпохи (правда, из светского текста) дает, как будто, значение 'торговый дом': и ѡуниини бѣхѹ которане кѣштѣ кѣштѣнѣ на трѣжнштѣ... а нинѣ да се не цѣди воскъ ни да се постави дрѣга кѣшта ѡ всѣмъ градѣ (RJA, t. V, 724); интересно отметить, что в словаре Вука Караджича для слова *кўћа* находим еще и значение 'кухня, Küche, culina'. Это последнее значение хорошо подтверждает, впрочем, и болгарский язык. Геров как второе значение *кѣща* дает (без локализации) 'стая в кѣща дето е огнището'; ср. и *кѣши'та* '2. стая' — хасков. (Христов, 231), *кѣшта*

³ С. Пирхеггер выводит австрийские топонимы *Gentschach* (*kəintšə*), 1494 *Gontschach* из словенского *končan* «der am Sude eines Dorfes Wohnende», loc. pl. **копъ-ѣачъ*: *копъсь* (Pirchegger, 39), однако здесь можно было бы указать и на *gantsche* < **kŕča*.

‘помещение с огнище в жилището’ — около Варны (Стойков, Костов, 360); далее у болгар на территории СССР: *кѣшта* ‘2. комната’ (Швецова, 91), *кѣшта* ‘комната’ (не основное значение, ср. Бунина, 29). Ср. из хасковско-го говора: «Ф аниѣта, кѣшта идѣм, пѣ в другѣта с’пим» (Христов); из болгарского говора в СССР: «свѣтуфт’а ф другѣта кѣшта садѣт љул’ѣјѣт дур н’и мрѣкн’и» ‘сваты сидят в другой комнате и гуляют, пока не смеркнется’ (Бунина). Некоторый переход от значения ‘domus’ к значению ‘маленький дом, комнатка’, возможно, найдем и в сербском языке: в косовском говоре *куѣа* означает «зграда у којој се станује, у којој се кува јело, пече хлеб, где је огњиште» (Елезовић, I, 347-348).

Как мы могли видеть, *кѣта* первоначально имело более общее значение; это значение сохранилось, с одной стороны, в севернославянских языках (русский и украинский), с другой — в древних пластах южнославянских языков (старославянский), а также на западной окраине славянского мира (словенский язык) и в качестве неосновного значения (как архаизм) у сербов и болгар.

В то же время *куѣа*, *кѣца* у сербов и болгар развили новое, главное значение ‘domus’, вытеснив праслав. *domъ*. Принимая во внимание, что серб.-хорв. *куѣа*, болг. *кѣца* ‘domus’ теперь является достоянием литературного языка и что исследования по лингвистической географии в Югославии и Болгарии проводились в прошлом (а часто и теперь ведутся) устарелыми методами, очень трудно в существующей литературе по диалектологии найти местное подтверждение для *куѣа/кѣца* и еще с определенным семантическим оттенком. Можно все же сказать, что это обычное слово для сербско-хорватского, а также для болгарского языка: ср. серб.-хорв. *куѣа* не только во всех словарях, но и местное: *куѣа* в Воеводине (только так, по моим материалам); в Белграде; в Косове (см. выше); в Славонии (Ivšić, 169 и след.); в Боснии (Rešetar, 182); в Черногории; в Дубровнике (Rešetar), в областях Хорватии (Rešetar, 237, 245), одним словом, на всей штокавской территории. Что касается болгарского языка, ср. (в значении ‘domus’) лит. болг. *кѣца* ‘1. сграда, постройка, в която живеят хора’, то же самое и в городе (‘двуетажна кѣца’) (БТР), далее диал. *кашта* ‘domus’ — Дупнишко (Цонев, 31), *кѣшта* — зап. Болгария («В тоя край има два вида кѣщи: в земята, наречени ижи, и върху земята, наречени кѣшти — Маринов, 294—295), *кѣшта* — Вратца («Годѣ ти са тая кѣшта, ама немаш пари да гѣ купиш», см. Бешовишки, 194), *кѣшта* — Белослатинско (Попов, 120), *кѣшта/кѣшта* — Самоковско (Стойков, Костов, 265), *кѣшта* — Смолянско (Кабасанов, 16), *кѣштъ* ‘domus’ — В. Търновско (Гъбюв, 220), *кѣца* около Бургаса и т. п. (Милетич, 63 и след.), *кѣш’та* ‘кѣца’ — Хасковско (Христов, 231). Короче говоря, *кѣта* ‘domus’ охватывает почти всю современную Болгарию.

Этого сербско-штокавско-болгарского образца придерживается и часть хорватских чакавцев; согласно данным, которыми располагает современная наука, такого образца придерживаются на далматинских островах: ср. на о. Хвар *кѣѣа* (*кѣѣ’а*) (Hraste, 26), на Премуди топоним *Кѣѣѣѣ* (Skok, 92); далее и в северночакавских говорах, материковых и островных: на Суске *кѣѣа* (Hamm, Hraste, Guberina, 164), на Цресе (Tentor), в Цовом (Белич. Заметки, 43). Такая же форма имеется и у истрийских чакавцев в центральной части полуострова и частично на Кварнере, затем у штокавцев на крайнем юге Истрии, близ г. Пула⁴: *куѣа*, *куѣ’а* (Popović. Elementi, 67).

⁴ Об этих штокавцах я писал в работе «Istarski štokavski dijalekat» («Riječka revija», V, стр. 88—92).

Наконец, что касается Македонии, то и там есть *kot'a*; однако здесь нужно отметить, что во всей Македонии — до Эгейского моря и Салоник — бытует форма *куж'а*, имеющая сербскую огласовку, что не должно нас удивлять, если учитывать семантику слова и средневековую экспансию сербского феодального государства. Ср. не только лит. макед. *кука* 'дом', но и в диалектах: *кук'а* — Поречье (Видоески, 22), *кѹкѹа* (*кѹк'а*), уменьшительное *кѹкѹинче* — Велес (Геров. Дополнение, 182), далее на территории Греции *куїкѹа* (*кѹїк'а*) 'дом' — Воденско-Ениджевардарско, Солунско (Матов, 22). В песне (неврокопский говор) чередуются два типа: закономерное местное *кѹшта* (в повествовании) и заимствованное сербское *кѹк'а* (*кѹкѹа*) в рефрене:

Рáдвaи са, стопáне вéсели са кѹкѹо!
 Лопене са чѹло в Боїковата кѹшта,
 Лопене са чѹло поштѹа на тавáнья,
 Сон е видѹала Боїковата штѹрка... и т. д.
 (В. Пасков. Стопанова гозба. СБНУ, кн. XIV, 1897,
 стр. 186, 187).

Ср. еще в костурском говоре закономерную форму *кѹшча* (Кузов, 98); нужно ли здесь обращаться к топониму *Koštarak* = греч. Κωσταρίσι = тур. *Kostaraca*, неясно (Vasmer. Slaven, 192); греческий топоним Κούκχρη никак нельзя сопоставлять с *кућа* по образованию (Указ. соч., 321); тщетным оказались попытки Лаврова и Белича открыть в греческих топонимах *Κρλοκοόκхи* и *Χουυδοκοόκхи* это сербское слово: эти топонимы, бесспорно, албанского происхождения (ср. Vasmer. Slaven, 321).

Таково распространение типа *кућа/кѹца* в значении 'domus' на южнославянской почве.

На крайнем западе южнославянской территории, в центральной (материковой) Далмации и центре Балканского полуострова (там, где штокавские говоры граничат с болгарским языком) находим другой тип, вернее, два родственных типа.

Первый представляет собой вариант словен. *hiša* 'das Haus', который свойствен литературному языку словенцев, а также и словенским периферийным говорам в Италии: *hischa* 'casa' (Matičeto, 84); можно найти этот тип и у истрийских кайкавцев в форме *hiša/šiša* (Ribarić, 151).

Другим вариантом является *chyža* со звонким *-ž-*; связь ее с формой *chyša*, разумеется, весьма отдаленная (Kiparsky, 179—180).

Последний вариант находим в словенских говорах, которые примыкают к сербско-хорватской области: в юго-восточной Штаерской области и у словенцев на венгерской территории: *hiža*; точно так же говорят и в столице Хорватии: ср. хорв. кайкав. *hiža* (RJA), *hižura* 'slaba hiša', уменьшит. *hižurka* (Pleteršnik).

Далее *hiža* 'дом' — обычный тип истрийских штокавских говоров (говоры переселенцев с далматинского побережья) — проник кое-где и в сильно штокавизированные чакавские говоры на истрийском Кресе и частью на Кварнере (Tentor). Употребляется и в материковой Далмации (Popović. Elementi, 67; Ribarić, 151).

Третья зона типа *chyža*, как я уже упомянул, — Шоплук, т. е. восточная Сербия и западная Болгария. Правда, А. Беличу здесь часто попадалось *кућа* (Белић. Дијалекти, 146, 175, 178 и т. д.); однако это, очевидно, заимствование из литературного сербского языка, хотя бы на какой-то части этой территории, потому что в значении лит. серб. *кућа* здесь выступает *ѡжа*, как, по-видимому, на всей юго-

славской территории Шоплука (см. Белић. Дијалекти, 206, 328, 348, 349, 664). Точно такая же картина и в западноболгарских (шопских) говорах, где *хижа* (и *ижа*. — И. П.) обозначает 'domus' вообще; А. Т. Балав ввел слово *хижа*, взятое из этих говоров, в литературный болгарский язык, но в значении спортивно-туристического термина «специална постройка — къща, дом в планина» (Български език, 404, 405). Интересно, что в довольно архаичном говоре сербов-крашован на юго-западе Румынии имеется тип *ижа*, абсолютно совпадающий по значению с румынским *casă*, т. е. 'domus' (Petrovici, 108), хотя указанный говор в настоящее время отделен от сербско-болгарской шопской территории новыми сербскими говорами моравского типа, где сейчас есть только тип *кућа*. Материал, которым я располагаю, не вносит ясности в вопрос — может ли *хижа*, *ижа* в некоторых западноболгарских говорах иметь значение 'специальный дом' т. е. употребляется ли здесь и *кук'а*, *къшита*, *кашта* и под. наряду с обозначенными выше типами. В дифференциальном словаре Н. Мирковича для болгарского *хижа* дается сербский перевод «1. колиба, изба; 2. планинска кућа, планински дом» (стр. 151), Геров дает для *хижа* значения «малка селска къща, почасто в земята; къща узем—руск. хижина, хата» (Геров, т. III, 516), в БТР (стр. 922) дано следующее объяснение для *хижа*: «1. сграда в ненаселено планинско място за подслон на туристи; 2. селска къща; дом, жилище, колиба» («В ужас и трепет сниши се всяка хижа и дом», стр. 922), а Маринов дает для *ижа* значение «къща, изкопана и направена и земята» («всякоя ижа има: грѣвица, къща и стаи», стр. 279-280). Итак, возможно, что кое-где на шопской территории *хижа*, *ижа* обозначает 'землянка' или 'лачуга' и т. п., однако крашованский материал (вероятно, лучше отражающий первоначальное состояние) ясно показывает, что в этой зоне есть и такие говоры, где *хижа* употребляется в значении 'domus', где, следовательно, *chyža* противопоставлено обычному серб.-хорв. *кућа*, которому соответствует болг. *къща*. В Тырновском говоре также отмечено *хижляк* «уменьшительное от хижа» (Геров. Дополнение, 320); насколько далеко на восток проник этот тип в Болгарии, сказать сейчас трудно.

И, наконец, в кайкавских областях Хорватии — указываю это ради интересной формы — встречается муж. р. *his* в значении 'клеть'.

Что касается других типов, кроме *kqt'a*, *chyža*, *chyša*, кажется, они нигде в южнославянских языках не имеют значения 'domus' в прямом смысле. Правда, из болгарских говоров приводят *зграда* 'къща' (Стойков, Костов, 305); но приводят и *зграѓе* (*зграѓ'е*) как «название на всякое здание» (Маринов, 279), и это последнее будет, очевидно, точнее, судя по тому, что серб.-хорв. *зграда* обозначает 'здание, архитектурное сооружение вообще' и под.

Праслав. *chormъ* имеет значение 'domus' лишь на западе: в ряде чакавских говоров как будто *hrām* имеет значение 'domus' (?) (RJA, t. III, 678), что соответствовало бы в.-словен. *hrām* 'das Gebäude', особенно 'Wohngebäude, das Haus'⁵; на востоке Балкан такое значение в настоящее время нигде не подтверждается, южнослав. *храмъ* всюду отошло в сферу церковных терминов, хотя иногда имеет и народный характер: ср., например, хорв. *krām* 'Kirchweih' (Rešetar, 244), где переход *x > k* ясно указывает на литературное происхождение.

Географическое распределение, следовательно, таково: на крайнем

⁵ Но уже истрийское *hrām* обозначает «часть дома, где хранятся различные столовые приборы и посуда» (Ribarić, 151), а на острове Крк *hrāmac* обозначает только 'пастушьа избушка' (RJA, t. III, 678).

западе южнославянской территории тип *chyša* (большая часть словенцев и часть истрийских хорватов-кайкавцев), к нему примыкает далее к востоку тип *chyža* (штокавцы с далматинского побережья, населяющие теперь Истрию, хорваты-кайкавцы), далее, захватывая сербско-хорватские чакавские и штокавские говоры почти целиком, господствует тип *kuha*, который проникает в Македонию до южных ее границ. На штокавскую модель *kuha* опирается опять-таки на востоке небольшая шопская область с типом *xija*, *ija* (включая и Крашован). Далее на восток появляется обычная болгарская *kъца* (с вариантами), которая употребляется и в эгейской Македонии (*kъшча*).

Остановимся на историческом аспекте вопроса.

Как мы уже отмечали, *kot'a* лишь вторично развило значение 'domus'; на это указывают следы старого значения на Балканах и семантика этого типа в восточнославянских языках, ср. и ст.-сл. *кѡшѣ* *сѡгнѣ*. Между тем серб.-хорв. *kuha* уже довольно рано получило значение 'domus'. Правда, RJA не дает достаточных подтверждений из сербских средневековых памятников. Однако в Законнике Душана XIV в. появляется *кѡшѣ* 'domus', а примеры из многочисленных хорватских писателей Приморья и Дубровника (Каванин, Виталич, Дошен, Кадич, Добретич, Зоричич, А. Качич, Држич, Гундулич, Ранина) неоднократно подтверждают этот тип, его же можно найти и у славонского писателя Рельковича, у боснийского писателя Посилевича и др. И в знаменитом хорватском Винодольском законнике, написанном на чакавском диалекте XIV века, *kuha* уже означает 'domus'. Когда ст.-сл. *кѡшѣ* *сѡгнѣ* перешло в болг. *къца* 'domus', сказать сейчас трудно; широкое распространение типа *къца* 'domus' на болгарской территории — красноречивое свидетельство его давности.

Что касается типа *chyža*, он в прошлом был распространен на Балканах шире, нежели теперь. Прежде всего западная область его распространения (теперешние далматинские и истрийские штокавцы и хорватские кайкавцы) была значительно шире, чем в наше время. Его употребляла не только материковая Далмация, но, как это можно видеть из RJA, и чакавцы Хорватского Приморья (Трсат возле Риетки) и чакавцы Далматинских островов (например, писатель Гекторович); примеров, подтверждающих этот тип, много. Эта модель находит себе подтверждение и в средневековой Боснии (тогда чакавской) и в Дубровнике. Следовательно, ясно, что средневековая область распространения модели *chyža* 'domus' охватывала полосу хорватских земель, кайкавских и чакавских, далее богумильскую Боснию и Дубровницкую республику. На западе тип *chyša*, который сейчас не охватывает даже всей Словении, был распространен больше, потому что *hiša* 'domus' в XIII в. подтверждается и различными чакавскими текстами (RJA). Я истолковываю это так: *chyša* первоначально было кайкавским типом, а *chyža* — чакавским (Далмация, Босния); образование хорватской феодальной державы (в которую входила и часть кайкавцев) и формирование отдельных государственных институтов в Боснии привели к вытеснению кайкавск. *chyša* чакавск. *chyža* в хорватских землях (теперь в кайкавском Загребе *hiža*); *hiša* сохранилось в Словении, политически изолированной от остальных южнославянских земель; однако события, связанные с турецкими войнами, занесли *hiža* в восточную Словению.

Другой зоной распространения типа *chyža* является, как мы видели, горный район в центре Балкан, на сербско-болгарской границе. Сербско-крашоване в Румынии своим *ija* свидетельствуют, что эта зона в средние века, по всей вероятности, была шире, нежели теперь; позднее этнические перемещения и развитие сербского и болгарского нацио-

нальных языков приводят к некоторому уменьшению этой зоны, сведению ее к двум районам, расположенным в горах, далеко от основных путей сообщения: один район в Шоплуке (Ниш-София), другой — в румынских говорах.

Были ли когда-то в контакте где-нибудь на севере Югославии и Румынии зоны употребления типа *chyža* — западная (Босния, Хорватия) и восточная (Шоплук), — сказать сейчас трудно из-за отсутствия материала. Также нельзя достоверно сказать, был ли известен средневековым македонским говорам тип *chyža*; в старославянских текстах, правда, находим *хъжина* 'oixia, domus', например, в Супрасльской рукописи (Miklosich, 1102); но старославянский лексический материал слишком неоднороден, чтобы можно было сделать какое-то заключение о типе *chyža*.

Типы *кућа* и *къца* 'domus' как будто штокавского или болгарского происхождения. Формально *кqt'a*, безусловно, является праславянским наследием и известно и в других районах (словен. *koča*); однако новое значение зафиксировано где-то в центре Балкан и не захватывает словенский язык, где в значении 'domus' выступает *hiša*. Распространение штокавцев в средние века из сербского королевства отодвинуло тип *кућа* далеко на юг, в Македонию, а известный, еще средневековый символ штокавцев и чакавцев (ср. и штокавск. и чакавск. $q > u$) способствовал распространению модели *кућа* на чакавской территории; миграции штокавцев на запад и север Югославии в период турецкой оккупации также способствовали распространению типа *кућа* в Боснии и в чакавских говорах на хорватской территории, а, возможно, и в Славонии, оставляя лишь кое-какие остатки типа *chyža* (Загреб, частично Приморье, румынские сербы, Шоплук). Болгары, со своей стороны, благодаря литературному языку и вследствие миграций, утрачивали (*x*)*ижа* (Шоплук), заменяя его на *къца*.

Труднее, однако, сказать, где впервые *кqt'a* получило значение 'domus': у штокавских сербов или в Болгарии. Мы не имеем данных, которые бы позволили сделать определенное заключение по данному вопросу: болгарские говоры, сохраняющие архаичное значение *къца* 'стая' и т. п., могли бы как будто свидетельствовать, что новое значение 'domus' шло с запада (ср. сербизм *куќа* в Македонии); однако этого нельзя утверждать с уверенностью, так как *кућа* и в сербских говорах, в самом центре (см. далее) сохраняет еще и архаичное значение. Во всяком случае, откуда бы ни шел этот процесс, трудно представить, что штокавцы и болгары независимо друг от друга развили значение 'domus'. Напротив, совершенно очевидна связь между сербско-хорватским и болгарским языками, и эта связь, несомненно, установилась на Балканах. Какое новообразование в материальной культуре привело к этому — для ответа на этот вопрос этнография не дает надежных данных (см. выше работу Янко).

Мы должны остановиться и на некоторых других типах, которые в прошлом могли означать 'domus'. Так, на Дунае в Сербии находим топоним *Рама*, *Рам*, выступавший в средние века в форме *храм(ь)* и обозначавший место, где находился римский castellum Literata; исходя из этого, Скок считает, что др.-серб. *храм* значило 'кућа' (Skok, 146). В болгарском Коприщенском дамаскине *храмина* также значит 'къца'. Впрочем, ср. топоним на острове Мургер в Адриатическом море *Hrămina* (ударение соответствует болгарскому), в котором Скок опять-таки видит первичное значение 'кућа' (там же). Стоящий в устье Караша при впадении его в Дунай древний венгерский город (ныне Palanka) назывался *Haram* (Moór. Ortsnamen, 24), с ним можно сопоста-

вить и Храмос=венг. *Haram, Horom* в той же области (там же); однако *chormъ* все же не имело, по крайней мере на Балканах, значения 'обычный дом'; скорее оно значило 'дворец' и т. п., судя по приведенным выше примерам. Ср. и у старых приморских югославских писателей *hram* (и *hram*) в значении специального дома (см. RJA, t. III, 678), что соответствует значению русск. диал. *хоромы* 'большое деревянное жилое строение, просторный дом, домина' (ср.: «Он избу свою продал, хоромы выстроил, стал держать двор» или «залетела ворона в боярские хоромы» — Даль, т. IV, 577, 578); из значения 'великолепный дом' в средние века легко могло развиться в большинстве славянских языков значение 'церковь'. Я не хочу этим сказать, что *chormъ* первоначально не могло обозначать и небольшое, неприглядное строение⁶ (ср. зап.-чакав. *hram* 'кладовая', *hramac* 'пастушья избушка', укр. диал. *хорбми* 'сіни' — Жилко, 108; русск. вят. *хоромина* 'chata, mieszkanie' — Kuraszkiwicz, 91, 143; польск. диал. *chromina* 'szalas, chata, szopa, buda, chałupa'); но для южных славян (кроме крайнего запада, где вообще много общих черт со славянским севером) это не было характерно. В старославянском языке, правда, с ранних текстов засвидетельствовано, как правило, *господинъ храма, господинъ храмны* (наряду с *господинъ домоу*) в соответствии с греческим *οἰκοδομητής* (Jagić, 298); однако, во-первых, здесь *храмъ* может иметь тот же оттенок, что и русское *хоромы*, во-вторых, кроме старославянского языка, этого нигде нет (за исключением чакавского); таким образом, не следует принимать в расчет обширную область распространения *chormъ* 'domus'.

Более ограничена территория некоторых других типов: ст.-сл. *хъизъ*, *хъизина* 'domus, oikia', др.-серб. и др.-хорв. *хиза* 'domus' (очень редкое, по всей вероятности, из церковного языка); эти варианты никогда не имели большого значения, хотя находим их и у северных славян; ср. хорв. *his* 'чулан'.

Остается рассмотреть вопрос о типе *domъ*. В значении 'domus' на Балканах он только старославянский; серб.-хорв. и болг. *дом* и словен. *dom* в значении 'domus' — русское заимствование (у словенцев, возможно, из чешского); это слово в литературных языках всех южных славян получило широкое распространение (ср. серб.-хорв. *задружни дом, дом народног здравља, туристички дом, дом* 'палата в Скупщине' и т. д.). Вместе с тем не исчезло старое *domъ*; оно только получило иное, впрочем, известное и другим славянам значение: 'семья; домашний очаг' и т. п., чему нет необходимости приводить специальные подтверждения (ср. также словен. *dòm* 'das Haus, die Heimstätte'); сохранились и многочисленные производные. Однако, например, у сербов и хорватов еще с ранних текстов *дом* не имеет больше значения 'domus' (см. выше). Сохранившееся наречное *дома* также постепенно вытесняется выражениями, которые содержат слово *кућа, къща*: ср. у крашован перевод рум. *acasă* словом *дѡма*, но у сербов в Гаде (Румыния) *куѡд кућѡ* (Petrović, 232). Ср. также вопреки обычному серб.-хорв. *домѡщица* 'хозяйка' (из сербско-хорватского болг. *домаќиња* с тем же значением) — уже болг. диал. *врѡтоќашиница* — Самоковско (Стойков, Костов, 299), а также глагол *каштѡвам* «върѡпа домаќинската работа» (Указ. соч., 293) и т. д. Но это уже поздние процессы.

Во всяком случае *domъ* очень рано, еще до первых хорватских, сербских и болгарских (не считая старославянских) памятников, был

⁶ Янко считает, что *chormъ* — 'pleteny dŭm' (Janko, 86), однако ср. др.-инд. *har-yām* 'Burg, Schloss' (REW, Bd III, 262).

вытеснен другими типами: *chuz̃a*, *chysa* и *kot'a*; последний, благодаря различным обстоятельствам, о которых уже говорилось, имел более счастливую судьбу, чем первые два типа, и теперь охватывает большую часть славянских Балкан. Это один из случаев, когда, как мы видели, сербы-штокавцы и болгары пошли одним путем; позднее этот тип захватил и большую часть чакавской территории. Иногда унификация в пользу типа *kot'a* проходила совершенно идентично на большой территории: ср., с одной стороны, болгарское диалектное производное *ukáшти* 'помещение с огнище, кухня' (Стойков, Костов, 328), а с другой — идентичное хорв. *ikca* в Истрии со значением 'двор, стаја' (Ribarić, 151). Подобные явления как раз и свидетельствуют о том, что современное распространение типа *kot'a* могло быть очень недавним плодом эволюции южнославянского лексического фонда на современной южнославянской территории, хотя оно и не захватило крайний запад.

II. Сербско-хорватское *петао*, болгарское *петел* 'петух'

В отношении названия этой домашней птицы современную севернославянскую территорию можно условно разделить на две зоны: 1) восточную, где петуха называют по его способности петть, и 2) западную, где названия петуха образованы от звукоподражаний с элементом *к*.

1. Восточнославянские типы:

а) литературное и сев.-в.-русс. *пету́х* (Кузнецов, 107; Kuraszkievicz, 55); ср. в русских владимирских, вологодских и других северновеликорусских говорах *п'оту́х* (Кузнецов, 44); о слове *петушек* см. у В. И. Даля: «в арх. всех куликов зовут пѣтушками; а у нас иногда удода, потатуйку»; у Даля находим и «морской петух чрнпр. рыба Trigla hугах».

Др.-польск. *pieuch* 'kur, kogut'; и теперь этот тип можно встретить у поляков в Литве (ср. Karłowicz, t. IV, 99); неясно польское диалектное *piecuch* 'gatunek gołębia'.

б) в.-русс. *пет* 'петух' (Даль; где?).

в) в.-русс. шуточн. *пѣтька* 'то же'.

г) в.-русс. псков., смол., твер., ржев. *пѣтѹн* с тем же значением.

д) сев.-в.-русс. яросл., влд. *пѣвѹн*; то же и сев.-в.-русс. новг., костр. *пѣѹн*.

Также и польск. диал. в Литве *piewin* 'kogut' (Karłowicz).

е) южн.-в.-русс. (и донск.) *певень*; к этой территории естественно примыкает украинское (литературное и многие говоры) *півень* 'петух' и общераспространенное белор. *певень* (Ломтев, 12).

Ср. также и польск. диал. *piweń* 'kogut' (Karłowicz).

ж) русск. новг. *пѣвухѣк*.

з) южн.-в.-русс. орл.-мал. *пѣвел* (Даль).

II. Западнославянские типы:

а) др.-польск. и польск. диал. *kokot*, *kokotek* (Познань), *kökööt* (Куявы, см. Karłowicz), *kokut*, полаб. *k'üök'üt* (Rost, 395; Мука, 653), луж. *kokot*, чеш. диал. *kokot* 'kohout', в чеш. ляс. говорах (Bartoš, t. I, 149); ср. польск. диал. *kokota* 'kura', чеш. *kokotka* экспрессивное 'slepíčka'.

Сюда, конечно, можно отнести и укр. *кóкот* 'шалу́н, резвое дитя' («менше кокот, менше клопот»).

б) польск. *kogut*, ст.-н.-луж. *kogot* (Muka), чеш. *kohout* 'samec kurovitých ptáků', слвц. *kohút*, в переходной зоне польских и словацких говоров *kohut*, *кю(h)ut*, *кохут* (Vážný, 148).

Сюда же относится и часть украинской территории: литературному укр. *півень* (см. выше) в юго-западных говорах соответствует *кбгут*, *когйт* (Гринченко; Булаховский. Питання, 23; Жилко, 303).

в) др.-польск. и диал. (гуральск.) *kohut*, польск. диал. (Силезия) *kohót*.

г) польск. диал. (Пшасныш) *kobut*.

д) чехо-морав. и слвц. диал. *kokoš* (Bartoš; Kálal); ср. и морав. *kokošek* 'kohoutek' (Bartoš).

Сюда же относятся и западноукраинские говоры и Галиция, где говорят *кюкош* 'петух'.

е) чеш. (экспрессивное) *kokrháč* 'kohout'.

ж) слвц. (редко) *kikiredák* в некоторых говорах центральной Словакии 'kohút' (Kálal).

з) польск. диал. *kochaj*.

и) тип *кощеть*. Сейчас он является не западнославянским, а только восточнославянским: южн.-в.-русск. (захватывая и некоторые северные говоры) *кбчет*, *кочёт*, *кочеток*, ряз. *коч* 'петух' (о распространении см.: Кузнецов, 107; Kuraszkiwicz, 55)⁷. Но ср. др.-польск. *koczot* 'pieńiądz drobny, halerz; stręczyciel nerządu, utrzymujący dom publiczny', если это слово связано с **кощеть* 'петух'. Несомненно, с этим связаны и укр. *кбчет*, *кбчеть* «колышек на конце *граділля*, на который надевается деревянное кольцо, соединяющее плуг и *колішню*; в лодке: *кочеток*, каждый из двух колышков, в которых ходит весло» (ср. польск. *kurek* и *ptuga*).

Из остальных типов на севернославянской территории следует упомянуть:

Во-первых, польск. диал. *piekut*, которое означает 'kur' и 'ficlans (bekasa)' и которое можно рассматривать как контаминацию типов *kokot*, *kokut* и *pietuch* или *piewin*.

Далее полаб. *slěpăc* = польск. *kogut* (Lehr-Spławski, 47), которое территориально и генетически связывается с чеш. *šlepice* 'samice kura domácího', слвц. *šliepka* 'id.', польск. *šlepucha* 'kura (w gwarze złodziejskiej)' (Karłowicz). Ни в чехословацкой группе языков, ни в польском я не нашел *slěpъсь* в этом значении. Между тем полабскому известен и обычный западнославянский тип *kokotъ* (ср. выше).

Наконец, тип *куръ*. Он отмечается в разных местах и на восточнославянской и на западнославянской территории; но по тем данным, которыми мы располагаем, трудно судить, где он обозначает непосредственно 'gallus', а где имеет более широкое значение самца каких-то видов птиц. Ср. в.-русск. у Даля *кур* 'петух, пень, петел, кочет', без локализации, и типы *күран*, *курѣнка*, *курáш*, *курáшна*, *куръль*, *куръш*, *курýн*, *курýх* и т. д., но в узком значении 'индейский петух'. Гринченко приводит украинское *кур* 'петух' только из литературы, но в западноукраинских говорах употребляется выражение *о күрях* в значении 'во время пения петухов'. В чешском языке *kur* 'kohout' уже архаизм, однако в сельскохозяйственной и зоологической терминологии употребляется *kur* в значении (k. domácí) 'kohout, šlepice selského plemena' и еще: 'rod ptáků z čeledi tetřevovitých'. Наконец, *kur* значит 'kogut' в некоторых

⁷ В поволжских говорах, где вообще скрещиваются северные и южные великорусские черты, *петүх* и *кбчет* употребляются параллельно (Kuraszkiwicz).

польских говорах; точно такое же значение имеет и кашуб. *kurk, kurák*; на этой территории *kokotъ* и варианты неизвестны (Karłowicz, t. II, 527—529). Между тем выражения *kirowie pieją, jak kurzy zapieją* и т. п. употребляются географически шире и во многих говорах, где тип *kurъ* не имеет самостоятельного употребления (например, Познань); широко распространено также *kur* как название детской игры. В зоологической польской терминологии также существует слово *kur* 'gallus, ptak куро- waty z rodziny bażantów, samiec tego ptaka' и т. д.

Так обстоит дело на севернославянской территории, насколько я мог установить по доступным мне материалам. Но я вполне отдаю себе отчет в том, что данная картина не может быть полной; особенно приходится сожалеть о том, что недоступным для меня остался материал, собранный для русского, украинского и польского атласов. Пришлось довольствоваться теми источниками, которыми я располагал.

Перехожу к данным современных говоров южнославянских языков. Двигаясь с востока на запад, мы можем наблюдать здесь следующую картину.

Насколько мне известно, в Болгарии общераспространенным типом является *pětělъ*; других типов я не обнаружил. Ср. лит. болг. *petěl* «мъжка кокошка» (БТР); Геров дает только *petěl* = петух, кочет; о распространенности этого слова свидетельствует и тот факт, что *petel* вошло в состав многочисленных народных ботанических терминов, как *petľbwa opáška, petľbwi nókте, petľbъv грѣбен* и т. д.; ср. на западе Болгарии *petľeц* «полско цвете; цветът му е бял, чървен, син, турунджиев» (Маринов, 262); ср. и *див петел* 'птица глухарь' в области народной зоологической номенклатуры (Геров). На юго-востоке Болгарии также находим *pitěl* 'петел' (Христов, 235), точно так же и в болгарских говорах на территории СССР: *petěl* 'петух' (Швецова, 93), *n'it'él* с тем же значением (Бунина, 56).

В македонском ср., например, *petel* (Велес) (см. Геров. Дополнение, 182).

В сербских шопских говорах также *petěl* 'петао' (Белић. Дијалекти, 393), у сербов-крашован в западной Румынии *pétal* (мн. ч. *petľbве*) = рум. *coșoș* (Petrović, 159), в Косове *pětđo* или со стяжением — *ao > ѓ*, *petā* (Елезовић, т. II, 69), в Воеводине *pětmđ* (из моих материалов), в Славонии *pítāl*, в различных говорах (Ivšić, 190) и у хорватов-кайкавцев (насколько широко?) *petel* (RJA). Вук Караджич для центра сербско-хорватской территории также называет основным типом тип *pijětao*. Точнее проследить географию слова в центральной Югославии не представляется нам возможным вследствие полной неизученности большинства этих говоров. В RJA материал приводится в основном из собственно Сербии.

На штокавском юго-западе, главным образом в Черногории и в соседних областях, употребляется другой тип — *kokotъ*: *кѡкѡт* 'der Hahn, gallus', по Вуку — на юго-западе и, кроме того, в Боке Которской; *кѡкѡт* говорят и в Прчане (Бока) и в районах Озриничей, Мрковичей, и в Титограде (Черногория), *кокотѣћ, бѣльѣн кокотѣћ* в Титограде означает 'der Buntspecht', в Прчане та же самая птица называется *бѣбин кѡкѡт*, в Мрковичах *дѣблѣй кѡкѡт* (Rešetar, 242). В Дубровнике *кѡкѡт* — название для морской рыбы 'trigla lineata, gallus marinus' (Карапић; RJA; ср. выше русск. *морской петух* — название для того же самого вида trigla). Нигде больше на востоке, например в Косове, этот тип не употребляется, как это подчеркивает Гл. Элезович (Елезовић, т. I, 235); я могу добавить, что нет этого типа и в Белграде и во всей Воеводине.

Дальше на запад от штокавской екавской территории, приблизительно в областях Далмации и Герцеговины (материал не дает возможности для более точной локализации) употребляется третий тип *pěvьсь*. В Герцеговине отмечено только *божји пѣвац* 'der Buntspecht' (Rešetar, 267), сравните с ним приводимое выше *бабин кокот* и т. п. с тем же самым значением. На крайнем юге Истрии есть говоры сравнительно молодого штокавского типа, несомненно, перенесенные из Далмации (села Премантура, Винтиян, Винкуран, Помер, Валдебек), где я зафиксировал вопреки остальным истрийским типам (ср. ниже) далматинско-герцеговинский тип *pīvas* (см. Popović. Elementi, 70, 72). И в словаре Хабделича (откуда?): *pevec* 'gallus'.

Идя дальше на запад, находим тип *pětechъ*, схожий с русск. *пемух*. Сейчас его можно отметить в основном в северных районах чакавской территории и в Истрии, т. е. в тех западных сербско-хорватских областях, где произошла замена *ě > e*; это слово встречается только в экавской огласовке *peteh*; не засвидетельствовано ни **pīteh*, ни **pjeteħ*. Ср. в хорватском Приморье *petěħ*; то же самое можно найти и на северных островах Паг, Раб и Крк (Tentor), далее на Суске *pěteh* (Hamm, Hgraste, Guberina, 172); мною зафиксировано в Истрии *pěteh* во всех штокавских говорах на юге и юго-западе, кроме крайнего юга (ср. Popović. Elementi, 70, 72; акцентуация по моим материалам); RJA обращает внимание на тот факт, что растение *polygoum convolvulus*, которое в русском называется *пемушок*, в Истрии носит точно такое же название *petesaĥ* (RJA, t. IX, 927). Наконец, западные говоры словенского языка (Нотранско) примыкают в этом отношении к говорам Истрии и Хорватского Приморья, в них мы также находим *pěteh* 'Hahn'; не зная хорватского материала, Плетершник спрашивает — очевидно, исходя из русск. *пемух*, — не опибка ли *pěteh* вместо **petuh* (Pleteršnik, t. II, 30); но мне нигде на южнославянской территории не встретилось **petuh*, а *pěteh* зафиксировано точно.

Еще дальше на северо-запад, в центре словенских говоров и в литературном языке, находим тип, близкий к штокавско-болгарскому, — *petélin*, от него имеется много производных и ботанических терминов; в Изоле в Словенском Приморье есть мыс, который называется *Petelin* (= итал. *Punta de Gallo*, см. Toponimika, карта № 3, также стр. 94).

В некоторых словенских текстах (но не в говорах) снова находим восточный тип *pěvec* 'petelin'; вероятно, это сербизм.

В то же время в словенских говорах действительно встречается другой тип, который можно найти и восточнее (ср. выше), — *kokotъ*. Ср. в восточных словенских говорах (Штирия) *kokôtec* 'kleiner Hahn'; с ним географически связано и хорв. кайкавск. *kokot* в Суне (RJA), *kokôtek* (Pleteršnik) с тем же значением. В словенской ботанической терминологии этот тип распространен еще больше.

Остается указать — по южнославянской территории — еще лишь несколько типов локального характера.

Прежде всего это *kurъ*, который RJA отмечает как «очень редкий», употребляющийся, может быть, только «у северных чакавцев и кайкавцев». Однако, как мы уже видели, стандартным северночакавским типом является *pětechъ*, у кайкавцев (словенцев и хорватов) находим *petelin*, *petel*, *peteh* и, конечно, *kokot*. Остается неясным положение с южнославянским типом *kurъ*, приблизительно так же, как и на севернославянской территории. Некоторые старые хорватские лексикографы отмечают *kur*, впрочем, замечая постоянно, что это слово «русское» (ср. RJA, t. V, 809, 811). Лишь в югославском Приморье зафиксировано *kürica* 'молодая курица'; однако в этом случае не представлено соответ-

ствующее слово муж. р. (ср. жен. р. *kokošъ*, более распространенное, чем муж. р. *kokošъ*, в тех же областях).

Вук Караджич отмечал в Боснии и Славонии турцизм *ѡроз* «1. см. *ниѡтао*»; но это слово в основном отошло в другую сферу, получив значение 'der Hahn an der Flinte', а в значении 'gallus' распространено слабо; ср., например, как раз из Славонии *pītal* 'gallus' (см. выше).

Наконец, М. Павлович отмечает в южной Сербии *чѡпръач* 'петѡ' (Павлович, 223). Между тем речь очевидно идет только об экспрессивном, индивидуальном обозначении петуха, который «роет землю», «чѡпрка» («чѡпръа»), так как тип *рѣтъль* охватывает, как мы уже видели, Сербию, Македонию и Болгарию, по-видимому, полностью.

Таким образом, положение на южнославянской территории более запутанное, чем на северо-востоке славянского мира. Севернославянский материал показывает, по крайней мере в синхронном плане, достаточно ясную и последовательную картину. На восточнославянской территории почти всегда понятие о петухе связано с понятием 'певун': на русском севере находим вариант *рѣ-*; на юге (включая белорусский и украинский) — *рѣв-*; в центральных областях появляется тип *петун* (псковск., смоленск., ржевск., тверск.), который производит впечатление контаминации северного *петух* и южного *певун* (*певень*); с запада проник тип *kokotъ* (и *kogutъ*) — его акцентные особенности свидетельствуют как будто о заимствовании из польского (Булаховский. Названия птиц, 99); возможно, и южн.-в.-русс. *кочет* западного происхождения, так как напминает западнославянские типы. Западнославянская картина также довольно ясна: *kokotъ* (с вариантами); только на крайнем западе встречаем *slѣрць*, а на крайнем востоке — там, где польские говоры граничат с русскими, — находим типы *pietuch*, *pieweń*. Лишь *kurъ* у всех северных славян воспринимается как архаизм и имеет специфичное употребление.

В южнославянских языках картина более сложная, особенно если пытаться восстановить историческую перспективу. Единственно ясно следующее: южные славяне точно так же, как и восточные, дали петуху название в первую очередь по его способности петть. Вопрос только в том: значит ли это, что такое название появилось в период, когда восточные и южные славяне находились в более тесном контакте и когда у них развились одинаковые фонетические черты (*kv, gv > cv, zv; tl, dl > l*)? На этот вопрос ответить нелегко, потому что называть петуха певцом естественно. Ср. русск. диал. *певун* 'петух', но и «Все итальянцы певуны» (Даль, т. III, 572). Ср. также гот. *hana* 'gallus' — лат. *canere, cantare* (Bach, 34). Гораздо больше по нашему вопросу могла бы дать морфология в том случае, если бы мы могли показать, что данное образование возникло в восточно-южнославянской общности. Но этого нельзя сказать наверняка ни об одном из типов. Правда, некоторые указывали на родство серб.-хорв. *пѣтао*, болг. *петел* с др.-русс. *пѣтель*; но последнее церковнославянского, следовательно, южнославянского происхождения; русские говоры не подтверждают такое предположение (ст.-чеш. *pītel* не имеет с этим никакой связи, оно обозначает 'riják, rijap'). Можно было бы считать общим наследием *рѣ-* и у русских и у словенцев, хорватов, сербов, македонцев и болгар, однако южнорусские, белорусские и украинские говоры показывают другой тип *рѣв-* (наряду с теми, где есть элемент *k*). В сербско-хорватском *рѣв-* (*рѣвьсь*), напротив, мы находим только на юге, на небольшой территории (ср. выше) и можно сказать, что это новое, недавнее применение общеславянского *рѣвьсь* в значении 'петух' (вероятно, в соответствии с приморским *peteh* и общим *пѣтао*): нигде в других говорах,

кроме сербско-хорватских, образование *рѣвьсь* не имеет этого значения (не имеет его ни русск. *певѣцъ* 'кто хорошо поет', ни болг. *певѣцъ* 'който може добре да пее', ни ст.-сл. *пѣвѣць* 'ψάλτης, cantor', ни словен. *рѣвецъ* 'Sänger' и т. д.; чеш. *рѣвецъ* мн. ч. *рѣвци* 'řád ptáků se zpěvným ústrojím' — совсем новое, книжное). С другой стороны, русск. *петух* и серб.-хорв. чакав. *peteh* не абсолютно идентичны по образованию (ср., однако, паразитильное соответствие в ботанической терминологии: русск. *петушок* = чакавск. *petešak*), несомненно только, что это образование моложе типа *рѣвьль* (ср. Булаховский. Названия птиц, 109); речь идет о склонности славянских языков с помощью элемента *-ch-* образовывать названия птиц: ср. **рѣтъа* и т. д. (Гринкова, 56).

Кроме того, нужно иметь в виду, что восточнославянские и южнославянские типы на *рѣ-*, бесспорно, моложе звукоподражательных типов *kokotъ*, *kogutъ* и т. д., преобладающих у западных славян. Эти последние у южных славян распространены мало (*коко* только в Черногории и частично у кайкавцев), но когда-то они были довольно распространенными. Что касается типа *kokotъ*, мы не можем категорически утверждать, что он был свойствен старославянскому языку, так как из древних текстов его можно найти только в Мариинском евангелии — *кокогъ* 'ἀλέκτωρ', в остальных *кооръ* (Jagić, 355): таким образом, *кокогъ* может быть сербизмом; но зато *kokotъ* охватило славянские говоры в Греции: ср. новогреч. *χόχοτος*, а также и аромун. *kukoti* (в отличие от дакорум. *cocoș*) (Матов, 67), затем в Фессалии топон. *Κοκοῦτι* (Vasmer. Slaven, 100) и даже на Пелопонесском полуострове *Καχοτάρι* < *kokotarъ* 'Hühnerstall' (Указ. соч., 134). С другой стороны, славяне, жившие на территории Западной Румынии, оставили также топоним рум. *Cocot* = венг. *Kakad* и гидроним *Kakat*, который Е. Моор соотносит с *kokotъ* 'gallus' (Моор. Ortsnamen, 127)⁸.

Наряду с *kokotъ* было распространено у части южнославянских племен (тех, которые находились в контакте со словаками) в том же самом значении 'gallus' и муж. р. *kokošъ*, о чем свидетельствует дакорум. *cocoș* 'петух' (Михаилэ, 7), общевенг. *kakas* 'Hahn' (Моор. Ausbildung, 57—58), алб. *kokósh* 'петух'. Нетрудно заметить, что в прошлом у южных славян были широко распространены типы на *кок-*, свойственные теперь в первую очередь западнославянским областям.

Тип *kokotъ*, некогда шире распространенный, чем теперь, подтверждается древними сербско-хорватскими памятниками: он был известен многим старым приморским писателям. Точно так же и тип *кокошь* (муж. р.?) как будто подтверждается среднеболгарским текстом (XIV в.), правда, в значении 'ἵρνη, accipiter' (Miklosich, 296).

На острове Муртер в средней Далмации есть топоним *Кокоч* (название долины), который Скок считает неясным (Skok, 147); может быть, он связан с одним из наших типов?

Мы видели выше, что тип *kurъ* на Балканском полуострове (возможно, кроме северо-запада) встречается редко; действительно, он является архаизмом и на Балканах и в севернославянских говорах;

⁸ Тот факт, что *kokotъ* в значении 'петушиный крик' и т. п. находим в русском языке: *коко*, серб.-хорв. *коко*; болг. диал. *петел'е коко*ти («кѣкри»; Цонев, 15), чеш. *kokot* 'hlas vydávaný kohoutem' и т. п., — не имеет к нашему вопросу никакого отношения, потому что это значение первоначальное, а от него уже развилось вторичное значение — название птицы; слово *kokotъ* имеет тот же суффикс *-tъ*, что и другие названия для шумов: *klopotъ*, *lopotъ*, *šъpъtъ* и т. д. (ср. Meillet. Etudes, vol. II, 298—299). Обратный процесс наблюдаем в болгарском языке, где *петел* обозначает и «2. паянето, кукуригането, що паят ноция петлите» (Гергов).

на его древность указывает соотносимость этого славянского типа с иранским и образование на *-r-* (ср. Meillet. *Études*, vol. II, 409)⁹. Значит, *kurъ* в прошлом должно было иметь более широкое распространение, хотя сейчас это проследить невозможно. Ср. все же упомянутое ст.-сл. *кѹръ ѡлѣхѣрѣ*. Во всяком случае нельзя наверняка относить сюда изолированный топоним *Курѣћи* (село) в центральной Сербии.

Если тип *kurъ* можно считать старым (на это указывает связь с индоевропейским востоком — с иранским), то, по мнению некоторых, можно считать старым и тип *kokotъ* (ср. и польск. диал. *kokota* и т. п.), поскольку он может быть связан с кельтской группой (фр. *coq* 'gallus', *cocotte*, первоначально 'gallina') и, следовательно, указывал бы на связи с индоевропейским западом. Тем не менее несколько рискованно утверждение Л. А. Булаховского, что это праславянское звукоподражательное образование (Булаховский. Названия птиц, 112); здесь трудно найти основания для далеко идущих комбинаций.

Во всяком случае, из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: типы *kurъ* и *kok-* (*kokotъ*, *kokošъ*) охватывали большую область южнославянского ареала; от них до настоящего времени сохранились отдельные изолированные очаги (ср. выше). В основном более поздним является тот процесс, который мы находим у большинства восточных и южных славян: названия с корнем *рѣ-*, возможно, возникли по принципу табу (Кузнецов, 114) или потому, что типы с начальным *k-* отошли в другую семантическую сферу (*kurъ* в сербско-хорватском, словацком, польском и др.; *kokotъ* в словацком и сербско-хорватских диалектах — Дубровник и т. д.). Однако и этот восточно-южнославянский тип может уходить корнями в праславянскую эпоху, в период древнего контакта южных славян с антами. Бесспорно, из всех типов на *рѣ-* наиболее старым является *рѣтъль*, который и теперь широко распространен (на Балканах); об этом свидетельствует само образование на *-лъ* (Булаховский. Названия птиц, 109, ср. и Meillet. *Études*, vol. II, 311, 421). Все же тип *пѣтъль*, *пѣтъль* в древнейших старославянских текстах еще не употребляется: в Македонии тогда употреблялось *коуръ* (и *кокотъ*; ср. выше); но *пѣтъль* появляется в среднеболгарских текстах (Miklosich, 762). Что касается сербско-хорватских текстов, то этот тип мы находим у старых боснийских писателей XVII—XVIII вв. (*pitao*); в Приморье его и теперь нет (есть только у лексикографов). Трудно сказать, есть ли географическая и генетическая связь шток.-мак.-болг. *рѣтъль* со словен. *petelin*, потому что неясно, исконны или принесены из штокавского центра словен. *pital* и хорв.-кайк. *petel* (ср. и у Хабделича, Плетершника).

Что же касается словен. *petelin*, то оно также довольно древнее, по крайней мере не моложе XIII века, так как в одном из латинских текстов того времени из Австрии отмечен топоним *Petelinadolina* 'id est Hannental' (Pirchegger, 231)¹⁰; возможно, на юго-востоке *petelin* занимал и большую территорию, если можно положиться на единственный пример у задарского писателя XVI в. Зоранича. Географи-

⁹ Считалось, что *kurъ* — заимствование из иранского (ср. Janko, 56), что не является абсолютно точным; скорее всего это старое индоевропейское наследие, как и в иранском (см.: J. Rozwadowski. Stosunki leksykalne między językami słowiańskimi a irańskimi. RO, I, стр. 110).

¹⁰ Старославянское *пѣтъль* 'ѡлѣхѣрѣ, gallus', которое отмечает Миклошич (Miklosich, 761), в действительности взято из поздних текстов и с языком Кирилла и Мефодия никак не связано.

ческая связь между ним и серб.-болг. *pětblъ* маловероятна, так как в Паннонии и Дакии, так же как и в Татрах, когда-то господствовал тип *kokošъ* (ср. выше), а на Балканском полуострове было распространено *kokotъ* (например, у кайкавцев).

Поэтому и *pětechъ*, очевидно, более позднее образование, хотя в прошлом охватывало большую территорию, нежели теперь. В настоящее время этот тип можно найти только в Истрии, в части Словении и у северных чакавцев; а некогда, судя по древним текстам, он был распространен в Далмации (например, находим его у Марулича и Зоранича из средней Далмации); позднейшие миграции в эпоху турецких завоеваний оттеснили этот тип в пользу совсем нового типа *pěvъsъ*, и этот последний распространился по Далмации и Герцеговине. Нужно еще отметить, что и *pěstъcъ* засвидетельствовано с XV в. у полуштокавизированных далматинских чакавцев.

Резюмируя кратко все вышесказанное, можно сказать, что на Балканах шел процесс постепенного вытеснения старых звукоподражательных типов *kurъ* и *kok-* и их производных типами с *pě-*. Процесс протекал по-иному на русской территории: сохранилось — в различных местах — больше архаизмов; но все же, возможно, имелась известная связь с ходом процесса в русских диалектах. Между тем одно можно сказать наверняка: тип *pětblъ* занимает сейчас компактные области Сербии, Македонии и Болгарии и распространился из одного очага; возможно, он начал распространяться с болгарской территории, так как у болгар более унифицированная, менее пестрая картина, нежели у сербов-штокавцев, у них ликвидированы архаизмы. Процесс этот, бесспорно, более поздний, чем первые старославянские тексты, поскольку они не подтверждают типа **pětblъ*.

И здесь, следовательно, мы имеем дело с поздней балканской инновацией, связывающей болгар, македонцев и штокавцев; на вопрос, связаны ли генетически остальные сербско-хорватские и словенские типы на *pě-* с типом *pětblъ*, как мы уже сказали, окончательно ответить трудно. Впрочем, это не имеет непосредственной связи с нашим исследованием.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Белић. Дијалекти — Белић А. Дијалекти источне и јужне Србије. «Српски дијалектолошки зборник», књ. 1. Београд, 1905.
- Белич, Заметки — Белич А. И. Заметки по чакавским говорам. СПб., 1910.
- Бешовишки — Бешовишки Д. Материал за българския речник. От Вратца и околността му. СбНУ, кн. XIV. София, 1897, стр. 189—206.
- Булаховский. Названия птиц — Булаховский Л. А. Общеславянские названия птиц. ИАН ОЛЯ, т. VII, 1948, вып. 2, стр. 97—124.
- Булаховский. Питання — Булаховский Л. А. Питання походження української мови. Київ, 1956.
- Бунина — Бунина И. К. Лексический состав говора ольшанских болгар. СМБД, вып. 3, 1953, стр. 3—84.
- Български език — Андрейчин Л., Костов Н., Мирчев К., Николов Е., Стойков Ст. Български език. София, 1955.
- Видоески — Видоески Б. Поречкиот говор. Скопје, 1950.
- Геров — Геров Н. Речник на български език, ч. I—V. Пловдив, 1895—1904.
- Геров. Дополнение — Дополнение на българския речник от Н. Геров. Събрал, наредил и истълкувал Т. Панчев. Пловдив, 1908.
- Гринкова — Гринкова Н. П. Некоторые вопросы изучения словарного состава славянских языков. «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 92, 1954, стр. 35—70.
- Гринченко — Гринченко Б. Словарь української мови, тт. I—IV, Київ, 1907—1909.
- Гъбюв — Гъбюв П. Материал за българския речник. От гр. В.-Търново. СбНУ, кн. XIV. София, 1897, стр. 206—222.

- Елезовић — Елезовић Гл. Речник косовско-метохишког дијалекта. Св. I, II, Београд, 1932, 1935. «Српски дијалектолошки зборник», књ. IV, VI.
- Жилко — Жилко Ф. Т. Нариси з дијалектології української мови. Київ, 1955.
- Кабасанов — Кабасанов С. Говорът на с. Момчиловци, Смолянско. ИИБЕ, кн. IV. София, 1956, стр. 5—102.
- Карадић — Карадић Вук. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. У Београду, 1935.
- Кузнецов — Кузнецов П. С. Русская диалектология. 2 изд., М., 1954.
- Кузов — Кузов А. Костурский говор. ИССФ, кн. IV. София, 1921, стр. 86—126.
- Ломтев — Ломтев Т. П. Грамматика белорусского языка. М., 1956.
- Маринов — Маринов Д. Материал за българския речник. Думи и фрази из Западна България. СбНУ, кн. XII. София, 1895, стр. 270—296.
- Матов — Матов Д. Гръцко-български студии. СбНУ, кн. IX. София, 1893, стр. 21—84.
- Милетић — Милетић Ј. Особен принос към речника и фразеологията на източните български народи. Сп. БАН, кн. LVI. София, 1937, стр. 43—87.
- Михаилъ — Михаилъ Г. Слова древнеславянского происхождения в румынском языке. М., 1957. (Автореферат кандидатской диссертации).
- Павловић — Павловић М. Говор Сретечке Жупе. Београд, 1939 («Српски дијалектолошки зборник», књ. VIII).
- Попов — Попов К. Говорът на с. Габаре, Белослатинско. ИИБЕ, кн. IV. София, 1956, стр. 103—176.
- Селищев — Селищев А. М. Славянское население в Албании. София, 1931.
- Стойков, Костов — Стойков С., Костов К. и др. Говорът на с. Говедарци, Самоковско. ИИБЕ, кн. IV. София, 1956, стр. 255—338.
- Христов — Христов Г. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско. ИИБЕ, кн. IV. София, 1956, стр. 177—253.
- Цонев — Цонев Б. Кои новобългарски говори стоят най-близу до старобългарски в лексикално отношение. Сп. БАН, кн. XI. София, 1915, стр. 1—32.
- Черных — Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1957.
- Шведова — Шведова Т. В. Материалы для словаря болгарских говоров СССР. Словарь говора села Твардицы. СМБД, вып. 2, 1952, стр. 84—98.
- Bach — Bach A. Geschichte der deutschen Sprache, 6, erw. Aufl. Heidelberg, 1956.
- Bartoš — Bartoš F. Dialektický slovník moravský, I—II. Praha, 1905.
- Hamm, Hraste, Guberina — Hamm J., Hraste M., Guberina P. Govor otoka Suska. «Hrvatski dijalektološki zbornik», knj. 1. Zagreb, 1956, стр. 7—213.
- Hraste — Hraste M. Čakavski dijalekat ostrva Hvara. ЈФ, књ. XIV. 1935.
- Ivšić — Ivšić S. Današnji posavski govor. «Rad JAZU», CXCVI, Zagreb, 1913.
- Jagić — Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.
- Janko — Janko J. O pravěku slovanském. Praha, 1912.
- Káral — Káral M. Slovenský slovník z literatury aj nárečí. V Banskej Bystrici, 1924.
- Karłowicz — Karłowicz J. Słownik gwar polskich, 1—6. Kraków, 1900—1911.
- Kiparsky — Kiparsky V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934.
- Kuraszkiewicz — Kuraszkiewicz W. Zarys dialektologii wschodnio-słowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1954.
- Lehr-Splawiński — Lehr-Splawiński T. Język polski. Pochodzenie, powstanie, rozwój. Warszawa, 1947.
- Liewehr — Liewehr F. Über expressive Sprachmittel im Slawischen. ZfSl, Bd I, H. 1, 1956 стр. 11—27.
- Matičeto — Matičeto M. Un dizionario e due *Paternoster* resiani inediti. «Ricerche Slavistiche», vol. IV, 1955—1956, стр. 76—87.
- Meillet. Éskisse — Meillet A. Éskisse d'une histoire de la langue latine. 3-me éd., Paris, 1933.
- Meillet. Études — Meillet A. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, I—II. Paris, 1902—1905.
- Miklosich — Miklosich F. Lexicon palaeoslovenicum-graecolatinum. Vindobonae, 1862—1865.
- Moór. Ausbildung — Moór E. Die Ausbildung der Betriebsformen der ungarischen Landwirtschaft im Lichte der slavischen Lehnwörter. «Studia Slavica», t. II, 1956, стр. 31—117.
- Moór. Ortsnamen — Moór E. Die slavischen Ortsnamen der Theissebene. «Zeitschrift für Ortsnamenforschung», VI.
- Muka — Muka E. Słownik dolnoserbbskeje řęcy. Вып. I, Пр., 1921; его же. Słownik dolnoserbbskeje řęcy a jeje nářęcow, II—III, Praha, 1928.
- Ōštir — Ōštir K. Illyro-Trakisches. «Архив за арбанаску старину, језик и етнологију», т. I, Београд, 1923.

- Petrovici — Petrovici E. Graiul Caraşovenilor, studiu de dialectologie slavă meridională. Bucureşti, 1935.
- Pirchegger — Pirchegger S. Die slavischen Ortsnamen im Mürzgebiet.
- Pleteršnik — Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar, I—II. V Ljubljani, 1894—1895.
- Popović. Elementi — Popović I. Dalmatinski i istarski elementi u rečniku istarskih štokavskih govora. «Riječka revija», god. VI, 1957, 3, str. 66—72.
- Rešetar — Rešetar M. Der štokavische Dialekt. Wien, 1907.
- Ribarić — Ribarić I. Razmještaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku Istri. «Српски дијалектолошки зборник», књ. IX, 1940.
- RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—XV. Zagreb, 1880—1956.
- Rost — Rost P. Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907.
- Škok — Škok P. Slavenstvo i romanstvo na jadranskim otocima. Zagreb, 1950.
- Štrekelj — Štrekelj K. Slovanski elementi v besednom zakladu štajerskih Nemcev. «Časopis za zgodovino in narodopis», knj. V—VI. Maribor.
- Tentor — Tentor M. Leksička saganja creskoga narječja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika. «Razprave Slovenske Akademije znanosti in umetnosti», I, Ljubljana, 1950, str. 67—92.
- Toponimika — Toponimika zapadne Istre, Cresa i Lošinja. Zagreb, 1956 (Anali leksikografskog zavoda FNRJ, sv. 3).
- Trombetti — Trombetti A. Saggio di antica onomastica mediterranea. «Архив за арбанаску старину, језик и етнологију», књ. 3. Београд.
- Vasmer. Slaven — Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Klasse, Nr. 12, Berlin, 1941.
- Vážný — Vážný V. Z mezislovanského jazykového zeměpisu. Praha, 1948.

В. М. Илич-Свитыч

К ИСТОЛКОВАНИЮ АКЦЕНТУАЦИОННЫХ СООТВЕТСТВИЙ В КЕЛЬТО-ИТАЛИЙСКОМ И БАЛТО-СЛАВЯНСКОМ

(О «втором правиле Дыбо»¹)

В исследовании В. А. Дыбо были обнаружены важные акцентологические закономерности в кельто-италийских языках. Эти «правила Дыбо» можно сформулировать так.

1. Индоевропейские долгие гласные \bar{a} , \bar{o} , \bar{e} и долгие сонанты \bar{i} , \bar{u} , \bar{r} , \bar{l} сокращались в корневом слого в кельтских и италийских языках, если в древнейший период слог, содержащий эти звуки, был одним из предударных слогов; в тех же условиях в германских языках сокращались \bar{a} , \bar{o} , \bar{e} , \bar{i} , \bar{u} перед интервокальными сонантами.

2. В ряде случаев кельто-италийский противопоставляет накоренное ударение наконечному ударению греческого и древнеиндийского; в этих случаях в балтийском и славянском также представлено накоренное ударение.

Таким образом, если первое правило позволяет с достоверностью обнаружить в кельто-италийском следы системы, характеризовавшейся разноместностью ударения, то второе намечает связь такой системы с балто-славянской акцентуационной системой. Ниже мы попытаемся показать, что эта связь, существующая в действительности, требует объяснения, отличного от того, которое дал ей автор правил.

Для доказательства первого из изложенных правил В. А. Дыбо, наряду с данными греческого, древнеиндийского и германских языков, недвусмысленно указывающими на старое место ударения, привлекает также данные балтийских и славянских языков. Он считает, что слова, представляющие подвижную парадигму при акутированном корневом слого в литовском (3-я парадигма имен), прерывистую интонацию в латышском и циркумфлекс (по правилу Мейе²) на первоначально акутированном слого в славянском (в дальнейшем для краткости мы будем называть такие слова словами, представляющими первый ряд интонационных соответствий: лит. $'$, лтп. \wedge , слав. \frown), отражают индоевропейские окситонированные образования или образования с подвижным ударением, где подвижность, в конечном счете, также восходит к окситонезе. До сих пор подобные интонационные

¹ По поводу работы В. А. Дыбо «Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии» («Вопросы славянского языковедения», вып. 5. М., 1961).

² См. А. Мейе. О некоторых аномалиях ударения в славянских именах. РФВ, т. 47—48, 1902; N. van Wijk. Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme. Amsterdam, 1923, стр. 52.

соответствия обычно объясняли прабалтийской подвижностью (И. М. Эндзелин³). В. А. Дыбо приводит следующие соответствия:

1. лит. Nom. Pl. *pūrai*, лтш. Nom. Pl. *pūri*, словен. *pīr* — греч. πῦρός, др.-англ. *fyres* (< герм. **fūraz*);
2. лтш. *dēls*, ср. лит. *dėlė*, лтш. *dēle* — др.-ирл. *del* (< **dhēlos*), швед. *del* (< герм. **dēlaz*), греч. θηλή, др.-англ. *delu* (< герм. **dēlō*);
3. лтш. *uōls* — др.-исл. *valr* (< герм. **uālaz*);
4. серб. *trāg* — ирл. *trog* (< **trōghos*);
5. серб. *žīr* — др.-инд. *jīrāh*, лат. **vīrus*;
6. серб. *grāna*, Асс. *grānu* — др.-в.-нем. *grana* (< герм. **zrānō*);
7. лит. *vytė*, лтш. *vīte* — греч. Φίτεα, др.-ирл. *fithe* (< **uītja*);
- 8 лит. *krūtis* — др.-ирл. *cruit* (< **krūtis*);
9. лит. *sūnūs* (3-я парадигма), серб. *sin* — гот. *sunus* (< герм. **sūnuz*).

К этим примерам можно добавить ряд слов, где на окситонезу указывают греческие или древнеиндийские соответствия:

10. лит. *stāmbas* (3-я парадигма) 'стебель, ствол' — др.-инд. *stambāh* 'куст';
11. серб. *kāo*, gen. *kāla* 'грязь', словен. *kāl*, чеш. *kal* — греч. πῆλος (дорич. πᾶλος) 'глина';
12. лит. *kēlmas* (3-я парадигма) 'ствол дерева; пень', лтш. *ceļms* 'пень' — греч. σκαλμός 'деревянный гвоздь; уключина';
13. лит. *tėvas*, лтш. *tiēvs* 'тонкий' — греч. τανα(Ф)ός 'вытянутый, длинный';
14. лит. *vīenas*, лтш. *viēns* 'один' — греч. οἷνός 'одно очко на игральной кости', ср. οἷνί 'то же'.

Однако все эти факты доказывают лишь то, что балтийские и славянские образования, представляющие первый ряд интонационных соответствий, могут восходить к индоевропейским окситонированным образованиям. Тот, кто утверждает, что они непосредственно указывают на индоевропейскую окситонезу (т. е. всегда или в подавляющем большинстве случаев восходят к индоевропейским окситонированным образованиям), должен показать, что отсутствуют случаи их соответствия индоевропейским баритонированным образованиям или что число таких случаев чрезвычайно ограничено. Этого не сделал В. А. Дыбо. Впрочем, он и не мог этого сделать, поскольку факты говорят обратное: в значительном числе случаев подобные балтийские и славянские образования восходят к индоевропейским баритонированным формам. В этих случаях регулярно будет отсутствовать сокращение по первому правилу Дыбо:

1. лтш. *āre* 'открытое пространство', ср. лтш. *ārs*, *āra* 'то же', лит. *oras* (3-я парадигма) 'воздух' — лат. *ārea* 'открытое пространство';
2. лит. *plōnas*, лтш. *plāns*⁴ 'тонкий' — лат. *plānus* 'плоский, ровный';
3. чеш. *jaro* 'весна', ср. болг. диал. *яра* — гот. *jēr* (ср. род) 'год', лат. *hōrnus* 'этого года' (< **hōjōrnos*); ср. греч. ὄρα 'время года', ὄρος 'время года'⁵.

³ Ср., например, J. Endzelīns. *Latviešu valodas gramatika*. Rīgā, 1951, стр. 37—38.

⁴ Лтш. *plāns*, приводимое В. А. Дыбо, — субстантивированное прилагательное с метатонией, как указывает И. М. Эндзелин (см. К. Müllenbachs. *Latviešu valodas vārdnīca*. Rīgā, 1924, sējums 3, стр. 330).

⁵ По-видимому, это сопоставление, предполагающее и.-е. **iērom* 'год' (ср. род в чеш. и герм., а также ав. *yarəm* (ср. род) 'год') более правомерно, нежели предлагаемое В. А. Дыбо сближение с лит. *jėras* (3-я парадигма), лтш. *jėrs* 'ягненок' (вероятно, субстантивированное прилагательное, первоначально 'годовалый').

На баритонезу во многих случаях указывают данные других индоевропейских языков:

4. лит. *žándas* (3-я парадигма) 'челюсть', лтш. *ziúds* — греч. *γάθος* (ж. род) 'челюсть', пелазг. (?) *χάναδοι·στιαγόνες*, *γάθος* у Гесихия (< **ǵh̥dhos*);

5. лит. *spùrgas* (3-я парадигма) 'побег, отросток' — греч. *ἀσπάραχος*, аттич. *ἀσπάραχος* 'молодой побег, спаржа';

6. лтш. *paúds* 'ненависть, раздор, вражда' — греч. *ὄνειδος* 'брань, порорящие речи';

7. лит. *šármas* (3-я парадигма; но лтш. *saĩms*⁶) 'щелок' — греч. *κέραμος* 'горшечная глина';

8. русск. *красá*, укр. *красá*, серб. *krása* — др.-сканд. *hrós* (< герм. **xrōsō*) 'слава';

9. лтш. *kaiúss* 'большой сосуд, ковш' (но лит. *káušas*, 1-я парадигма) — др.-инд. *kóśah* 'чан, резервуар';

10. лит. *niúogas*, лтш. *niúgs* 'голый', серб. *nâg*, ж. род *nâga* 'голый' — др.-инд. *nâgā* 'змея' (< 'лишенное шерсти животное');

11. серб. *přvo*, *isprva*, *přvī*, русск. *спервá*, диал. *первá* (ж. род), ср. лит. *pĩrmas*, лтш. *pĩrmais* 'первый' (наряду со вторичным *pĩrmais*; ср. адвербиализированное *pĩrms* 'ранее') — др.-инд. *pĩrvaḥ* 'передний, первый'.

Количество примеров как первого, так и второго рода (т. е. на индоевропейскую окситонезу или баритонезу), по-видимому, можно было бы увеличить, но и приведенных соответствий достаточно для того, чтобы сделать вывод: первый ряд интонационных соответствий в балто-славянском (лит. ' — лтш. ^ — слав. ^) нельзя объяснить индоевропейской окситонезой. Слова с такой акцентуацией могут отражать как индоевропейские окситонированные, так и индоевропейские баритонированные образования.

Поскольку В. А. Дыбо, игнорировавший, как мы видели выше, часть балто-славянского материала, считает, что слова, представляющие первый ряд интонационных отношений в балтийском и славянском, регулярно отражают индоевропейскую окситонезу, образования, представляющие неподвижную интонационную парадигму при акутированном корневом слоге в литовском (1-я парадигма имен), восходящую интонацию в латышском и акут в славянском (короче: второй ряд интонационных отношений: лит. ' — лтш. ^ — слав. ^), являющиеся для него столь же регулярным отражением индоевропейских баритонированных образований.

После всего сказанного выше мы вправе подвергнуть проверке это положение.

Если оставить на время в стороне кельто-италийские соответствия балтийским и славянским формам и основываться при реконструкции первоначального места ударения на данных греческого, древнеиндийского и германских (закон Вернера, 1-е правило Дыбо) языков, то обнаруживается та же двойственность, что и у слов, представляющих 1-й ряд интонационных отношений. Части балтийских и славянских слов будут соответствовать баритонированные образования в упомянутых выше языках:

1. серб. *brāt* — др.-инд. *bhrātā*, греч. *φράττηρ*, др.-в.-нем. *bruodar*;

2. серб. *jāje* — греч. *ἰών*;

⁶ Латышская акцентуация, возможно, указывает на первоначальность баритонезы в балтийском.

3. лит. *pūliai* (1-я парадигма) — гот. *fūls*;
 4. лтш. *sūrs*, серб. *sīr* — др.-исл. *súrr* (< герм. **sūraz*);
 5. лтш. *stārs*⁷ — ср.-н.-нем. *stūr*;
 6. серб. *věra* — др.-в.-нем. *wāra* (< **μērā*);
 7. лтш. *kārs* — гот. *hōrs*;
 8. лит. *pastólai* (1-я парадигма) — гот. *stōls*.
- К этому списку можно добавить общеизвестные примеры:
9. русск. *ёлло*, серб. *grlo* — греч. βάρατρον;
 10. лит. *lōpa* 'лапа', лтш. *lāpa*, серб. *lāpa* — гот. *lōja* 'ладонь' (< **lōfā*);
 11. лтш. *jēga* 'смысл, ум, толк' (но лит. *jėgà*, Асс. *jėgga*) — греч. ἦθη 'мужественность';
 12. лит. *rieva* 'луг' — греч. ποία (< **ποιφα*) 'трава, лужайка';
 13. лит. *vilna* 'шерсть', лтш. *vilna*, серб. *vūna* — др.-инд. *ūrṇa* 'шерсть', лат. *lāna*;
 14. серб. *slāma* — греч. καλάμη, лтш. *salms* — греч. κάλαμος;
 15. лтш. *melns* 'черный' — греч. μέλανος;
 16. лит. *saulė* (1-я парадигма), лтш. *saule* 'солнце' — греч. гомер. ἥλιος (< **σαῦφέλιος*).
- Другой части балтийских и славянских слов, представляющих 2-й ряд интонационных отношений, соответствуют окситонизированные образования в древнеиндийском, греческом и германских. Именно в этом случае по правилу Хирта-Микколы⁸ предполагается оттягивание ударения на корневой акутированный слог:
1. лит. *mótė*, лтш. *māte*, серб. *māti* — др.-инд. *mātā*, греч. Gen. Sing. *μητρός*, др.-в.-нем. *muoter*;
 2. лит. Nom. Pl. *dūmai*, лтш. *dāmi*, серб. *dim* — др.-инд. *dhūmāh*, греч. *θυμός*;
 3. лит. *vūras* (1-я парадигма), лтш. *vīrs* — др.-инд. *vīrāh*, гот. *waír* (< **μīros*);
 4. серб. *zīno* — др.-инд. *jīrṇāh*;
 5. лит. *pīlnas*, лтш. *pīlns*, серб. *pūn* — др.-инд. *pūrṇāh*;
 6. серб. *prām* — греч. *πορθμός*.
- К этим примерам, приводимым В. А. Дыбо, можно прибавить еще многие другие:
7. лтш. *znuōts* 'зять' — греч. γυνός 'близкий родственник';
 8. лит. *kūokas* (1-я парадигма) 'стебель' — др.-сканд. *haugr* (< герм. **хаугаз*) 'холм';
 9. лтш. *grīva* 'устье реки', серб. *grīva* 'грива' — др.-инд. *grīvā* 'затылок';
 10. серб. *rěpa*, русск. *pěna* — др.-в.-нем. *rāba* (< **rēbō*) 'репа', лит. *rōpė* 'репа' — др.-в.-нем. *ruoba* (< *rōbō*);
 11. лит. *dūona*, лтш. *duōna* 'хлеб' — др.-инд. Nom. Pl. *dhānāh* 'зерно';
 12. лит. *ūosis*, Gen. *ūosies*, ж. род 'ясень' (лтш. *uōsis* отражает переход в *io*-основы) — греч. *αχερ-αίς* 'белый тополь';
 13. лтш. *jātis* (ж. род, Nom. Pl.) 'сочленение' — др.-инд. *yūtīh* 'союз, связь';
 14. чеш. *jíl*, русск. *ил*, *ила* (старая *й*-основа) — греч. *ἐίλό* (= *ἰλό*) 'μέλαν (Гесихий);
 15. серб. *jāto* 'стая' — др.-инд. *jātām* 'ход, поездка';
 16. русск. *яруй*, *яра* (ж. род) — греч. ζωρός 'крепкий (о вине)';

⁷ Скорее, впрочем, заимствование из ср.-н.-нем. *stūr*, ср. REW, Bd 3, стр. 36.

⁸ См. Н. Hirt. Akzentstudien. IF, Bd 10, стр. 54.

17. серб. *düg*, лтш. *ülgš* — др.-инд. *dīrghāh* 'длинный';

18. лтш. *kuřns* 'глухой', словен. *křn* 'искалеченный' — др.-инд. *kīrñāh* 'искалеченный'.

По-видимому, если рассматривать только эти соответствия, вывод может быть лишь один: 2-й ряд интонационных соответствий в балто-славянском не отражает индоевропейскую баритонезу, а встречается в словах, восходящих как к индоевропейским баритонированным, так и к индоевропейским окситонированным образованиям.

Положение, однако, существенно осложняется, когда мы привлекаем для рассмотрения кельто-италийский материал. Кельто-италийские параллели балто-славянских образований, представляющих 2-й ряд интонационных отношений, которым соответствует окситонеза в древнеиндийском и греческом, отражают старую баритонезу (на нее указывает несократившийся долгий гласный). Это та категория слов, которую охватывает 2-е правило Дыбо:

1. лит. *môtė*, серб. *māti* — др.-инд. *mātā*, греч. Gen. Sing. $\mu\eta\tau\rho\acute{\varsigma}$, др.-в.-нем. *muoter* — но лат. *māter*, ирл. *māthir* (< **māter*);

2. лит. Nom. Pl. *dūmai*, лтш. *dūmi* — др.-инд. *dhūmāh*, греч. $\theta\upsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$ — но лат. *fāmus*;

3. серб. *zřno* — др.-инд. *ṣrñāh* — но лат. *grānum* (< **gřnom*);

4. лит. *pilnas*, лтш. *pilns*, серб. *pūn*, др.-инд. *pūrñāh* — но ирл. *lán* (< **přnos*).

К этим соответствиям, приводимым автором правил, можно еще добавить кельто-италийские образования, не имеющие балтийских и славянских параллелей, но противопоставляющие свою баритонезу греческой и древнеиндийской окситонезе:

5. др.-валл. *di-auc* 'вялый, небыстрый' (< **ōku-*) — но др.-инд. *āśūh*, греч. $\acute{\omega}\chi\acute{\omicron}\varsigma$ 'быстрый';

6. лат. *fāgus* 'бук' — но греч. $\varphi\eta\gamma\acute{\omicron}\varsigma$, дорич. $\varphi\tilde{\alpha}\gamma\acute{\omicron}\varsigma$ 'дуб';

7. лат. *clāvus* 'запор' — но греч. дорич. $\kappa\lambda\tilde{\alpha}\tilde{\iota}\varsigma$ 'ключ'.

Иными словами, в кельто-италийском всегда представлена баритонеза там, где в балто-славянском засвидетельствован 2-й ряд интонационных соответствий. Эту закономерность наглядно иллюстрируют отношения, представленные в отглагольных *-to-* и *-tu-* основах, которые изучил В. А. Дыбо: лат. *sūtus*, *spūtus*, *tritus*, *grātus* и т. п. при лтш. *šūt*, *splāūt*, *trīt*, *dziřt*, но лат. *rūtus*, **fūtus*, **litus* и т. п. при лтш. *raūt*, *būt*, *līt*.

Возможны два истолкования описанной закономерности. Одно из них предлагается В. А. Дыбо. Он считает, что кельто-италийский вместе с балто-славянским сохраняет старое накоренное ударение (напомним, что для В. А. Дыбо присутствие 2-го ряда интонационных отношений в балто-славянском — синоним баритонезы).

Введение окситонезы в греческом и древнеиндийском объясняется морфологическим выравниванием в образованиях на *-to-*, *-tu-*, но остается без объяснения в немотивированных именах. В этом первое уязвимое место концепции В. А. Дыбо.

Его другой слабый пункт представляет интерпретация германского материала. Оказывается, что место ударения в тех случаях, когда его можно восстановить по закону Вернера, совпадает с местом ударения не в кельто-италийском, а в греческом и древнеиндийском:

лат. *māter* (< **māter*), но др.-в.-нем. *muoter* (< герм. **mōdēr* < *mā-tēr*), как др.-инд. *mātā*, греч. Gen. Sing. $\mu\eta\tau\rho\acute{\varsigma}$;

лат. *sūtus* (< **siūtōs*), но др.-англ. *sēod* (< **siūtōs*), как и др.-инд. *syūtāh*;

ср. также др.-ирл. *snāthe* 'filum' (< **snātjo-*), как лтш. *snāte* (< **snātjā*), но герм. **snōdō* 'шнур'.

Попытка автора правил выделить в германских образованиях две парадигмы *-to-* и *-tu-* образований — баритонированную и окситонированную, — противопоставленные так же, как соответствующие парадигмы в кельто-италийском, оказалась явно несостоятельной. В самом деле, из шести случаев баритонезы в германском, рассмотренных В. А. Дыбо, в трех случаях мы имеем дело не с долгими сонантами и не со вторым рядом интонационных соответствий в балто-славянском, а с краткими сонантами, несущими циркумфлекс. Из материала автора правил этого не видно, так что мы считаем возможным привлечь некоторые оставленные им в стороне формы:

1. к др.-исл. *grunnr* (< **ghrūntos*); наряду с лтш. диал. *grīmt* (Рауна, Циргали, Валмиера, Лиел-Салаца), приводимым В. А. Дыбо, представлено лтш. диал. *grīmt* (Рауна, Скуене, Яунпилс) наряду с *grīmt*² (< **grīmt*);

2. к др.-в.-нем. *berd* (< **bhērto-*); наряду с лтш. *bērt*, приводимым В. А. Дыбо, представлено лит. *beṛti*, *berū*, *bėriaū* и слав. **bьrati*, *berq* (ср. слав. **ьrati*, *perq* — лит. *peṛti*, лтш. *peṛt*, слав. **gьnati*, *ženq* — лит. *giṇti*, лтш. *dzīt*, слав. **дьrati*, *derq* — лит. *diṛti*, слав. **сьrati*, *serq* — лтш. *sērt*, слав. **ьjati*, *lējg* — лит. *liēti*);

3. к др.-в.-нем. *mord* (< **mīrto-*); наряду с лтш. *mīrt*, приводимым В. А. Дыбо, представлено лтш. диал. *mīrt* (Друсты, Пиебалга, Арайши) и *mīrt*² (< **mīrt*; см. примеч.² на стр. 63), лит. *mīrti*, серб. *mreṭi*.

Формы с нисходящей интонацией в латышском, с циркумфлексом в литовском и славянском невозможно объяснить как вторичное преобразование форм, представляющих 2-й ряд интонационных отношений (собственно В. А. Дыбо оперирует лишь латышскими данными). Напротив, формы, имеющие восходящую интонацию в латышском, легко объяснимы при учете регулярной метатонии в глаголах с нулевой ступенью огласовки корня в балтийском:

лит. *leṁti*, лтш. *lēm̃t* — лит. *līmti*, лтш. диал. *liṁt*;

лит. *reṁti*, лтш. *rēm̃ties* — лит. *rīmti*, лтш. *riṁt*;

лит. *svēti*, лтш. *svērt* — лит. *svīrti*;

лит. *siēti*, лтш. *siet* — лит. *sýti*;

лит. *šliēti*, лтш. *sliet* — лит. *šlýti*;

лит. *žeṁti* — лит. *žīrti*;

лит. *treṁti* — лит. *trīmti*;

лтш. *svēlt*² (< **svēlt*, ср. лит. *svīlti*) — лит. *svīlti*, лтш. *svilt*.

В этом ряду закономерно занимает место лит. *beṛti* — лит. *bir̃ti*, лтш. *bīrt*, в то время как лтш. *bērt* представляет перенесение интонации глагола с нулевой огласовкой на глагол с *-e*-огласовкой, как, например, вост.-лит. *svērti*, *bērti*, *trēmti*, лтш. *leṁt* и т. п. Лтш. *grīmt* и *mīrt* отражают закономерную метатонию ряда с нулевой огласовкой, в то время как исконная интонация форм с огласовкой *-e-*, перенесенная на формы с нулевой огласовкой, отражена лтш. *grīmt* и лит. *mīrti*, лтш. *mīrt*.

Из остающихся трех примеров соответствия германской баритонезы 2-му ряду интонационных соответствий в балто-славянском 1-й и 4-й (герм. **kunfaz* и **herfaz*) отпадают, так как соответствующие лтш. *zīt* и *kuīt* могут представлять нормальную метатонию на нулевой ступени к ступени *-e-* с 1-м рядом интонационных отношений (т. е. окситонезой, по В. А. Дыбо), ср. лтш. *šķēlt* — лтш. *šķilt*, лтш. *riēt* — лтш. *rĩt*, лтш. *zvēlt* — лтш. *zvĩlt*² (< **zvĩlt*, ср. лит. *žvīlti*). Независимо

от интерпретации остающейся пары герм. **wur̥pa* — лтш. *vērt*⁹, единственный пример, естественно, не имеет доказательной силы; ее не имеют и все случаи германской окситонезы в *-to-* и *-tu-*основах, поскольку именно окситонеза здесь является правилом как для германского, так и для древнеиндийского и греческого.

Сравнивая эти факты с не вызывающим сомнения распределением *-to-* и *-tu-*основ с исконным долгим вокализмом корня на баритонированные и окситонированные в кельто-италийском, где десяти¹⁰ баритонированным образованиям соответствуют 10 балто-славянских образований, представляющих 2-й интонационный ряд, а десяти окситонированным — 10 балто-славянских образований, представляющих 1-й интонационный ряд, мы убеждаемся, что причины появления баритонезы в германском, с одной стороны, и кельто-италийском — с другой, различны. В германском мы имеем дело с процессами морфологического выравнивания: развитием противопоставления типа *τόμος*: *τομός* (перенесением его на *-to-*основы), проведением баритонезы в целом классе имен (имена на *-mo-*, рассмотренные В. А. Дыбо). В кельто-италийском мы имеем дело, по-видимому, с фонетическими явлениями.

Разобранные слабые стороны концепции В. А. Дыбо видны при анализе изложенного им самим материала. Они становятся еще более наглядными, если вспомнить, что, как было показано выше, слова, представляющие 1-й ряд интонационных соответствий в балто-славянском, могут отражать не только индоевропейские окситонированные, но и индоевропейские баритонированные образования. Если согласиться с предложенной В. А. Дыбо интерпретацией его 2-го правила, то окажется, что в древнеиндийском и греческом (добавим также: и германском) окситонезу приняли почему-то только слова, балто-славянские соответствия которых представляют только 2-й интонационный ряд, но не 1-й:

и.-е. **māter* > (др.-инд., греч., герм.) **mātēr* при лит. *mótė*, лтш. *māte*, серб. *māti*;

и.-е. **p̥l̥nos* > (др.-инд.) **p̥l̥nós* при лит. *p̥l̥nas*, лтш. *p̥l̥ns*, серб. *p̥l̥n* и т. д., но:

и.-е. **p̥f̥nos* > (др.-инд.) **p̥f̥nos* при серб. *p̥f̥vo*, *p̥f̥vī*;

и.-е. **sp̥f̥gos* > (греч.) **sp̥f̥gos* при лит. *sp̥urgas* (3-я парадигма) и т. п.

Принимая концепцию В. А. Дыбо, пришлось бы считать далее, что индоевропейское накоренное ударение (баритонеза) на одинаково интонированном (т. е. акутированном) первичном долгом слоге, т. е. в одних и тех же условиях, дает в балто-славянском по неизвестным причинам то рефлекс 1-го интонационного ряда, то рефлекс 2-го интонационного ряда:

и.-е. **p̥f̥nos* > слав. *p̥f̥vъ*, ср. лтш. *p̥f̥ms* и т. п., но:

и.-е. **p̥l̥nos* > слав. **p̥l̥nъ*, ср. лтш. *p̥l̥ns* и т. п.

Подобное распределение форм, по-видимому, заводит нас в тупик. Априорная идентификация 1 и 2-го рядов интонационных соответствий в балто-славянском с первичной окситонезой или баритонезой привела В. А. Дыбо к ложному толкованию 2-го правила.

Уже полученные соотношения подводят нас к возможности принципиально иной интерпретации 2-го правила Дыбо. Предпосылкой ее является признание первичности греческой и древнеиндийской (а также германской) окситонезы и признание того факта, что два различных

⁹ Ср. лит. *vėrti* — тот же тип, что *kėlti*, *gėlti*, *žėlti*, *tvėrti*, *skėlti*, *gėrti*, *lieti* и т. п., которым регулярно соответствуют лтш. *celt*, *dzelt*, *zelt*, *twēft*, *škelēt*, *dzeft*, *liēt* и т. д. (т. е. 1-й ряд интонационных отношений).

¹⁰ Исключаем ирл. *gnáth* и др.-ирл. *bráth*, ср. сказанное выше о лтш. *zīt* и *biřt*.

ряда интонационных соответствий в балто-славянском на долгом гласном и «долгом дифтонге» не отражают различия по месту ударения в индоевропейском. Остается единственная возможность объяснения различия между двумя интонационными рядами — признание существования двух различных интонаций на долгом гласном или «долгом дифтонге» в балтийском и славянском.

Основываясь на анализе иных фактов, мы пришли к подобному выводу в работе «Выделение типов корней с исходом на сонант в балтийской глагольной системе, их функционирование и происхождение»¹¹, где первый ряд интонационных соответствий возводился к первоначальной прерывистой интонации (^), а второй ряд интонационных соответствий — к первоначальной восходящей интонации ('). Эти интонации, как явствует из вышеизложенного, не зависели от места ударения в индоевропейском, а находились в какой-то связи со структурой слога¹². Возникнув на корневом слоге, одна из этих интонаций, а именно ', делала этот слог в балто-славянском одновременно наиболее сильным по экспирации, так что старое экспираторное ударение, если оно падало на другой слог, утрачивалось, проходя, по-видимому, через стадию побочного ударения (оттяжка по закону Хирта-Микколы, проходящая, таким образом, только в словах с ' в корне¹³).

Но в таком случае постоянное накоренное ударение в кельто-италийском в соответствии с первоначальной восходящей интонацией в балтийском и славянском (второй интонационный ряд) вне зависимости от индоевропейского (т. е. древнеиндийского, греческого, германского) места ударения можно объяснить лишь кельто-италийским процессом, аналогичным описанному балто-славянскому: корневой слог, несущий восходящую интонацию, делается сильным в экспираторном отношении, так что после утраты интонационных различий он становится носителем силового ударения. Следовательно, 2-е правило Дыбо — распространение правила Хирта-Микколы (в формулировке Бонфанте) на кельто-италийский. Оно тем самым требует признания интонационных противопоставлений на долгом слоге в кельто-италийском.

Различия между кельто-италийским и балто-славянским имеются лишь в словах, представляющих первый ряд интонационных соответствий (^). Если кельто-италийский в этом случае отражает противопоставление и.-е. баритонированных (с сохранением долготы, например лат. *ārea*) и окситонированных (сокращение, например ирл. *trag*) имен, то в балто-славянском, как правило, представлена одна интонационная парадигма (лит. 3-я парадигма), подобно тому, как одну интонационную парадигму (лит. 4-я парадигма, слав. подвижность), как правило, дают в балто-славянском слова с циркумфлектированным или краткостным корнем¹⁴.

Таким образом, обозначив прерывистую интонацию знаком ^, восходящую интонацию — знаком ' и место ударения — чертой под соответствующим гласным, мы получим следующие отношения в кельто-италийском и балто-славянском.

¹¹ См.: «Вопросы славянского языкознания», вып. 5.

¹² Впервые подобное предположение было сделано Дж. Бонфанте (G. Bonfante. L'accento lettone gestoßen (^) e l' «acuto mobile» lituano. «Studi Baltici», vol. 4, 1934), чья концепция, как нам кажется, незаслуженно игнорируется в балто-славянской акцентологии.

¹³ См.: G. Bonfante. Указ. соч., стр. 112.

¹⁴ См. списки, составленные Е. Куриловичем (L'accentuation des langues indoeuropéennes. Wrocław, 1956, стр. 198—200). Впрочем, это положение нуждается в тщательной проверке.

Прерывистая интонация корневого слова:

И.-е. баритонеза	*plānos	→ кельто-итал. *plānos > *plānos
		→ балто-слав. *plānos (подвижная парадигма)
И.-е. окситонеза	*trōghos	→ кельто-итал. *trōghos > *trōghos
		→ балто-слав. *trōghos (подвижная парадигма)

Восходящая интонация корневого слога:

И.-е. баритонеза	*bhrātēr	→ кельто-итал. *bhrātēr > *bhrātēr
		→ балто-слав. *bhrātēr
И.-е. окситонеза	*pīnos	→ кельто-итал. *pīnos > *pīnos
		→ балто-слав. *pīnos

Именно процесс оттягивания ударения на долгий корневой слог с восходящей интонацией в кельто-италийском привел к созданию сплошь баритонированной парадигмы с накоренным ударением на акцентированном слоге (из первоначального восходящего ударения). Так, например, и.-е. *gītōs (др.-инд. gūrīáh) > кельто-итал. *gītōs (лат. grātus), и тот же процесс прошел во всех подобных образованиях от этого корня и других корней с первоначальной восходящей интонацией; в то же время какое-нибудь и.-е. *lītōs осталось в кельто-италийском окситонированной формой (> *lītōs > лат. *litus), и такая же окситонеза сохранилась во всех подобных образованиях от этого корня и других корней с первоначальной прерывистой интонацией. В балто-славянском закономерно представлены рефлексы восходящей интонации (второй ряд интонационных соответствий) в первом случае и рефлексы прерывистой интонации (первый ряд интонационных соответствий) во втором.

Основное возражение против нашей концепции может возникнуть при рассмотрении акцентуации производных имен и глаголов в кельто-италийском, исследованной В. А. Дыбо. Действительно, в ряде производных (например, образованиях на -k-) представлена окситонеза вне зависимости от баритонированности или окситонированности исходного слова: *dhūmo-: *dhūmāk-, как *kūlī-| < *kūlī-|: *kūlīk, ср. также колебания типа *g'īyos: *g'īyós и т. п. Решение вопроса приходит, как только мы обращаем внимание на относительную хронологию явлений. «Оттягивание» ударения на слог с восходящей интонацией — явление чрезвычайно древнее, связанное с возникновением интонации в результате изменения структуры слога. Оно произошло в период, когда в кельто-италийских языках господствовала система музыкально-эспираторного ударения, которую сменила система разноместного экспираторного ударения, реконструируемая по 1-му правилу Дыбо. В этот новый период продолжали оставаться продуктивными определенные словообразовательные типы и формировались новые словообразовательные типы. Производные от слов с индоевропейским кратким гласным или кратким дифтонгом в корне (балто-славянская краткость или циркумфлектированный слог) могли быть всегда окситонированными, независимо от окситонированности или баритонированности исходного

слова, если словообразовательный тип характеризовался окситонезой (т. е. здесь сохранился старый индоевропейский принцип). В словах с индоевропейским долгим гласным или «долгим дифтонгом» в корне в этот период также допускалась баритонеза (старая баритонеза и результат «оттягивания» ударения на слог с восходящей интонацией) и окситонеза (старая окситонеза в словах с прерывистой интонацией корневого слога), причем это распределение перестало быть мотивированным с утратой интонационных различий. Теперь исходным баритонированным словам с долгим гласным или «долгим дифтонгом» в корне противостояли (в первоначально окситонированных словообразовательных типах), с одной стороны, баритонированные производные (если корневого слога некогда нес первоначальную восходящую интонацию), с другой — окситонированные (если в корне некогда была прерывистая интонация). После утраты интонационных различий такое распределение потеряло свою первоначальную мотивировку и сделалось аномальным. Естественно, что при ликвидации этой аномалии была обобщена окситонеза, которую регулярно проводили производные от всех баритонированных и окситонированных слов с кратким гласным или кратким дифтонгом в корне, от всех окситонированных и части баритонированных слов с долгим гласным или «долгим дифтонгом» в корне. Иными словами:

Период возникновения интонаций	Кельто-италийское «оттягивание» ударения	Утрата интонаций
* <i>dhūmo-</i> : * <i>dhūmāk-</i>	* <i>dhūmo-</i> : * <i>dhūmāk-</i>	* <i>dhūmo-</i> : * <i>dhūmāk-</i> > <i>dhūmāk-</i> (как * <i>rūpik</i>)
* <i>kūli-</i> : * <i>kūlik-</i> * <i>rūpi-</i> : * <i>rūpik-</i>	* <i>kūli-</i> : * <i>kūlik-</i> * <i>rūpi-</i> : * <i>rūpik-</i>	* <i>kūli-</i> : * <i>kūlik-</i> * <i>rūpi-</i> : * <i>rūpik-</i>

Старые баритонированные образования от слов с накоренным ударением сменили, таким образом, баритонезу на окситонезу, новые же образования получили окситонезу, так как создавались по существующим в этот период моделям. Результат — окситонированность всех производных данного типа¹⁵.

Таким образом, предложенная выше новая интерпретация 2-го правила Дыбо встречает меньшее число трудностей и позволяет объяснить больший круг явлений, чем толкование, выдвинутое самим автором 2-го правила. Взамен формулировки 2-го правила, данной в начале статьи, можно, следовательно, предложить иную: ая. — Если корневого слога с долгим гласным или «долгим дифтонгом» в кельто-италийском имел восходящую интонацию, он становился носителем ударения в слове вне зависимости от первоначального места ударения; если такой слог имел прерывистую интонацию, старое место ударения в слове сохранялось.

Несомненно, что эта формулировка будет несколько неожиданной для автора правил. Он не только обнаружил следы разноместного ударения в кельто-италийском (1-е правило), подтвердив положение о подвижности индоевропейского ударения на материале еще одной языковой семьи. Он сделал большее: открыл различие интонаций во внутренних исконных долгих слогах в кельто-италийском, совпадающее с таким же различием в балтийском и славянском. Значение этого открытия для индоевропейской акцентологии трудно переоценить.

¹⁵ Утрата слоговой интонации и потеря мотивированного характера разноместности ударения производных всегда способствует активному ходу процессов, подобных описанному: ср. почти полное отсутствие суффиксов, всегда несущих ударение, в литовском или сербско-хорватском при их обилии в русском или болгарском.

В. Н. Топоров

ЗАМЕТКА ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ *GROG'-(*GORG'-):
*GREG'- В БАЛТИЙСКОМ И СЛАВЯНСКОМ

При исследовании древнейших языковых отношений между балтийской и славянской ветвями наибольший методологический интерес представляют, пожалуй, не те случаи, когда сравниваемые единицы полностью совпадают или полностью различаются, поскольку при этом исследователь лишен возможности проследить динамику развития, а случаи частичного сходства или расхождения между сравниваемыми балтийскими и славянскими фактами (и, тем более, внутри балтийских и внутри славянских языков). Только в последних условиях осуществима попытка реконструкции промежуточных этапов развития; более того, доказательная сила точных балто-славянских соответствий возрастает, если тождественные факты не даны сразу, а восстанавливаются путем анализа исторически разошедшихся форм.

Здесь хотелось бы сделать несколько замечаний о любопытном примере из балто-славянской лексики, когда различия в семантической сфере казались столь значительными, что даже очевидное формальное сходство практически ускользало от внимания исследователей. Речь идет о сопоставлении лит. *gražus* и слав. *grozъnъ*, обычно игнорируемом этимологами; даже когда вопрос о сравнении этих слов возникает, чаще всего он остается вопросом¹. Отсутствие этого сопоставления в подавляющем большинстве этимологических пособий (хотя бы в числе спорных случаев) свидетельствует о том, что указанная параллель не может считаться признанной. И, тем не менее, она бесспорна.

Формальное сходство не ограничивается полным тождеством корневой части (лит. *graž-us*, слав. *groz-ъnъ* восходят к *grog'-, ср. иную ступень корня в др.-греч. γοργός 'страшный, ужасный' и др.-ирл. *garg* 'дикий, грубый'). Оно проявляется и в некоторых одинаковых тенденциях словообразования, в частности, в расширении корня с помощью элемента *-n-*; ср. слав. *groz-ъnъ*, известное практически во всех славянских языках и правдоподобно относимое к праславянскому периоду (*groz-ъn-), при лит. *gražinys*, *gražinė*, *gražinėlė*, *gražintelis*, *gražinis* и под.² (из *graž-ъn-); правда, в литовском представлены и иные примеры расширения этого корня с помощью *-n-* (ср. *gražnus*, *gražnas*, *gražna*, *grazna*³; *Gražyna* и др.), то же относится и к латышскому (ср.

¹ Ср. К. Миленбахс. *Latviešu valodas vārdnīca*, I sējums. Rīgā, 1923—1925, стр. 651, а также определеннее: BrES, 159; SES, 354.

² См.: «Lietuvių kalbos žodynas», III. Vilnius, 1955, стр. 539—540.

³ Там же, стр. 543.

*grazns, graznums, graznuôtiês*⁴ и более привычные формы с иным вокализмом: *gręzns, gręznums, gręznuoties* и др.). Впрочем, тенденция к расширению этого корня с помощью *-n-* не ограничивается балтийским и славянским (ср. др.-греч. Γορῳόν, Γορῳόνα или др.-ирл. *grain* из **gragnis*). В связи со словообразованием заслуживают быть отмеченными и такие параллели, как лит. *gražybė, gražybinis* (лтш. *greznība*), польск. *groźba*, чеш. и слвц. *hrozba, hrozebný*, в.-луж. *hróžba, hróžbníwy* (ср. латышскую форму!), н.-луж. *grožbaŕny* (характерно, что расширение с помощью *-b-* отмечается, как правило, в западнославянских языках), не говоря о более частных⁵.

Естественно, что отказ признать правильность сопоставления лит. *gražus* 'красивый' и слав. *grožnъ*, значение которого — при всех колебаниях по славянским языкам — обычно сводится к 'грозный, страшный, отвратительный', объясняется, главным образом, семантическими мотивами. Тем не менее, по нашему убеждению, многие из трудностей такого рода оказываются мнимыми. Во-первых, если говорить о соотношениях самого общего характера, понятия 'красивый', 'страшный', как и многие другие относительные понятия, весьма подвижны и нередко превращаются в свою противоположность⁶. Можно было бы привести немало примеров такого рода, но здесь, вероятно, достаточно ограничиться одним хорошо известным; речь идет о пушкинском:

...Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как божия гроза,—

где автор строит образ на указанной выше способности к изменению значений в словах, принадлежащих к этой сфере (любопытно, что при переводе на другие славянские языки слово *ужасен* могло бы быть передано с помощью слов, восходящих к **grožnъ*; а *прекрасен* преводилось бы на словенский — как *grozen*, на литовский — как *gražus*, разумеется, все это верно, если говорить о смысле, не учитывая поэтических нюансов). Во-вторых, во многих славянских языках **grožnъ*, помимо значений, так или иначе связанных с *groza, grožiti*, обладает набором значений, лежащих в той же сфере, что и значения соответствующих балтийских слов, но с прямо противоположной направленностью: ср. болг. *грозен* 'некрасивый, уродливый, безобразный'⁷, *сугрозен* 'довольно некрасивый', н.-луж. *grožny* 'безобразный, уродливый, отвратительный' и т. п. В-третьих, в словенском языке в числе других значений слова *grozen* отмечают 'schön; lep, krasen' (Плетершник, Глонар и др.), ср. *grozno dekle*. Таким образом, в этом примере засвидетельствовано поразительное сходство (лит. *gražus* 'красивый': словен. *grozen* 'красивый'), значение которого не снижается уникальностью этого случая в славянских языках. Не менее важно и другое — наличие в словен. *grozen* таких разных значений, как 'красивый' и 'жуткий, ужасный', объясняющее (хотя бы в общих чертах) мнимую непреодолимость семантических расхождений между лит. *gražus* и

⁴ К. Müllenbachs. Указ. соч., стр. 641.

⁵ При этом следует отметить, что словообразовательные возможности этого корня в балтийских языках шире, чем в славянских, ср., в частности, лит. *gražmuo, -mena, -mė; gražiklis, gražylas, gražokas, gražovė, gražulis, gražuolis, graž-tis* и т. п.

⁶ Помимо общесемасиологических указаний, см.: Г. А. Ильинский. Чешское *hezky* 'красивый'. ИОРЯС, т. IX, 1904, кн. 2. стр. 274—282.

⁷ См.: «Речник на съвременния български книжовен език». Свезка втора. София, 1955, стр. 206 (где *грозен*, в частности, определяется пометой: «Противоп. *хубав, красив*»).

соответствующими славянскими словами. В-четвертых, семантическое сходство указанных балтийских и славянских слов не ограничивается только тем случаем, когда словен. *grozen* выступает в значении 'красивый'; можно указать еще одну общую семантическую черту: ср. лит. *gražus* в значении 'большой, многий, обильный' (ср. у Мажвидаса: *žmonelių gražus pulks giedojo* и др.⁸) при словен. *grozen* в значении 'большой, многий, чрезмерный', *groza* в значении 'большое количество, очень много', словц. *hrozne* 'очень, огромно', чеш. *hrozně* 'очень' и др. С другой стороны, и балтийские факты, семантически более однородные, чем славянские, позволяют соединить обычно рассматриваемые порознь значения 'угрожать' и 'быть красивым', ср. лтш. *gražitiēs* 'угрожать' и 'важничать, гордиться (красотой)⁹'. Если такое совмещение возможно в балтийском, то у нас исчезает основание отрицать связь лит. *gražus* со слав. *grozъnъ*, ссылаясь на несовместимость значений.

Хотя сопоставление слав. **grozъnъ* с указанными балтийскими словами вполне оправдано, остаются не вполне ясными детали семантического развития. Впрочем, некоторые соображения говорят в пользу того, что славянские факты отражают более древнюю ступень эволюции, чем балтийские, и что первоначальное значение и.-е. **grog'* было 'страшный, угрожающий'. В качестве аргументов можно назвать: большее семантическое разнообразие славянских слов с корнем *groz-*, более тесную их связь с глаголом *groziti* 'угрожать', наличие греческих и кельтских примеров, согласующихся в семантическом отношении со славянскими, и т. п. Неясности касаются не основной идеи этой статьи, а некоторых частных вопросов, связанных с объяснением возникновения отдельных фактов; так, не до конца ясно, отражает ли словен. *grozen* 'красивый' преимущественные старые связи с балтийской областью или же должно объясняться самостоятельным развитием в том же направлении, что и соответствующие балтийские слова; точно такая же проблема могла бы быть поставлена в связи с удивительным сходством лит. *gražiakis* и др.-греч. γοργῶπις (ср. Γοργόνα), входящих к одному прототипу, но различающихся значением (литовское слово обозначает 'обладающий красивыми глазами', древнегреческое — 'обладающий страшными глазами [взглядом]'). Остается не вполне определенным и положение лтш. *grezns*, лит. *grežas* 'красивый' (**greg'*-), особенно в связи с совершенно неясным изолированным русск. *gрезумь* 'мечтать о чем-либо желаемом, красивом', *греза* (также из **greg'*-), ср. также лит. *įsigražuoti* 'прельщаться, пленяться' из семантически близкой сферы. Как бы то ни было, неопределенность деталей не настолько существенна, чтобы опровергнуть методологически важное сопоставление лит. *gražus*, лтш. *grezns* со слав. *grozъnъ*.

⁸ Подробнее эти примеры см.: Lietuvių kalbos žodynas, III, стр. 546.

⁹ См.: К. Mülenbachs. Указ. соч., стр. 642. То же относится к лтш. *grežuoti* (там же, стр. 651—652).

Г. К. Венедиктов

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ В СССР ВОПРОСОВ БОЛГАРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

За послевоенные годы в Советском Союзе было опубликовано немало работ, посвященных проблемам изучения болгарского языка. Среди них болгарской диалектологии было уделено особенно много внимания. Большая часть их посвящена языку болгар, живущих в СССР. В значительно меньшем числе работ рассматриваются отдельные явления говоров на территории Болгарии. В настоящем обзоре мы остановимся коротко на работах по современной болгарской диалектологии, опубликованных советскими лингвистами в послевоенные годы.

1. В Советском Союзе, как известно, живет значительное число болгар — потомков тех болгар, которые в конце XVIII в. — первой трети XIX в. переселились в Россию. Они сосредоточены компактно в некоторых районах Молдавской ССР и южных областях УССР. Язык болгар-переселенцев и прежде привлекал внимание ученых. Еще до революции был опубликован известный труд Н. С. Державина о болгарских колониях в России, второй том которого посвящен исследованию языка болгар¹. В 30-е годы было опубликовано несколько статей о языке приазовских болгар². Уже тогда, между прочим, был поставлен вопрос о картографировании данных болгарских диалектов³. Однако лишь после Отечественной войны 1941—1945 гг. исследование болгарских говоров в СССР приняло широкий размах. Оно стало возможным, во-первых, благодаря тому, что села бессарабских болгар после войны вновь оказались на территории Советского Союза. Это позволило провести в широком плане сравнительное исследование языка бессарабских и приазовских болгар, которое оказалось чрезвычайно важным. Во-вторых, создание в конце 40-х годов Института славяноведения АН СССР сделало возможной организацию систематического и планомерного изучения всех болгарских говоров в СССР, прежде всего с целью лингвистического картографирования, а также и с целью монографического описания некоторых из говоров.

¹ Н. С. Державин. Болгарские колонии в России. Т. II. Язык. Пг., 1915, 523+94+XIV стр. Из более ранних работ см.: А. Ф. Музыченко. История поселения и фонетические особенности говора крымских болгар. ИОРЯС, т. XII, кн. 2, 1907, стр. 72—134.

² См.: Д. Дринов. Про мову болгарських колгоспників УССР. «Мовознавство», № 8, 1936, стр. 87—88; С. Б. Бернштейн. Болгарские говоры Украины (Ольшанский район). «Наукові записки Одеського пед. ін-ту». т. I, 1939, стр. 111—123.

³ См.: С. Б. Бернштейн. Лингвистический атлас болгарских говоров в СССР. ИОЛЯ, т. VIII, 1949, вып. 3, стр. 246.

Инициатором и руководителем всей работы по изучению болгарских говоров в СССР является проф. С. Б. Бернштейн. Им написано много статей, в которых определяются задачи и значение изучения болгарских говоров, в соответствии с новейшими требованиями лингвистического картографирования разработаны принципы построения атласа этих говоров, методика собирания и обработки материалов для атласа, освещены особенности изучения смешанных говоров и т. д. См. его работы [1], [2], [5], [8], [9], [13]⁴. Надо особенно подчеркнуть то, что работу по изучению болгарских говоров С. Б. Бернштейн развернул еще до лингвистической дискуссии 1950 г., когда славянское языкознание, в том числе и диалектология, у нас развивалось в очень неблагоприятных условиях. Для выполнения поставленных задач С. Б. Бернштейн подготовил большой и квалифицированный коллектив диалектологов-болгароведов. В течение непродолжительного времени этим коллективом под его руководством был собран материал для лингвистического атласа, был составлен атлас, опубликовано несколько десятков статей и материалов и ряд монографий.

О внушительном размахе изучения болгарской диалектологии может свидетельствовать и тот факт, что Институт славяноведения начал издавать специальную серию «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР». Это издание с 9-го выпуска (1959) стало совместным органом Института славяноведения АН СССР и Института болгарского языка Болгарской Академии наук, что явилось признанием со стороны болгарских ученых научной ценности этого издания.

Непосредственным продолжением работы советских болгароведов-диалектологов явилось участие в совместном с болгарскими диалектологами сборе материала и составлении тома I Болгарского лингвистического атласа, посвященного говорам юго-восточной Болгарии.

Работы советских диалектологов получили высокую оценку в ряде рецензий. Известный болгарский диалектолог Ст. Стойков писал в 1956 г.: «Опубликованные до настоящего времени монографические труды, сообщения и материалы о болгарских говорах в Советском Союзе представляют для нас исключительно большой интерес. С одной стороны, они знакомят нас с рядом очень интересных новых фактов болгарской диалектологии, а с другой стороны, своей методологией помогают нам разрешить ряд важных вопросов, связанных с целостным изучением болгарских говоров и с составлением болгарского лингвистического атласа...»⁵.

2. Подводя итоги изучения болгарских говоров, мы должны прежде всего остановиться на «Атласе болгарских говоров в СССР», составленном С. Б. Бернштейном, Е. В. Чешко и Э. И. Зелениной [19].

Построенный на основе новейших достижений и требований лингвистической географии с учетом своеобразных особенностей болгарских говоров на территории СССР, «Атлас» является первым опытом лингвистического картографирования в болгарской диалектологии. Его

⁴ Здесь и далее в квадратных скобках дается номер, под которым указана работа в прилагаемом в конце статьи библиографическом списке трудов по болгарской диалектологии.

⁵ Ст. Стойков. Нови проучвания на българските говори в Съветския съюз. «Известия на Ин-та за български език», кн. IV, 1956, стр. 428; ето же. Приносът на съветските учени в българската диалектология. БЕ, год. VII, кн. 5, 1957, стр. 414—418. См. также: К. Мирчев. Die bulgarische Sprachwissenschaft von 1935 bis 1958. Zfs|Ph, Bd XXIX, N. 1, 1960, стр. 179—182; Ив. Кочев. Нови проучвания по българска диалектология. БЕ, год. IX, 1959, кн. 4—5, стр. 456—462; М. Лилков. Нови приноси към изучаването на българските народни говори. ЕЛ, год. XV, 1960, 3, стр. 240—243.

большое научное значение уже оценено в рецензиях, опубликованных в Болгарии, СССР, Польше, ГДР. Проф. Ст. Стойков характеризует «Атлас» как «серьезный и важный научный труд, имеющий большое значение не только для болгарской диалектологии и болгарского языкознания, но и для славянского языкознания. А некоторые его особенности имеют и общетеоретическое значение»⁶. Проф. Фр. Славский пишет, что этот атлас «безусловно, является одним из самых выдающихся трудов последних лет, посвященных болгарскому языку, и очень важен как методический образец для подготавливающегося атласа исконных диалектов Болгарии»⁷. Высокая оценка «Атласа» дана и в других рецензиях⁸.

Не ставя своей целью всесторонне характеризовать значение «Атласа» (это сделано в указанных рецензиях), мы бы хотели лишь подчеркнуть некоторые стороны этого труда.

Особенностью «Атласа болгарских говоров в СССР» является то, что материалом для него послужил язык переселенцев. Совершенно естественно поэтому, что в «Атласе» нет изоглосс, которые бы отражали старые языковые границы. Перед «Атласом» и не стояла задача установления территориальных болгарских диалектов в СССР. Основная задача «Атласа» состояла в том, чтобы, во-первых, дать точное представление о современном состоянии этих говоров, во-вторых, — и это главное — установить структурные типы говоров на основании выяснения внутренней связи между отдельными явлениями и, в-третьих, реконструировать состояние этих говоров в начальный этап их развития на территории России с целью установления их генетической связи с говорами Болгарии. Эти задачи выполнены. В результате картографирования установлены типы болгарских говоров в СССР и их взаимосвязь, определена генетическая связь этих групп говоров с говорами метрополии. В этой связи следует указать и на значение «Атласа» для классификации и изучения взаимосвязей говоров на территории Болгарии, особенно ее северо-восточных говоров (подробнее об этом см. ниже).

«Атлас» имеет важное методологическое значение. Среди его 109 карт, дающих ясное представление об общем состоянии современных болгарских говоров в СССР, имеются карты не только на отдельные слова (по лексике, фонетике, морфологии), но и карты на явления, при этом и на такие важнейшие явления болгарской диалектологии, как, например, произношение *ѣ* и *ѝ* в определенных позициях, произношение *x* и некоторые другие. Это явилось новым доказательством того, что объектом лингвистической географии могут быть не только отдельные слова, но и явления. Уже этим самым «Атлас» в значительной мере преопределил успешные результаты картографирования исконных говоров на территории Болгарии и показал ошибочность мнения ученых, отвергавших саму идею о лингвистическом картографировании или сомневавшихся в успехе такого картографирования фактов южнославянских языков ввиду сильного междиалектного смешения этих языков.

⁶ Ст. Стойков. Атлас на българските говори в Съветския съюз. БЕ, год. IX, кн. 2, 1959, стр. 188.

⁷ См. его рецензию на «Атлас болгарских говоров в СССР»: ВЯ, 1960, № 3, стр. 125.

⁸ См.: Хр. Холиолев. Пръв атлас на български диалекти. ЕЛ, год. XV, 1960, 2, стр. 146—149; M. Sander. Zum Atlas der bulgarischen Mundarten in der Sowjetunion. ZfSl, Bd 4, 1959, H. 5, стр. 745—748; N. Iwanowa-Perczyńska. Atlas bolgarskich goworow w SSSR. «Por. jez.», 1959, zesz. 8, стр. 352—357.

Как первый опыт картографирования болгарского лингвистического материала, рассматриваемый атлас сыграл немалую роль в организации работы по составлению атласа говоров юго-восточной Болгарии⁹, в частности в уточнении вопросника-программы, особенно в методике собирания, обработке диалектного материала и при самом картографировании материала.

Работа над «Атласом» имела большое значение и для изучения истории болгарской иммиграции в Россию и позднейших передвижений болгар уже на территории России. Существовавшие до этого в науке сведения о болгарской колонизации южных окраин России во многом оказались неточными. Изучение в связи с подготовкой «Атласа» новых архивных материалов в сочетании с тщательным анализом языковых данных обеспечило более точную датировку основания отдельных сел и установление связей болгарских сел на территории СССР с определенными селами или районами Болгарии¹⁰.

3. Остановимся на некоторых наиболее важных вопросах, которые исследуются как в «Атласе», так и в других работах.

Один из главных итогов изучения болгарских говоров в СССР заключается в установлении того, что эти говоры не представляют собой «бессистемного конгломерата отдельных разнородных диалектологических ячеек», как думал акад. Н. С. Державин¹¹, а образуют определенные группы говоров, характеризующиеся общностью ряда явлений фонетики, морфологии и лексики. Выявлению групп говоров, классификации говоров уделялось много внимания с самого начала их изучения, особенно в связи с работой по составлению атласа. Специально этот вопрос рассматривается в статьях С. Б. Бернштейна [3] и Е. В. Чешко [47], основанных на материале еще не всех говоров, а лишь части их. Подробно, уже с учетом материала всех говоров, вопрос о классификации болгарских говоров исследуется в статье «Опыт классификации болгарских говоров СССР» С. Б. Бернштейна и Е. В. Чешко [16], вошедшей позднее в состав «Вступительных статей» (глава VII) к «Атласу», а также в статье С. Б. Бернштейна [4]. Классификации говоров посвящена карта № 1 «Атласа».

В результате выполненных исследований стало возможным выделить на территории СССР следующие 7 групп (типов) болгарских говоров: чушмельийская, чийшийская, ольшанская, балканская, фракийская, восточнородопская и западноболгарская. Описаны важнейшие фонетические, грамматические и лексические особенности каждой из этих групп и особенности, объединяющие некоторые из этих групп. Установлено, что появление этих групп на территории Советского Союза связывало с определенными периодами болгарской иммиграции в Россию.

4. Другой важной задачей, которая решалась нашими диалектологами, была реконструкция первоначального состояния говоров, в ко-

⁹ См. об этом, в частности, в статье: Ст. Стойков. Приносят на съветските учени в българската диалектология, стр. 417.

¹⁰ Подробнее об этом см.: С. Б. Бернштейн. Страница из истории болгарской иммиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. I, 1949, стр. 327—341. См. также главу III во «Вступительных статьях» к «Атласу»; С. Б. Бернштейн. Из истории болгарских поселений в Крыму. (По материалам Одесского исторического архива). Сб. «Изследования в чест на Марин С. Дринов», София, 1960, стр. 273—281. Ср. также: И. И. Мещеряков. Болгарские и гагаузские поселения Бессарабии в 20-х годах XIX столетия. «Ученые записки Кишиневского гос. ун-та», т. II, 1950, стр. 73—87.

¹¹ См.: Н. Державин. Ответ моему рецензенту. ИОРЯС. т. XXIII, кн. 2, 1921, стр. 68.

тором они находились к моменту переселения их в пределы России или в начальный период их развития здесь. Необходимость решения этой задачи была вызвана, в частности, тем, что многие современные говоры представляют собой результат смешения (на разной стадии) разных диалектов. Поэтому классификация говоров и особенно определение генетических связей наших говоров с говорами самой Болгарии были бы менее доказательны без проведения соответствующей реконструкции.

Надо сказать, что болгарские говоры в СССР являются для этой цели весьма удобным материалом¹². Языковая ситуация в болгарских селах благоприятствовала реконструкции первоначального состояния языка болгарских переселенцев в России. Сама же реконструкция стала возможной благодаря тщательному сравнению говоров разных сел, связанных общностью происхождения населения, внимательному изучению употребляемых в говорах вариантов, учету тенденций развития отдельных явлений в говорах СССР и Болгарии. В результате этого, как пишет Фр. Славский, теперь «мы имеем не только прекрасную характеристику современного состояния болгарских говоров СССР, но также и реконструкцию их состояния в конце XVIII и начале XIX в.»¹³.

В этой связи следует подчеркнуть еще и то, что работы советских диалектологов представляют собой первый опыт изучения истории отдельных болгарских диалектов, в течение более чем 100 лет развивавшихся вне связи с говорами метрополии. Особенностью этих работ является то, что они основываются прежде всего на фактах живых говоров, подвергнутых всестороннему обследованию и тщательной проверке для выяснения происшедших в них за этот срок изменений.

5. Установление определенных типов болгарских говоров в СССР и реконструкция их первоначального состояния, важные и сами по себе, приобретают особенно большое значение для выяснения генетической связи, языковой преемственности болгарских говоров в СССР и говоров на территории Болгарии. Уже Н. С. Державин определил связь говоров отдельных населенных пунктов с некоторыми говорами самой Болгарии. Исследование говоров всех болгарских сел по программе «Атласа», а также и монографическое описание некоторых говоров позволили решить этот вопрос в более широком плане и с большей доказательностью. Теперь не может быть сомнений в генетической принадлежности чушмельийского говора к шуменскому говору. В трудах советских болгароведов доказывается, что чийпийские говоры генетически представляют собой один из северо-восточных бол-

¹² Дело в том, что многие говоры связаны между собой генетическими узами, возникшими уже в период их развития на территории России. Эти говоры уже в течение длительного периода развиваются независимо друг от друга: одни — под сильным влиянием других говоров, другие — не испытывая инодиалектного влияния. Так, многие приазовские села были целиком основаны болгарскими переселенцами из определенных (с единым или смешанным по происхождению населением) сел Бессарабии. И теперь старый говор некоторых из таких бессарабских сел лучше сохраняется именно в селах Приазовья, так как здесь он не подвергался влиянию других говоров, в то время как в самих бессарабских селах, благодаря притоку населения из других сел, соответствующие говоры оказались сильно смешанными. Есть и такие имеющие один и тот же источник говоры, которые и в Бессарабии, и в Приазовье развивались самостоятельно, без инодиалектного влияния, но которые тем не менее обнаруживают известные различия.

¹³ См. ВЯ, 1960, № 3, стр. 123.

гарских диалектов¹⁴. Более точная локализация этого диалекта пока невозможна из-за неизученности соответствующих говоров Болгарии. Хорошо изученный теперь говор ольшанских болгар отражает один из северо-восточных говоров *о*-диалекта и имеет черты, общие и с шуменским говором *-и* с чийшійскими говорами. Теперь уже хорошо известно, что балканские говоры в СССР различаются рядом черт, в частности членными формами *-ъ* и *-о*, и не представляют полного единства, хотя они и имеют много общих признаков, связывающих их с балканскими, главным образом, южнобалканскими говорами в Болгарии. Не обнаруживают полного единства и фракийские говоры, что свидетельствует о различных диалектных источниках этих говоров до перенесения их на территорию России. Определение несомненной связи отдельных говоров на территории СССР между собой и генетической связи их с говорами самой Болгарии представляет, как отмечает в своей рецензии Фр. Славский, «без сомнения, одно из больших достижений долгой и кропотливой работы над „Атласом“»¹⁵.

Классификация болгарских говоров в СССР и их реконструкция имеют большое значение для классификации говоров на территории Болгарии. В работах советских болгароведов показано, что взгляд Л. Милетича на современный шуменский говор как на типичный говор северо-восточной Болгарии был ошибочен (см. [17], [19], [23]). Тот факт, что в Советском Союзе представлены три типа северо-восточных диалектов — чушмелийский, ольшанский и чийшійский, — свидетельствует об отсутствии диалектного единства говоров северо-восточной Болгарии в конце XVIII в. и начале XIX в. Уже в то время одни из мизийских говоров имели членную форму *-о*, другие — членную форму *-ъ*. При этом говоры *о*-диалекта, объединяемые единым признаком членной формы, различались между собой рядом других существенных признаков. Членную форму *-о* имеют и многие балканские говоры. Поэтому классифицировать северо-восточные болгарские говоры по признаку членной формы, как это сделал в свое время Л. Милетич, неправильно. Работы наших диалектологов (см., в частности, [17], [19]), таким образом, явились важным вкладом в разрешение спора между Л. Милетичем и Б. Цоневым по вопросу о классификации северо-восточных болгарских говоров.

В прямой связи с классификацией говоров в Болгарии стоит и вопрос об исконности некоторых говоров Болгарии, о более древних связях этих говоров, который также затрагивается в работах советских диалектологов. Так, на основе анализа болгарских говоров в СССР в «Атласе» и в других работах поддерживается высказанное еще Б. Цоневым положение о генетической связи шуменского говора с говорами южной Болгарии. Это положение еще и в настоящее время разделяется не всеми учеными¹⁶. Окончательному решению этого вопроса, как и многих других, в частности и вопроса о первичности балканских и фракийских говоров с членной формой *-о*, бесспорно поможет атлас говоров Болгарии.

6. Много внимания уделялось изучению смешанных болгарских говоров. Отчасти это вызывалось самим объектом исследования: значи-

¹⁴ Фр. Славский считает, что этот вывод является неубедительным (Указ. соч., стр. 121). Ср. с этим мнение Ст. Стойкова, не подвергающего сомнению этот вывод наших диалектологов («Нови проучвания на българските говори в Съветския съюз», стр. 432; «Атлас на българските говори в Съветския съюз», стр. 185).

¹⁵ См. ВЯ, 1960, № 3, стр. 124.

¹⁶ Ср.: Ст. Стойков. Атлас на българските говори в Съветския съюз, стр. 186; Фр. Славский. Указ. соч., стр. 121.

тельная часть болгарских говоров в СССР — это смешанные говоры. В болгарской лингвистической литературе до сих пор нет исследований о языке смешанных говоров. Вопрос о смешанных говорах в той или иной мере затрагивается в ряде работ советских диалектологов. Специально изучению смешанных говоров посвящены статьи И. К. Буниной о вайсальском говоре [27] и Е. В. Чешко о кайракийском говоре [48]. В этих работах исследуются процесс и результаты взаимодействия двух и более говоров, оказавшихся в одном селе. Процесс взаимодействия между говорами, приведший к их смешению, анализируется на материале данных фонетики, морфологии и лексики. Сравнивая говоры, подвергшиеся смешению в данном селе, с этими же говорами в других селах, авторы показывают утрату тем или иным говором своих исконных черт и появление черт, характеризующих уже говор данного села в целом, устанавливают относительную хронологию утраты или появления некоторых языковых фактов.

Один из важных выводов, который вытекает из анализа языка сел со смешанным по происхождению населением, заключается в том, что, несмотря на наличие известных вариантов, говоры обследованных сел представляют собой в настоящее время не разнородную смесь всех представленных ранее в этих селах говоров, а единые говоры с определенной системой звуков, форм и словаря. Другой важный вывод заключается в том, что в результате смешения двух и более говоров в одном селе образуется не какой-то совершенно новый говор, а сохраняется в своей основе один из говоров, на котором в той или иной мере сказывается влияние других говоров — участников междиалектного смешения. И, в-третьих, победа того или иного говора определяется неязыковыми факторами. Носители говора, легшего в процессе междиалектного взаимодействия в основу общего для данного села говора, как правило, преобладали в этом селе, играли более важную роль в экономической и общественной жизни села, чем носители исчезнувших говоров.

Однако не во всех населенных пунктах со смешанным населением процесс образования единого говора уже закончен. Во многих пунктах отдельные говоры еще сосуществуют как самостоятельные системы, находясь в тесном взаимодействии друг с другом. Изучение таких говоров также было объектом работы наших диалектологов. Так, С. Б. Бернштейн занимался изучением разных говоров г. Болграда [10].

Надо отметить также и большое методическое значение работ о смешанных говорах, изучение которых имеет ряд практических особенностей. В частности, при изучении смешанных говоров необходимо привлечение максимального числа информаторов, посетителей разных говоров, пристальное внимание к дублетным различиям вообще и особенно к таким дублетным различиям, которые обнаруживаются у представителей разных поколений, и т. д.

7. Особо следует остановиться на монографических описаниях отдельных говоров. Советскими диалектологами написано несколько таких работ. Из них глубинной разработки отдельных вопросов и широтой постановки задач монографического описания говоров выделяется диссертация И. К. Буниной о говоре ольшанских болгар [23].

В диссертации и в опубликованных статьях [25], [28], построенные на материале диссертации, И. К. Бунина дает подробное описание современного состояния фонетики, морфологии и лексики говора ольшанских болгар, исследует изменения, происшедшие в их говоре в течение почти 180 лет жизни за пределами Болгарии, характеризует влияние русского и украинского языков на этот говор, определяет генет

ческую связь его с говорами Болгарии. И. К. Бунина устанавливает, что состав звуков и морфологический строй говора за время его развития вне Болгарии не претерпели почти никаких изменений. Влияние русского и украинского языков здесь было очень незначительным. Зато в словарном составе, несмотря на сохранение его болгарской основы, изменения оказались очень значительными, и здесь влияние русского и украинского языков весьма осязательно.

Диссертация И. К. Буниной имеет важное методологическое значение. Эта работа является новаторской в болгарской диалектологии. И. К. Бунина исходит из таких методологических принципов, которые в отношении болгарского диалектного материала с такой последовательностью еще не применялись. Во-первых, она проводит четкое разграничение фактов и явлений современного состояния говора от фактов исторического порядка. Исходя из этого, И. К. Бунина дает детальное описание совокупности фонетических, морфологических и лексических фактов говора в их взаимной связи как определенной языковой системы. В своей работе она не отказывается от сопоставления отдельных явлений ольшанского говора с фактами современного литературного языка или истории болгарского языка. Но такие отдельные сопоставления преследуют решение одной задачи — показать звуковой состав, грамматический строй и словарный состав современного ольшанского говора. Во-вторых, давая описание фонетики и морфологии говора, И. К. Бунина последовательно проводит разграничение фонетических и морфологических явлений. Такой подход позволяет дать представление о действительном состоянии и тех и других явлений в современном говоре.

В отличие от ранее изданных монографических описаний, в которых центральное место обычно отводится фонетике (причем фонетике в историческом аспекте), в диссертации И. К. Буниной значительное внимание уделено морфологии и лексике говора. При этом подробно исследуются не только те явления, которые составляют особенность данного говора, но и такие явления, которые характерны и для других говоров или для болгарского языка в целом и без которых любое описание системы данного говора будет неполным.

С таких же позиций написана и кандидатская диссертация В. К. Журавлева «Говор села Криничное» [31], отдельные части которой также опубликованы (см. [32])¹⁷. Последовательно используя метод описания говора «изнутри», т. е. исходя из фактов и явлений, существующих в современном говоре, В. К. Журавлев дает описание звуковых и морфологических явлений как явлений, образующих определенную языковую систему в ее современном состоянии. Таким подходом объясняется то, что и в этой диссертации, так сказать, на равных правах дается описание как фактов общebolгарского характера, так и фактов, присущих только данному говору или группе говоров. Однако и в этой работе, правда, значительно реже, чем в диссертации И. К. Буниной, проводится, когда это вызывается необходимостью, сравнение фактов говора с Криничное с фактами других говоров и литературного языка.

Важно отметить, что в диссертациях И. К. Буниной и В. К. Журавлева описание системы вокализма и консонантизма проведено в результате не только физиолого-акустического, но и функционального

¹⁷ Другой раздел диссертации — «Фонетика говора села Криничное» — находится в печати (СМБД, вып. 10).

анализа звуков. Это первые в болгарской диалектологии опыты применения фонологического анализа звуков конкретных говоров.

Из других монографических описаний надо отметить работу Н. В. Котовой «Говор с. Твардицы Молдавской ССР» [37], в которой дается подробная характеристика звукового состава и морфологии, а также указываются и некоторые синтаксические особенности говора с. Твардицы. Некоторое представление о лексике этого говора дает работа Т. В. Швецово́й [51].

Имеется и целый ряд других, меньших по объему описаний говоров отдельных сел. Описание фонетики и морфологии говора с. Кирютни Конгазского района Молдавской ССР составляет содержание статьи Л. С. Плотниковой [41]. В коллективном отчете о диалектологической экспедиции в с. Суворово Измаильской области УССР дается описание звукового состава и морфологии говора этого села [16]. Описание этого говора в отчете существенно дополняют посвященные отдельным вопросам морфологии и синтаксиса работы И. К. Буниной [26], Е. В. Чешко [49], Д. С. Мухиной [40] и обширный словарь [43] и его исследование [35], выполненные Э. И. Зелениной (Полтораднево́й). Краткую характеристику фонетических, морфологических и лексических особенностей отдельных говоров г. Болграда находим в упоминавшейся выше статье С. Б. Бернштейна [10]. Описанию фонетических и морфологических особенностей говора с. Кирсова Комратского района Молдавской ССР посвящена статья Э. И. Зелениной (Полтораднево́й) [42]. Ею же описаны особенности фонетики и морфологии говора с. Терновка Николаевской области УССР [34]. Некоторые сведения о говоре с. Тараклия МССР и о говоре с. Табаки Измаильской области УССР содержатся в отчете Е. В. Чешко [50] о диалектологической поездке в эти села.

8. Работы советских болгароведов по синтаксису болгарских говоров в СССР были первыми опытами работ, специально посвященных этому разделу грамматики болгарских диалектов. Показательно при этом то обстоятельство, что предметом исследований наших болгароведов явились одни из центральных проблем синтаксиса болгарского языка — употребление предлогов и употребление глагольных времен.

Вопросам употребления предлогов посвящены статьи Е. В. Чешко [49] и Д. С. Мухиной [40]. В статье Е. В. Чешко исследуется, с одной стороны, смысловое соотношение между функционально близкими предлогами локального и временного значения, а с другой стороны — система значений отдельных предлогов, выражающих локальные и временные отношения в говоре с. Суворово. В статье Д. С. Мухиной дано описание значений и употребления предлога *от* в сопоставлении с другими предлогами, употребляемыми в аналогичных случаях в говоре с. Суворово. Употреблению предлогов в ольшанском говоре много внимания уделяет И. К. Бунина [25].

Синтаксису глагольных форм в суворовском говоре посвящено большое исследование И. К. Буниной [26]. В работе показано, что, несмотря на сохранение в общем старой системы глагольных времен, в суворовском говоре произошли и происходят известные изменения в употреблении форм времени. Так, наблюдаются случаи функционального неразличения форм отдельных времен, характерного для некоторых представителей среднего и младшего поколения. В статье рассматривается также и влияние русского языка на употребление форм глагольных времен. Употреблению глагольных времен значительное место уделяет в своих работах В. К. Журавлев [31], [33]. Отдельные

замечания находим и в работах других авторов, см., в частности, [37], [42].

Упомянутая выше статья И. К. Буниной [26] имеет и большое методическое значение. В ней много внимания уделено специальной методике сбора и обработки материала, предназначенного для синтаксических наблюдений.

Несмотря на то, что работ по синтаксису болгарских говоров в СССР сравнительно мало, эти работы имеют особое значение, так как они наглядно показали и возможность, и необходимость тщательного исследования синтаксиса болгарских говоров.

9. Значительное внимание советские диалектологи уделили изучению лексики болгарских говоров в СССР. Мы располагаем теперь словарными материалами (по несколько тысяч слов), отражающими лексику говора ольшанских болгар (работа И. К. Буниной [29]), говора с. Суворово Измаильской области (работа Э. И. Зелениной [43]) и говора с. Твардицы (работа Т. В. Швецовоной [51]). Большой словарь говора с. Криничное приложен к диссертации В. К. Журавлева [31]. Кроме словарных материалов, имеются и специальные исследования, посвященные анализу лексики болгарских говоров. Здесь прежде всего следует отметить большую статью И. К. Буниной «Лексический состав говора ольшанских болгар» [28].

В своем исследовании, ограниченном, правда, анализом имен существительных, И. К. Бунина изучает словарный состав говора с точки зрения соотношения в нем болгарских (как исконно болгарских, так и иноязычных заимствований до переселения болгар в Россию), русских и украинских элементов, определяет семантический круг заимствованной из русского и украинского языков лексики и пути ее заимствования. Одной из основных задач анализа лексики было решение вопроса о генетической связи ольшанского говора с говорами Болгарии. И. К. Бунина убедительно доказывает, что, несмотря на сильное влияние украинского и особенно русского языков, ольшанский говор сохранил свою болгарскую основу и что собственно болгарская лексика составляет наиболее значительный пласт в словаре говора. Заимствование (устное или письменное) слов из русского и украинского языков связано, главным образом, с появлением новых предметов, понятий и отношений, с изменением хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни болгар на территории СССР. В говоре имеется и немало таких заимствованных слов, которые обозначают и известные ранее болгарам предметы и понятия и которые вытеснили или вытесняют исконные для ольшанского говора названия этих предметов и понятий.

Важно наблюдение И. К. Буниной над тем, что в ольшанском говоре почти нет случаев новообразований на базе собственно болгарского словарного фонда и что обогащение его словаря пло, таким образом, почти исключительно путем заимствования.

Работа И. К. Буниной о лексическом составе ольшанского говора имеет большое методологическое и методическое значение (особенно в части, касающейся определения близкородственного языка—источника заимствования отдельных слов) для дальнейшего изучения лексики болгарских говоров в СССР.

Аналізу лексики говора с. Суворово, относящейся к предметам быта, посвящена работа Э. И. Зелениной [35]. Автор устанавливает старый исконный для говора круг бытовой лексики и новый, заимствованный пласт лексики, показывает судьбу отдельных частей словаря этого говора в иноязычном окружении, соотношение лексических

вариантов в говоре, затрагивает вопрос о лексической связи суворовского говора с говорами Болгарии и о территориальном распространении отдельных слов.

Исследование лексики болгарских говоров в СССР показало, что за время развития этих говоров на территории Советского Союза именно лексика претерпела наибольшие изменения, при этом в разных семантических кругах лексики произошли различные изменения. Вторым выводом, который следует из этих работ, состоит в том, что обогащение словарного состава происходило и происходит почти исключительно путем прямого заимствования из других языков, прежде всего русского языка, в меньшей мере украинского и румынского языков.

10. Кроме монографических описаний говоров и других работ, уже упомянутых выше, советскими диалектологами-болгароведами написано несколько статей, в которых рассматриваются отдельные, частные вопросы болгарской диалектологии, представляющие, однако, значительный научный интерес.

С. Б. Бернштейн показал, что в болгарских говорах СССР за последние десятилетия значительно расширилось употребление винительной формы местоимения 3 л. ед. ч. ж. р. *га* и членной формы м. р. *-ъ* и что употребление местоименной формы *я* и членной формы *-о*, наоборот, сузилось (см. его статьи [6] и [7]). Аналогичный процесс наблюдается и в говорах самой Болгарии. Исследуя говоры болгар в СССР, С. Б. Бернштейн обратил внимание на то, что причастие *донел* употребляется не только в западноболгарских говорах, но и во фракийских, некоторых балканских и некоторых северо-восточных болгарских говорах, и указал на то, что распространенное ранее мнение о принадлежности этой формы только западным говорам является ошибочным (см. [6]).

И. К. Бунина в одной из статей [24] по-новому рассматривает сложный вопрос о морфологическом членении глагольных форм настоящего времени и о соотношении между основой настоящего времени и основой аориста. Хотя в статье анализируются особенности морфологического строения основы глаголов в ольшанском говоре, эта статья, как правильно указывает Ст. Стойков, «выходит за рамки диалектологии и имеет важное значение для освещения особенностей морфологии болгарского глагола»¹⁸. В статье В. К. Журавлева [33] дано подробное описание образования глагольных форм и их употребления в ташбунарском говоре. В. К. Журавлев в этой статье предлагает новую классификацию болгарских глаголов по спряжениям, которая, как подчеркивает и Ст. Стойков, имеет преимущества перед другими, предложенными ранее классификациями и заслуживает особого внимания¹⁹.

Л. А. Булаховским написана статья [20], в которой в сравнительном плане рассматривается ударение в существительных и глаголах в старокрымском говоре болгар.

11. Советскими диалектологами выполнен и ряд работ на материале говоров самой Болгарии.

Здесь прежде всего надо отметить их участие в составлении тома I Болгарского лингвистического атласа. Еще в 1948 г. С. Б. Бернштейн в специальной статье [2] выступил с предложением о необходимости составления атласа болгарских говоров. К практическому осуществлению этого предложения приступили лишь в 1955 г., после того как

¹⁸ Ст. Стойков. Нови проучвания на българските говори в Съветския съюз, стр. 452.

¹⁹ Там же, стр. 463.

Институт болгарского языка БАН и Институт славяноведения АН СССР приняли решение о совместном сборе материала и составлении тома I атласа, посвященного говорам юго-восточной Болгарии. В летние месяцы 1956—1959 гг. были организованы диалектологические экспедиции с участием болгарских и советских диалектологов. Были изучены говоры 402 населенных пунктов с единым по происхождению населением. Уже после первой экспедиции в Институте славяноведения АН СССР началась работа по пробному картографированию, целью которой было проверить качество собранного материала и возможность его картографирования, а также внести необходимые уточнения в программу и инструкцию. Большое значение для координации работы коллективов болгарских и советских диалектологов имело Совещание по болгарскому лингвистическому атласу, состоявшееся в Институте славяноведения АН СССР в июне 1959 г.²⁰ Ход работы над атласом подробно освещался как в изданиях Болгарии, так и в советских изданиях²¹.

Советские диалектологи приняли участие во всех фазах работы над атласом: в обсуждении программы и инструкции по сбору материала, составленных Ст. Стойковым, в сборе самого материала (наши диалектологи приняли участие в сборе материала более чем в 190 населенных пунктах из общего числа 402), в составлении карт и комментариев к ним. Большое внимание было уделено разработке принципов составления карт и особенно содержанию комментариев к картам²². Однако по ряду причин от первоначальных планов составления комментариев пришлось отказаться. В настоящее время том I атласа, охватывающий говоры юго-восточной Болгарии, находится уже в печати. Он будет издан в Софии к предстоящему V Международному съезду славистов.

Участие советских и болгарских диалектологов в совместной работе по составлению атласа было взаимно полезным и явилось важным этапом в дальнейшем изучении болгарской диалектологии в обоих коллективах.

Значительным вкладом в болгарскую диалектологию явилась диссертация «Говорът на Горно поле, Станкедимитровско и мястото му между югозападните български говори» [38] Н. В. Котовой, защищен-

²⁰ Подробнее об этом см. в нашей хроникальной заметке: ВЯ. 1960, № 1, стр. 138—140. См. также: Г. П. Клепикова. Совместная работа болгарских и советских диалектологов. ВАН, 1959, № 10, стр. 92.

²¹ См., например: Ст. Стойков. Обсъждане на «Програмата за събиране на материали за български диалектен атлас» в София и Москва. БЕ, год. VI, кн. 3, 1956, стр. 295—298; Ст. Стойков. Сотрудничество болгарских и советских языковедов. «Славяне», 1956, № 7, стр. 26; С. Б. Бернштейн. Совместный труд болгарских и советских ученых. «Славяне», 1957, № 1, стр. 13—14; Ст. Стойков, С. Б. Бернштейн. Результаты от първата експедиция за събиране на материали за български диалектен атлас. БЕ, год. VII, кн. 2, 1957, стр. 181—186; Е. В. Чешко. Совместная работа болгарских и советских филологов. ВАН, 1957, № 1, стр. 81—82; Ст. Стойков. Български диалектен атлас. ЕЛ, год. XII, 4, 1957, стр. 285—296; Ст. Стойков. Втора българско-съветска експедиция за събиране на материали за български диалектен атлас. БЕ, год. VII, кн. 5, 1957, стр. 478—480; Ц. Младенов, К. Костов. О диалектологическом атласе болгарского языка. ВЯ, 1958, № 1, стр. 173—174; Ст. Стойков. Трета българско-съветска експедиция за събиране на материали за български диалектен атлас. БЕ, год. VIII, кн. 6, 1958, стр. 566—567; Э. И. Зеленина. О третьей совместной болгаро-советской диалектологической экспедиции. КСИС, вып. 28, 1960, стр. 114—115. См. также «Хронику» — КСИС, вып. 25, 1958, стр. 116—121.

²² См., в частности, статью С. Б. Бернштейна [11], а также и его доклад на Совещании по Болгарскому лингвистическому атласу.

ная в Софийском университете. В диссертации на новом обширном материале исследованы типы юго-западных болгарских говоров и их территориальное распространение. Автор диссертации впервые в болгарской диалектологии дает подробное и последовательное фонологическое описание звуковой системы горнопольского говора, предлагая классификацию фонем на основе строгого анализа дифференциальных признаков. Большое внимание в диссертации уделено исследованию системы ударения и морфологии говора. К диссертации приложен богатейший словарный материал (около 10 000 слов). Частично диссертация уже опубликована (см. [39]). Подготовлены к печати и в ближайшее время увидят свет и другие разделы диссертации²³.

С. Б. Бернштейном написана статья о первой диалектологической программе болгарского языка [14], представляющая интерес для истории болгарской диалектологии. Важному вопросу о происхождении в болгарском языке формы *casus generalis* существительных женского рода ед. ч. основ на *-а* посвящена статья Г. П. Клепиковой [36]. В этой статье на основе сопоставления указанной формы *casus generalis* и формы 1-го л. ед. ч. настоящего времени глаголов с ударением на окончании доказываемся, что обе формы *casus generalis* — и типа *глава́* и типа *главѣ* — восходят к старой форме винительного падежа. Материалом говоров Болгарии неизменно пользуется в своих акцентологических разысканиях, посвященных ударению в болгарском языке, Л. А. Булаховский²⁴. Фонологическому описанию твердых и мягких согласных в болгарском языке, преимущественно в современных восточных и западных болгарских говорах, посвящены опубликованная статья [44] и публикуемая в настоящем выпуске большая статья «Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в болгарском языке» Т. В. Поповой. Образование диалектных аористных форм типа *донех* (= *донесох*) в связи с вопросом о следах старого сигматического аориста в современном болгарском языке рассматривается в статье Г. К. Венедиктова²⁵.

В последние годы были опубликованы две рецензии: Э. И. Зелениной на «Известия на Института за български език», кн. IV [53] и А. Н. Зеленина на книгу Ст. Стойкова «Българска диалектология» — учебник для учительских институтов [52].

В ближайшее время будет опубликован ряд интересных работ по болгарской диалектологии. В печати уже находится 10-й выпуск «Статей и материалов по болгарской диалектологии», в котором, кроме упомянутых выше работ В. К. Журавлева и Н. В. Котовой, публикуются статьи: «О границе „южного типа произношения ъ“» — Т. В. Поповой, «О краткой форме винительного падежа личного местоимения 3 лица единственного числа женского рода *га* в юго-восточных болгарских говорах» — Э. И. Зелениной, «Причастия прошедшего времени с удвоенным суффиксом в родопских говорах» — Г. К. Венедиктова. Заканчиваются и в ближайшее время будут сданы в печать некоторые

²³ В частности, следующие работы: Система ударения в говоре района Горно поле (СМБД, вып. 10); Морфология глагола горнопольского говора («Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XXIII); Звуковая система горнопольского говора (Сб. «Славянская филология», вып. 4).

²⁴ См., в частности, его последние работы: Болгарский язык как источник для реконструкции и древнейшей славянской акцентологической системы. М., Изд-во АН СССР, 1958, 47 стр.; Сравнительно-исторические комментарии к болгарскому ударению. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XVII, 1959, стр. 3–72.

²⁵ Г. К. Венедиктов. О «следах» старого сигматического аориста в современном болгарском языке. ВЯ, 1959, № 5, стр. 60–68.

другие работы, посвященные болгарским говорам на территории Болгарии.

12. В заключение — несколько слов о дальнейших задачах по изучению болгарских говоров в СССР.

Создание «Атласа болгарских говоров в СССР», публикация ряда статей и монографий и участие в работе по составлению атласа говоров юго-восточной Болгарии являются солидной базой, на которой советскими диалектологами могут быть построены значительные исследования болгарских говоров. Эти исследования и впредь должны охватывать разные стороны развития этих говоров.

Учитывая то, что говоры юго-восточной Болгарии теперь хорошо изучены по программе Болгарского лингвистического атласа, целесообразно обследовать по этой же программе и некоторые наиболее типичные болгарские говоры в СССР, генетически связанные с говорами юго-восточной Болгарии. Такому обследованию должны быть подвергнуты прежде всего говоры таких сел, как Твардица, Кирютня, о которых известно, что они имеют один и тот же источник с говорами конкретных сел Болгарии, уже изученных по программе атласа. Такое обследование весьма желательно, так как оно даст в руки исследователей большой и надежный материал, необходимый для изучения изменений как в говоре метрополии, так и в соответствующем говоре на территории СССР. Что такое изучение позволяет сделать важные выводы, наглядно показывает работа Ст. Стойкова, в которой дается сравнительный анализ говоров с. Твырдица в Болгарии и с. Твардицы в Молдавской ССР²⁶. Наличие ряда подобных работ даст возможность определить наиболее характерные изменения, происходящие как в говоре метрополии, так и в говоре переселенцев в течение определенного отрезка времени. Целесообразно, видимо, уже в ближайшие годы, не дожидаясь выхода в свет атласа северо-восточных и западных говоров Болгарии, провести обследование по программе атласа и типичных представителей чупмелийской, чийшийской, ольшанской и западно-болгарской групп говоров на территории СССР.

Наряду с этим следует продолжить и монографическое изучение говоров — как единых по происхождению, так и сложившихся в результате позднейшего междиалектного взаимодействия. Надо шире развернуть также изучение смешанных говоров, представляющих особый интерес и в общелингвистическом аспекте. В этой связи была бы весьма желательной публикация задуманного С. Б. Бернштейном большого исследования о языке г. Болграда, где происходит, с одной стороны, заметный процесс ассимиляции сливенским говором других говоров, а с другой стороны — процесс складывания своеобразного городского койнэ (см. об этом статью С. Б. Бернштейна [10]).

Если в прежних работах акцент делался преимущественно на выяснении исконно болгарского в говорах — и это было вполне оправдано, — то в будущем, по-видимому, следует больше внимания уделить изучению заимствований периода развития говоров на территории СССР. При этом важно исследовать не только заимствования из каждого языка — русского, украинского или румынского — в соответствующем говоре, но и определить общее в заимствовании из этих языков во всех говорах. Особый интерес представляет изучение хронологии романских и русских заимствований и их соотношения в современных бессарабских говорах.

²⁶ Ст. Стойков. Говор села Твырдицы (Сливенской околии в Болгарии) и села Твардицы (Молдавской ССР). СМБД, вып. 8, 1958, стр. 3—63.

Надо, несомненно, расширять тематику и объем исследований по синтаксису говоров. При этом и здесь следует пристальнее, чем это делалось раньше, отнестись к фактам иноязычного влияния, которые в болгарских говорах в СССР отнюдь не редки. Целесообразно, видимо, предпринять специальное исследование влияния, например, русского языка на синтаксис болгарских говоров в СССР.

Опубликованные до сих пор словарные материалы содержат семантически ограниченный, хотя и важный, круг лексики, охватывающий почти исключительно имена существительные. В будущем следует расширить тематику словарных материалов и лексикологических работ.

Желательно также увеличить объем публикации диалектных записей — как хранящихся в архиве Института славяноведения АН СССР, так и тех, которые будут записаны в будущем.

Наконец, советские диалектологи-болгароведы должны, несомненно, приложить свои усилия и к дальнейшему изучению говоров Болгарии. Участие в сборе материала для атласа говоров юго-восточной Болгарии и в составлении самого атласа дало в их распоряжение новый богатый материал, необходимый для создания целого ряда работ по различным вопросам болгарской диалектологии.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ ПО БОЛГАРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ¹

А. Статьи, материалы, монографии

1. Бернштейн С. Б. Атлас болгарских говоров СССР. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», т. II, 1952.
2. Бернштейн С. Б. Болгарский лингвистический атлас. ВАН, 1948; № 2.
3. Бернштейн С. Б. Болгарские говоры южного Буджака. СМБД, 1952, вып. 2.
4. Бернштейн С. Граюриле булгэрешть дии РССМ ши РССУ (режиуниа Одеса). — Лимба ши литература молдовеняскэ, 1961, № 2.
5. Бернштейн С. Б. Задачи изучения болгарских говоров в СССР. — «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. II, 1950.
6. Бернштейн С. Б. Заметки по болгарской диалектологии. «Славянская филология». Сб. статей, вып. 2. М., Изд-во МГУ, 1954.
7. Бернштейн С. Б. Из истории конъюнктивных местоимений в болгарских говорах. «Вестник МГУ», 1949, № 4.
8. Бернштейн С. Б. Лингвистический атлас болгарских говоров в СССР. ИОЛЯ, т. VIII, вып. 3, 1949.
9. Бернштейн С. Б. О некоторых вопросах лингвистического картографирования. «Славянская филология. Статьи и монографии». М., Изд-во МГУ, 1951.
10. Бернштейн С. Б. О языке города Болграда. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. II, 1950.
11. Бернштейн С. Б. Об одном важном источнике «Болгарского лингвистического атласа». «Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В. В. Виноградову». М., Изд-во МГУ, 1958.
12. Бернштейн С. Б. Отчет о диалектологической поездке в болгарские села Молдавской ССР и Измаильской области УССР летом 1947 года. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. I, 1949.
13. Бернштейн С. Б. Задачите на картографирането на българските народни говори (По материалите на «Атлас на българските говори на територията на СССР»). БЕ, год. V, 4, 1955.
14. Бернштейн С. Б. Към историята на българската диалектология. Сб. «Езиковедско-этнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски». София, 1960.
15. Бернштейн С. Б., Бунина И. К. Предварительный отчет о диалектологической экспедиции в болгарские села Молдавской ССР и Измаильской области УССР. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. I, 1949.

¹ В библиографию включены работы советских диалектологов, вышедшие из печати в послевоенное время.

16. Бернштейн С. Б., Журавлев В. К., Сенкевич М. Г., Толстой Н. И., Чешко Е. В. Отчет о диалектологической экспедиции в болгарское село Суворово летом 1951 года. СМБД, вып. 3, 1953.
17. Бернштейн С. Б., Чешко Е. В. Опыт классификации болгарских говоров СССР. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. IV, 1951.
18. Бернштейн С. Б., Чешко Е. В. Отчет о диалектологической экспедиции в болгарские села Запорожской области УССР в августе 1950 года. СМБД, вып. 2, 1952.
19. Бернштейн С. Б., Чешко Е. В., Зеленина Э. И. Атлас болгарских говоров в СССР. М., Изд-во АН СССР, 1958. 109 карт. Вступительные статьи и комментарии к картам.
20. Булаховский Л. А. Ударение старокрымского болгарского говора. «Сборник в честь на академик А. Теодоров-Балан». София, 1955.
21. Бунина И. К. Говор ольшанских болгар. Автореферат кандидатской диссертации. МГУ, 1951.
22. Бунина И. К. Говор ольшанских болгар. КСИС, вып. 7, 1952.
23. Бунина И. К. Говор ольшанских болгар. (+ Словарь говора ольшанских болгар. Тексты.) Кандидатская диссертация, Машинопись, М., 1951.
24. Бунина И. К. Заметки по морфологии глагола ольшанского говора. СМБД, вып. 7, 1955.
25. Бунина И. К. Звуковой состав и грамматический строй говора ольшанских болгар. СМБД, вып. 4, 1953.
26. Бунина И. К. Значение и употребление прошедших времен в говоре села Суворова Измаильской области УССР. СМБД, вып. 6, 1954.
27. Бунина И. К. Из истории вайсальских говоров. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. II, 1950.
28. Бунина И. К. Лексический состав говора ольшанских болгар. СМБД, вып. 3, 1953.
29. Бунина И. К. Словарь говора ольшанских болгар. СМБД, вып. 5, 1954.
30. Журавлев В. К. Говор села Криничное. Автореферат кандидатской диссертации. МГУ, 1957.
31. Журавлев В. К. Говор села Криничное. (+ Тексты и словарь). Кандидатская диссертация. Машинопись. М., 1957.
32. Журавлев В. К. Говор села Криничное (Чешма-Варуита). СМБД, вып. 7, 1955; вып. 8, 1958.
33. Журавлев В. К. Ташбунарский говор. СМБД, вып. 4, 1953.
34. Зеленина Э. И. Отчет о диалектологической поездке в болгарское село Терновку Николаевской области в июне 1954 г. СМБД, вып. 7, 1955.
35. Зеленина Э. И. Словарный состав суворовского говора. СМБД, вып. 7, 1955; вып. 8, 1958.
36. Клепикова Г. П. К вопросу о происхождении формы *casus generalis* существительных женского рода единственного числа *a*-основ в болгарском языке. СМБД, вып. 9, 1959.
37. Котова Н. Говор с. Твардицы Молдавской ССР (К истории сливенского говора). «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. II, 1950.
38. Котова Н. Говорът на Горно поле, Станкедимитровско и мястото му между югозападните български говори (+7 карт. Словарь). Кандидатская диссертация. Машинопись. София, 1960.
39. Котова Н. Наблюдения върху диалектното разнообразие в Станкедимитровско. ЕЛ, год. XV, 5, 1960.
40. Мухина Д. С. Функции предлога *от* в суворовском говоре. СМБД, вып. 6, 1954.
41. Плотникова Л. С. О некоторых особенностях говора села Кирютня Конгазского района Молдавской ССР. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. II, 1950.
42. Полтораднева Э. И. Заметки о языке болгарского села Кирсова Комратского района МССР. СМБД, вып. 3, 1953.
43. Полтораднева-Зеленина Э. И. Словарь говора болгарского села Суворово Одесской области УССР. СМБД, вып. 5, 1954.
44. Попова Т. В. К вопросу о типологической характеристике болгарских диалектов. ВЯ, 1961, № 5.
45. Чешко Е. В. Вторая диалектологическая экспедиция в болгарское село Суворово Измаильской области УССР в августе 1952 г. КСИС, вып. 12, 1954.
46. Чешко Е. В. Из итогов второй диалектологической экспедиции в болгарские села Измаильской области УССР, проведенной летом 1949 года. СМБД, вып. 2, 1952.

47. Чешко Е. В. Итоги работы по составлению лингвистического атласа болгарских говоров СССР. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. II, 1950.

48. Чешко Е. В. К истории кайракийского говора. (Болгарский говор села Лоциновки Болградского р-на Измаильской области УССР). СМБД, вып. 2, 1952.

49. Чешко Е. В. Предлоги локального и временного значения в болгарском говоре села Суворова. СМБД, вып. 6, 1954.

50. Чешко Е. В. Отчет о диалектологической поездке в болгарское село Тараклию Молдавской ССР и село Табаки Измаильской области УССР. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. I, 1949.

51. Швецова Т. В. Материалы для словаря болгарских говоров СССР. Словарь говора села Твардицы. СМБД, вып. 2, 1952.

Б. Рецензии

52. Зеленин А. Н. (на кн.: Ст. Стойков. Българска диалектология. За 1 курс на учителските институти. Второ поправено издание. София, 1955). СМБД, вып. 8, 1958.

53. Зеленина Э. И. (на кн.: «Известия на Института за български език», кн. IV. София, 1956). СМБД, вып. 9, 1959.

З. Н. Стрекалова

ПОЛЬСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА В 1959 ГОДУ

Богатая лингвистическая литература Польши привлекает внимание специалистов по различным отраслям славянского языкознания. В настоящее время в Польше выходит более десяти научных периодических и продолжающихся изданий, полностью или частично посвященных вопросам изучения славянских языков. Значительное место среди них занимают издания Польской Академии наук (ПАН), в частности Языковедческого комитета, который, наряду с серийными изданиями («Prace Językoznawcze», «Monografie Cech Gwarowych», «Studia Warmińsko-Mazurskie»), выпускает журнал «Onomastica», специально посвященный вопросам ономастики и топонимики. Комитет славистики ПАН издает журналы, обязательную часть которых составляют статьи по славянскому языкознанию. Вопросы изучения восточнославянских языков отражает кварталник «Slavia Orientalis». Продолжающимся изданием стали «Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej» (с 1955 г. вышло три тома этого сборника). Ведущим славистическим органом в Польше и библиографическим центром славянского языкознания является «Rocznik Sławistyczny». Предполагается возобновить издание журнала «Prace Filologiczne».

В 1958 г. Институт литературных исследований ПАН начал выпускать «Biuletyn Polonistyczny»; цель его — подробно информировать о работах, ведущихся в области польской литературы и языка. Бюллетень дает сведения о кадрах полонистов, работающих во всех научных учреждениях и вузах Польши и за ее границами, сообщает о планах полонистических центров, их печатных органах и важнейших успехах, особенно в области библиографии. Этот журнал, несомненно, будет способствовать координации работы полонистов в самом широком масштабе.

Кроме перечисленных изданий ПАН, выходит ежегодный «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», где содержатся статьи по общему и — главным образом — по славянскому языкознанию. Особое внимание уделяется применению структурных методов анализа в различных аспектах науки о языке (см., например, в томе 18 статьи Е. Куриловича, А. Богуславского, Ю. Вежховского и др.).

Журнал «Lingua Poznaniensis» публикует статьи, написанные на материале отдельных индоевропейских языков, а также исследования в сравнительно-историческом плане. Круг задач журнала очень широк. Статьи в нем печатаются на четырех языках; этот журнал осуществляет связь с зарубежными учеными.

подавляющее большинство статей в польской лингвистической периодике посвящено вопросам исследования родного языка. Различ-

ные стороны изучения современного польского языка, его истории и диалектологии освещаются журналом «Język Polski» — органом Общества любителей польского языка (выходит в Кракове 5 раз в год). Помимо научных статей, здесь публикуются рецензии, обзоры, хроника.

Большую роль в распространении научных знаний о польском языке играет журнал «Pracownik Językowy» (основан в 1901 г.; выходит в Варшаве по 10 номеров в год). В нем, кроме статей, печатаются также рецензии, имеется рубрика «Что пишут о языке»; большую роль играет раздел «Объяснения слов и выражений», который ведет редактор журнала акад. В. Доросhevский.

Оба эти журнала систематически публикуют новые записи польских диалектов в транскрипции, доступной читателю, не имеющему специальной подготовки.

Вроцлавское, Лодзинское и Познанское научные общества имеют свои лингвистические периодические издания. Статьи по славянскому языкознанию встречаются в многочисленных изданиях и других научных обществ — например, Щецинского, Люблинского, Торуньского. Это следует подчеркнуть особенно потому, что тематика их трудов, как правило, подчинена наиболее актуальным задачам, стоящим сейчас перед польскими лингвистами.

Вроцлавское научное общество в 1959 г. выпустило два тома нового издания «Rozprawę Komisji Językowej», тематика которого разнообразна, но важнейшую часть его содержания составит силезская языковая проблема, т. е. прежде всего история взаимовлияний польского, чешского и немецкого языков в Силезии, в сложных исторических условиях на протяжении нескольких веков.

Журналы «Polonistyka» и «Język Rosyjski» рассчитаны на преподавателей и посвящены в основном методике преподавания соответствующих языков.

Этнографические журналы «Lud», «Etnografia Polska», «Literatura Ludowa» печатают статьи и дают лингвистический материал для исследователей польских диалектов. В журнале «Pamiętnik Literacki» имеется раздел, где освещаются вопросы языка художественных произведений. Статьи по славянскому и общему языкознанию, а также рецензии помещают и другие журналы, посвященные смежным дисциплинам, — «Przegląd Historyczny», «Kwartalnik Historyczny», «Przegląd Humanistyczny», «Studia Filozoficzne», «Studia Źródłoznawcze».

Задача настоящего обзора — дать краткие сведения об основной тематике работ по польскому языку, помещенных на страницах польской периодики в 1959 году.

* * *

Экспериментальная фонетика представлена двумя большими статьями, где рассматриваются различные методы исследования в этой области. Л. Дукевич в статье «Анализ речи в трех измерениях» (ВРГЛ, 18, 185—193) подчеркивает роль спектрального анализа акустических элементов в речевом потоке; прилагаются спектрограммы нескольких слов. Г. Конечная в статье «Рентгенографические методы в экспериментальной фонетике» (N. Pol, № 1, 20—34) пишет об использовании метода фотографирования рентгеновскими лучами органов речи в момент произнесения отдельного звука. Тем же автором написана статья «Об общих принципах изменения согласных в словах» (Pog J, № 1, 17—27), где делается попытка уточнить термины «уподобление» и «расподобление» согласных.

В настоящее время много места на страницах польских лингвистических журналов отводится вопросам словообразования, усиленно изучаются и разрабатываются структурные методы исследования. А. Богуславский в статье «О принципах морфологического анализа» (ВРТЖ, 18, 87—96) дает критический разбор различных точек зрения по рассматриваемому вопросу (в частности, Г. О. Винокура, А. И. Смирницкого, Н. Д. Арутюновой). По мнению автора, словообразование должно заниматься лишь «регулярными образованиями», т. е. такими, где каждая составная часть имеет свое морфологическое значение; все остальные случаи образования новых слов должна рассматривать лексикология.

Статья Р. Гжегорчиковой и Я. Пузыны «К проблематике синхронного словообразования» (Pog J, № 6—7, 241—253) представляет собой попытку подвести итог связанным с этой проблематикой докладам, которые были прочитаны на кафедре польского языка в Варшавском университете. Авторы статьи считают, что постулат о разграничении синхронии и диахронии не может быть реализован в области словообразования в полной мере. В этом смысле их позиция прямо противоположна точке зрения А. Богуславского. Вопрос о понятии «словообразовательная модель» затрагивается в статье Ю. Вежховского «Словообразовательно-лексикологические заметки» (ВРТЖ, 18, 223—230). Т. Скулина на материале разговорного языка рассматривает «Увеличительные существительные, образованные путем обратной деривации» (J Pol, № 3, 190—202). М. Карась опубликовал исследование «О словообразовательных структурах типа *bialny, którny* в польском языке» (ВРТЖ, 18, 113—136). Д. Весоловская напечатала статью «Очередность составных частей в сложном притягательном» (J Pol, № 4, 264—275).

Вопросы синтаксиса освещаются в статье З. Клеменевича «Принципы и результаты второй фазы деятельности Лаборатории польского исторического синтаксиса Института языкознания ПАН в Кракове» (Sprg WN Społ, № 3—4, 28—34), а также в некоторых конкретных исследованиях: Я. Залесского — «Звательный падеж от мужских личных имен и нарицательных существительных (формы типа *Józiu, Stasiu, wujciu, dziadziu*)» (J Pol, № 1, 32—50); К. Гарер-Писарковой — «Падеж дополнения в предложении, содержащем отрицание» (J Pol, № 1, 9—32), В. Климонова — «Вид и время в конструкциях со страдательным причастием в польском языке» (Pog J, № 3—4, 132—147).

Польская диалектология представлена в периодике 1959 г. рядом статей по общим вопросам изучения говоров. Статья В. Помяновской «О работе над пробными картами славянских диалектов» (Pog J, № 3—4, 107—115) содержит сообщение о научной и организационной работе над общеславянским атласом, проделанной в последнее время в Польше. Иллюстративный материал — карты и комментарии к ним — дает статья Г. Городыской и С. Пожарицкой «Названия утки в славянских языках» (Pog J, № 3—4, 115—119). Е. Лотко, продолжая дискуссию о разграничении смешанных и переходных говоров, подчеркивает актуальность данного вопроса для изучения диалектов на границе польской и чешской языковой территории («К вопросу о смешанных и переходных говорах» — J Pol, № 4, 291—295).

Я. Вуйтович написала статью «О причинах сохранения фонетических реликтов в говорах» (Pog J, № 3—4, 157—162). О некоторых итогах послевоенной диалектологической работы, сосредоточенной на воссоединенных землях, сообщает В. Дорошевский («Работа по диалектологии на Мазурах и в Вармии» — Lit Lud, № 3—4, 26—31) и Г. Лисовская («Состояние изучения говоров Вармии и Мазур» — WM, № 12).

Задачу организации сотрудничества научных учреждений со школами в целях исследования говоров выдвигают В. Дорошевский (GN, № 35) и В. Помяновская (GN, № 40). М. Грухманова опубликовала работу «Материалы по великопольским говорам, собранные А. Томашевским» (ZN Mick, № 3, 3—11).

Вопросы фонетики на материале диалектов рассматриваются в статьях А. Сцеборы «Синхронная артикуляция гласной *a* в кашубском языке» (Pog J, № 5, 213—223) и «Замечания о произношении группы *a + n* в некоторых кашубских говорах» (Pog J, № 3—4, 147—157). А. Басара исследовала «Переход *ar > er* на Мазовше» (Pog J, № 6—7, 286—290). Описания отдельных диалектов сделаны З. Загурским («Говор села Ставница в Златовском повяте» — ZN Mick, № 3, 55—108), З. Соберайским («Очерк польских говоров в районе Старой Любовли в Словакии» — ZN Mick, № 3, 25—55), М. Ляевым («Заметки о флексии и синтаксисе гутянского диалекта» — Rozpr ŁTN, VI, 95—113) и Я. Гавлик-Майовой («Именная флексия в лясском говоре в Кшановицах» — Rozpr ŁTN, VI, 113—129).

Диалектный материал послужил основой для статей: К. Циергоффера — «Название цепов и их частей в Великопольше» (ZN Mick, № 3, 11—24), В. Купишевского — «Народная лексика в области астрономии. II. Диалектные названия звезд» (Pog J, № 6—7, 290—300), Я. Басары — «Название *kołowrotka* (замка) в польских говорах» (Pog J, № 3—4, 162—165). С. Грабец в статье «Польский суффикс *-es* с предшествующей твердой согласной» (Rozpr ŁTN, VII, 5—9) рассматривает вопрос о распространении этого суффикса в различных говорах.

Внимание лингвистов, занимающихся историей польского языка, уже неоднократно привлекал вопрос о влиянии чешского языка на польский в древний период. Интерес к этой проблеме нашел свое выражение, в частности, в работе М. Басая и Я. Сятковского (см. отчет «К вопросу о чешском влиянии на польский язык XVI века» — Spr WN Społ, № 3—4, 35—43). Малоработанному вопросу морфологии глагольного вида посвящено исследование Т. Скулины «О глагольном виде в словаре Я. Мончинского» (ZN Mick, № 3, 109—151). Автор провел статистическую обработку обширного материала латино-польского словаря 1564 г., что позволяет охарактеризовать состояние категории вида в XVI в. М. Юрковский провел небольшое конкретное исследование «Из истории категории одушевленности» (J Pol, № 3, 180—190). Частному вопросу истории языка посвящена и работа Г. Малецкой-Палашовой «История и география исчезающего в польском языке слова *chyża*» (J Pol, № 4, 275—291). «Польские тексты конца XV века» издал Р. Лещинский (Rozpr ŁTN, VII, 53—60).

Язык писателей XVI и XVII вв. изучали Г. Борек («Фразеология А. Гдация» — Rozpr WgTN, II, 139—175), а также С. Бонк — «О языке польских произведений А. Тшеческого» (Rozpr WgTN, I, 65—85) и «Псалм 67 Анджея Тшеческого» (Rozpr WgTN, II, 187—203); последний показал наличие в языке А. Тшеческого малопольских диалектных черт. М. Борсудкая внесла поправки в польский материал по новому изданию словаря Я. Станки («Словарь Яна Станки 1472 года» — Rozpr WgTN, I, 205—212).

Историческая диалектология, как известно, является одной из проблем, которым польские лингвисты придают большое значение.

Вопрос о диалектных чертах памятников начала XVI в. «Sprawa chędogo» и «Ewangelia Nikodema», рассмотренный Я. Петром¹, вызвал

¹ J. Petr. K lokalisaci rukopisu «Sprawa chędogo» z r. 1544. «Slavia», roč. XXVII, 3, Praha, 1958.

дискуссию, в результате которой появились статьи М. Баргель «О локализации и языковых различиях произведений *Sprawa chędogo i Ewangelia Nikodema*» (*Rozpr ŁTN*, VII, 9—33) и «Несколько методологических замечаний по поводу исследований древнепольского языка» (*J Pol*, № 2, 128—132). Автор ставит своей целью изложить принципы анализа тех языковых черт, которые позволяют установить диалектную принадлежность памятника. О работе Я. Петра высказывался также С. Урбанчик (*J Pol*, № 1, 78). Н. Гурневич в статье «Изменения в диалекте Дравска» (*Rozpr ŁTN* VII, 61—75) излагает свои наблюдения над развитием диалекта за период около тридцати лет. С. Речек опубликовал «Пять польских судебных показаний в Силезии в 1561 году» (*Rozpr WgTN*, I, 111—149), сопроводив их анализом фонетических, морфологических и лексических особенностей памятника. Анализ языка силезских документов несколько более позднего периода дал Е. Копец в статье «Книга войта из Ополя (1698—1721)» (*Rozpr WgTN*, I, 185—205). А. Паздур посвятила вопросам исторической диалектологии свое исследование «Диалектные черты в городской книге Опатувка конца XVII в.» (*Rozpr ŁTN*, VI, 47—57).

Лексикологией в историческом плане занимались А. Паздур («Заметки о польской лексике XVII века» — *Rozpr ŁTN*, VII, 33—35), К. Секерская («Существовало ли слово *Kuszyk* в польском разговорном языке» — *Por J*, № 9, 408—410), В. Теньковский («Лексикологические исследования»: *Por J*, № 6—7, 267—285 — история слов *Lazarz*, *lazaret*; *Por J*, № 6—7, 308—317 — история слова *litewka*).

Лексикографии посвящены статьи: В. Дорошевского — «Новый словарь польского языка, его история и принципы» (*Por J*, № 3—4, 101—107), З. Клеменевича — «Объем синтаксической информации в словаре польского языка XVI века» (*Spr WN Społ*, № 1, 39—41), Э. Воронецкого — «Словари Алоизия Осинского найдены» (*Por J*, № 3—4, 174—180) и «О предисловии к словарю и структуре „Богатств польской речи“ А. Осинского» (*Por J*, № 5, 203—213).

В области стилистики польского языка появился ряд статей, связанных с дискуссией о языке Веха. Из работ научного характера следует упомянуть «О языке Веха и так называемых вехизмах» Б. Вечоркевича (*PrzHum*, № 6, 37—56). Этому вопросу были посвящены краткие выступления в журнале «*Język Polski*» (№ 3, 232; № 5, 384). Д. Бутлер сделала интересные наблюдения над распространением в разговорном языке эмоционально окрашенных нелитературных слов («Эмоциональная лексика в современном польском языке» — *Por J*, № 1—2, 68—78). С заметкой «Еще раз относительно модернизации архаичных форм типа *osmy*, *teológ*, *woznica*, *śpisek*» (*Pam Lit*, № 1, 159—162) выступила И. Байерова.

Язык отдельных писателей анализировали В. Дорошевский («Галлицизмы в письмах А. Мицкевича» — *Por J*, № 1—2, 6—7), Р. Синельникова («Творительный образ действия в поэзии Ю. Тувима» — *Por J*, № 3, 393—408), К. Хандке («Архаизация языка в „Старой легенде“ И. Крашевского» — *Rozpr ŁTN*, VI, 145—161), И. Шлесиньский («О языке произведения С. Твардовского „*Wojna domowa*“» — *Rozpr ŁTN*, VII, 37—52) и другие.

Проблемы перевода неоднократно ставились в 1959 г. в квартальнике «*Slavia Orientalis*». Их касается К. Олива в статье «Некоторые вопросы перевода с польского языка на чешский» (*J Pol*, № 4, 251—264). Историей вопроса занималась Т. Татаркевич («О польских теоретиках перевода в XVIII в. и на рубеже XIX в.» — *PrzHum* № 4, 71—91).

Широко представлены в польской лингвистической периодике вопросы топонимики. Два больших исследования, связанные с силезской

языковой проблемой, опубликовал С. Роспанд: в статье «Этнические и языковые отношения в Нисском и Немодлинском районе» (Rozpr WrTN, I, 7—65) дается анализ местной ономастики, начиная с XIII в., с учетом сложных условий польско-немецкого языкового симбиоза; другая работа, «Силезские топонимические исследования. I. Топография» (Rozpr WrTN, II, 37—65), открывает задуманный цикл статей о силезской топонимике — в ней автор формулирует принципы подхода к материалу. В. Смех написал «Заметки о развитии топонимических названий на территории бывшего серадзского повята» (Rozpr ŁTN, VI, 33—74). Б. Сичинский дал анализ польских фамилий в Силезии («Фамилии с элементом -к- в книге крещений из Лончина 1684—1715 гг.» — Rozpr WrTN, II, 65—89). В. Робовский написал научно-популярную статью «Славянским топором» (Nadodrze, 5), где речь идет о славянском происхождении географических названий на воссоединенных землях, К. Циергоффер — «Диалектное звучание названий деревень в Опатовском и Сандомерском повятах» (J Pol, № 2, 106—121). Несколько восточнославянских параллелей к польским топонимическим названиям дает А. Супрун в заметке «Еще раз о топографических названиях Podgóra, Zalas» (Por J, № 6, 306—308). Е. Мосько опубликовал исследование «Происхождение названий Szamarzowice, Szamarzewo» (Por J, № 6—7, 304—306) и этимологию географического названия Bnin (Por J, № 3—4, 165—174).

Т. Лер-Сплавинский опубликовал «Несколько замечаний о славянском названии Дуная» (Spr WN Społ, № 3—4, 74—78), а также статью, посвященную племенным названиям («Łędzice-łędzanie-lachowie» — Spr WN Społ, № 3—4, 78—79). Последние две статьи выходят за рамки полонистики и относятся к славяноведческой тематике в широком понимании.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- BPTJ — Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Kraków, XVIII, 1959.
 GN — Głos Nauczycielski. Warszawa, 1959.
 J Pol — Język Polski, XXXIX. Kraków, 1959.
 Lit Lud — Literatura Ludowa, III. Warszawa, 1959.
 N Pol — Nauka Polska. Warszawa, 1959.
 Nadodrze — Nadodrze, t. III. Zielona Góra, 1959.
 Pam. Lit — Pamiętnik Literacki, L. Warszawa, 1959.
 Por J — Poradnik Językowy, LIX. Warszawa, 1959.
 Przhum — Przegląd Humanistyczny. Warszawa, 1959.
 Rozpr ŁTN — Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego, t. VI, VII. Łódź, 1959.
 Rozpr WrTN — Rozprawy Komisji Językowej Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, t. I, II. Wrocław, 1959.
 Spr WN Społ — Spawozdania z prac naukowych Wydziału nauk Społecznych. Warszawa, 1959.
 WM — Warmia-Mazury. Zielona Góra, 1959.
 ZN Mick — Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, Filologia Nr. 3. Poznań, 1959.

О. Н. Трубачев

И. С. ВАХРОС. НАИМЕНОВАНИЯ ОБУВИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Древнейшие наименования — до Петровской эпохи. Хельсинки, 1959 г., 271 стр.

Послевоенные годы принесли славянскому языкознанию богатый урожай в области монографических исследований словарного состава славянских языков в лексикологическом и этимологическом плане. Здесь можно было бы назвать публикации, принадлежащие перу славистов разных стран (ср. хотя бы работы В. Махека о чешских и словацких названиях растений, его же статьи о ряде названий птиц, рыб, о названиях пяти чувств и др., В. Важного — о словацких названиях бабочек, Р. Бернара — о болгарских названиях одежды, И. Новиковой — о восточно-славянских названиях грызунов и ряд работ других авторов).

Однако справедливость требует отметить, что наиболее устойчивые интересы в этой области и вообще вкус к исследованиям такого рода характеризуют в последнее время особенно скандинавские страны (включая Финляндию). Монографические исследования славянских слов — группами или взятых в отдельности — стали здесь традицией. Разумеется, есть и здесь работы более удачные и менее удачные, но большинство из них подготовлено весьма основательно, с исчерпывающим, как правило, привлечением широкого круга источников (лингвистических и нелингвистических). Таковы, например, книги: Г. Якобссона — о славянском названии лета, о словах с корнем **tep-*, статья о названии дуба, Г. Гуннарссона — о славянском названии церкви, Г. Эрне — о названиях цветов в славянских языках, ряд работ К.-У. Фалька, В. Кипарского и др. Работы этих ученых имеют этимологическую направленность и в этом отношении представляют заметный вклад в современную славянскую этимологию, не говоря уже о том, что они вообще интересны для лексикологии как солидные собрания тщательно обработанного материала по лексике.

К числу лучших из них можно причислить вышедшую в Хельсинки в 1959 г. книгу И. С. Вахроса о русских названиях обуви. И. С. Вахрос, ученик Я. Калимы, представил это свое первое крупное исследование в качестве диссертации. С внешней стороны книгу характеризует удобное расположение материала: этнографического — в начале работы и лексического — в виде словарных статей по алфавиту. Весь лексический материал этого своеобразного этимологического словаря старых русских названий обуви полностью отражен в словоуказателе, облегчающем пользование книгой. Говоря о внешней стороне работы, не лишне отметить богатство иллюстраций с изображениями реалий, а также то, что книга написана на хорошем русском языке и, наконец, прекрасно издана (имея в виду качество набора примеров на разных языках).

Подробное ознакомление с содержанием приводит к мысли, что перед нами образцовое во многих отношениях исследование. Из предисловия мы узнаем, что работе над книгой предшествовал не только анализ всего доступного лексического материала, включая Картотеку древнерусского словаря Института русского языка АН СССР в Москве, но также изучение этнографических и исторических материалов по обуви в музеях Москвы, Ленинграда, Стокгольма, Лунда и Копенгагена. Это послужило достаточным основанием для применения известного старого метода «слов и вещей», используемого И. С. Вахросом весьма удачно и результативно. Сопоставление данных языкознания и истории материальной культуры проводится автором обычно с достаточным тактом и умением, и в этом смысле его опыт достоин пристального изучения. Лингвистическая специфика данного исследования нигде не упускается им из виду, поэтому вполне справедливы слова, сказанные самим И. С. Вахросом в заключении: «Нам хочется особо подчеркнуть, что, при принятии решения относительно этимологии какого бы то ни было названия обуви, мы всегда старались, в первую очередь, исходить из лингвистических соображений» (стр. 204).

Чтение этимологической части работы убеждает в прекрасной подготовке автора, широко осведомленного в материалах различных языков, привлечение которых необходимо для правильного решения вопросов происхождения различных названий обуви в русском языке, в частности — финно-угорских и шире — уральских, а также алтайских. Автор постоянно учитывает также славянский и индоевропейский материал и всю имеющуюся литературу вопроса. Этимологическая часть представляет для читателя главный интерес. Автор проявляет себя здесь как пытливый этимолог, обогащающий нас целым рядом новых вероятных толкований, значительное число которых можно не колеблясь назвать правильными.

Этимологическая проблематика такой тематической группы лексики, как названия обуви, отличается значительной сложностью. В отличие от тех групп, основу которых составляет древнее лексическое ядро, данная лексическая группа оформилась как таковая из элементов, разнородных по возрасту и происхождению. Ограничение исследования рамками восточнославянской терминологии, предпринятое И. С. Вахросом, следует признать разумным. Оно логически вытекает из специфичности оформления данной группы названий и позволяет, кроме того, углубленно исследовать предмет. Иными словами, тема «Славянские наименования обуви» обладала бы гораздо меньшей жизненностью в силу значительной автономности и разобщенности материала по отдельным языкам. Из 56 названий обуви, подвергнутых анализу в книге, автор относит к общеславянскому наследию или к исконным образованиям восточнославянского и русского языков 28 (т. е. лишь половину общего количества). В действительности названий, которые могут быть сочтены праславянскими, оказывается гораздо меньше. Таковы среди русских терминов, например, *гача*, *лапоть*, *ногавица*, *обувь*, *онуча*, **обуча*, *копытце*, *черевие* (стр. 205) — всего 8 слов, причем *гача* (вероятно, 'короткие штаны'), должно быть, строго говоря, исключено из названий обуви.

После этого совершенно очевидно, что основной пафос этимологического исследования русских названий обуви состоит в выявлении путей заимствования доброй половины наименований, в определении их иноязычных источников. Это и было важной задачей работы И. С. Вахроса, успешное решение которой является вместе с тем основной его заслугой.

Рецензируемый труд преследовал целый комплекс задач (ср. особенно их итоговый обзор на стр. 212), но главной среди них можно назвать этимологизацию. И. С. Вахросу удалось существенно продвинуть этимологическое изучение данных названий. Это явствует из сравнения с существующими этимологиями, подвергнутыми в книге коренному пересмотру.

Всесторонний характер исследований и умение обращаться с этимологическим материалом позволили автору представить происхождение некоторых слов в совсем ином плане, дать новое направление этимологической мысли. Так, слово *бахилы* 'высокие мягкие сапоги вроде чулок, подвязываемые повыше колен' (с XVII в.), безуспешно сближавшееся ранее с *башма́к* или со ср.-лат. *bacle* 'вид обуви' или вообще признававшееся темным (М. Фасмер), объяснено И. С. Вахросом как заимствование из тюркских (ср. тюрк. *baγ-* 'связывать', туркм., тур. *baγly* 'связанный' — стр. 65—66). Др.-русс., русск. диал. *ичетыги* 'мягкие чулки-сапожки без каблуков, под башмаки' (с XVI в.), тюркское происхождение которого предполагалось и прежде, объяснено здесь с учетом всех особенностей и возможностей из тюрк. (поволжск.) **ičitək/*ičitik* 'исподняя обувь' (стр. 92), с чем нельзя не согласиться. Др.-русс. *торбосы, торбасы* 'высокие сапоги из оленьей, лосиной, конской или коровьей шкуры, шерстью наружу' (с XVII в.), русск. *торбасы*, оставляемое М. Фасмером без конкретной этимологии, И. С. Вахрос правдоподобно объясняет из якут. *ätärbäs* 'высокий олений, лосиный сапог', искусно толкуя фонетические изменения, сопутствовавшие заимствованию, как аккомодацию слова с необычным для русского сингармоническим звуковым образом. Изучение реалий укрепляет автора в окончательном выводе относительно этимологии этого названия: «Обувь якутская, слово также якутское» (стр. 174).

В отдельных случаях уже известные этимологические идеи получили в работе И. С. Вахроса новую обстоятельную аргументацию. Так, он подверг критике этимологию А. И. Соболевского — *сапог* < *сап-/соп-* 'сопеть', действительно уязвимую с точки зрения известных словопроизводных возможностей вариантов корня *сап-/соп*. В результате пересмотра существующих этимологий И. С. Вахрос окончательно останавливает свой выбор на решении, близком к объяснению К. Менгеса, а именно видит в слове *сапог* тюркизм (ср. тюрк. *sap* 'рукоятка, стебель, голенище', конкретно из др.-тюрк. диал. **sapaγ, *sariγ* — стр. 168). Можно думать, что И. С. Вахрос нашел верное решение.

Естественно, что не все в работе в одинаковой степени удачно. Так, может быть, не стоило усматривать в *калика* 'паломник, слепой нищий, собирающий милостыню пением духовных стихов' слово, отличное по происхождению от *калига* (вариант — *калика*) 'башмак', и этимологизировать название странника из тюрк. *qalyq* 'народ' (стр. 99—100).

Еще одно конкретное замечание фонетического характера. Повторяя правильную этимологию Я. Калимы: русск. (стар., диал.) *улеги* 'вид сапог' < фин. *uilo* 'полусапожек' (стр. 177—178), — автор напрасно видит основное затруднение в русской передаче фин. *ui* через *y-* (вместо **yü-*). Этот случай понятнее в рамках цельного фонетического образа давнего заимствования, что сам И. С. Вахрос уже имел возможность продемонстрировать на таком ярком примере, как *торбас* < *ätärbäs*. Это значит, что данный случай вовсе не дает оснований абстрагировать фонетический переход *ui* > русск. *y-*. В то же время анализ целого слова *уле(ги)* совершенно недвусмысленно указывает на возможность эпентетического перемещения элемента *i* и связанную с этим мягкость *л'*: фин. *uilo* > > русск. *уле(ги)*.

Я. Шолта

О РАБОТЕ ИНСТИТУТА ЛУЖИЦКОГО НАРОДОВЕДЕНИЯ (ГДР)

Наш институт основан в Бауцене (Будышине) в 1951 г. и в соответствии с решением Совета Министров Германской Демократической Республики передан в ведение Германской Академии наук в Берлине. Целью Института лужицкого народоведения является разработка основ культурного развития лужицкого населения.

Тем самым наш институт взял на себя выполнение задач, которые стояли перед «Матицей сербской», основанной в 1847 г. и запрещенной в годы гитлеровского фашизма. «Матица сербская» возобновила свою деятельность после поражения нацистского режима в результате победы Советской Армии и включена в качестве самостоятельного учреждения в лужицкую национальную организацию — Домовину. Однако вскоре выяснилось, что организационная форма «Матицы» была недостаточна для выполнения задач, которые возникли после 1945 г. Поэтому было признано целесообразным основать научно-исследовательский институт при Германской Академии наук.

Таким образом, Институт лужицкого народоведения унаследовал от «Матицы сербской» все положительное в научных достижениях прошлого и взял на себя обязательство развивать дальше в новых условиях и на основе передовой научной теории марксизма-ленинизма наследие таких известных ученых, как Я. А. Смолер, М. Хорник, Б. Швела, А. Мука, О. Вичаз.

Последствия фашистской политики террора против лужичан проявились в области науки в том, что не только сама «Матица сербская» была запрещена, но были конфискованы и уничтожены ее публикации. Обширная библиотека была также изъята; книги и архивные материалы, среди которых находились и некоторые уникальные экземпляры древнейших изданий, были переработаны на бумагу. От когда-то богатой библиотеки сорабистики, которую пополняли известные слависты всех славянских стран, после войны сохранилось лишь около 2000 томов.

В то время почти совсем не было научных кадров, в особенности кадров молодых. Имевшиеся же научные работники после 1945 г. были заняты практическими задачами демократического строительства. Только после ряда лет стало возможным основание Института лужицкого народоведения, хотя соответствующие планы существовали уже раньше.

В 1951 г. в институте было три научных сотрудника; теперь их 17 и около 10 технических сотрудников. К этому следует прибавить некоторое число ученых, сотрудничающих на договорных началах, и

других внештатных сотрудников. Институтская библиотека насчитывает приблизительно 35 000 томов.

Институт лужицкого народоведения является комплексным институтом с различными секторами: истории, краеведения, истории литературы, языковедения и этнографии.

Прежде чем характеризовать деятельность отдельных секторов института, я хотел бы отметить еще одно явление: научные устремления «Матицы сербской» в прошлом направлялись прежде всего на вопросы языковедения, меньше — на вопросы этнографии и литературы. Совершенно неудовлетворительно развивались исторические исследования. Из этого следует, что задачи и проблематика отдельных секторов института должны были отличаться друг от друга.

Сектор этнографии концентрировал свое внимание на важной проблеме инвентаризации этнографических материалов. Эту работу он продолжает и теперь. Вследствие быстрого экономического развития Лужицы и связанных с ним изменений в жизни общества эта проблема стала особенно актуальной. В тесной связи с данной проблемой находится план создания Центрального музея истории и культуры лужицян. Создание этого музея, конечно, не является задачей института. Однако институт должен при этом провести решающую часть работы, которая ложится прежде всего на сектор этнографии. Сектор этнографии опубликовал три тома «Атласа лужицко-сербских народных костюмов»¹ и готовит к печати следующие два тома.

Надо упомянуть и монографии П. Недо — о лужицких сказках² и Э. Дойчмана — о лужицких деревянных постройках³. Подготовлены к печати история лужицкого народного музыкального творчества и собрания лужицких народных песен, не опубликованных Я. А. Смолером.

В центре работы сектора этнографии в семилетнем плане находится изучение общественных изменений в деревне в эпоху капитализма и в период перехода к социализму. Сектор публикует статьи, материалы и библиографию в серии «С» Летописи института; уже опубликовано три таких выпуска.

Сектор языковедения с самого начала занимается разработкой проблем лексикологии и диалектологии. Чтобы удовлетворить большую потребность в словарях, после войны были изданы большой верхнелужицко-немецкий словарь и карманные немецко-верхнелужицкий и немецко-нижнелужицкий словари, составленные на основе более ранних словарей и материалов из архива Б. Швелы⁴. При секторе языковедения работает терминологическая комиссия. Уже несколько лет подготавливается к изданию большой нормативный немецко-верхнелужицкий словарь, который составляется на основе обширных извлечений из

¹ Serbske narodne drasty. t. 1. M. Nowak a P. Nedo. Drasta Slepjanskich Serbow. Budyšin, 1954; t. 2. Jan Meškank. Drasta katolskich Serbow. Budyšin, 1957; t. 3. E. Krawc. Drasta Serbow wokoło Wojerec. Budyšin, 1959. Эти труды опубликованы на лужицком и немецком языках.

² P. Nedo. Sorbische Volksmärchen. Quellenausgabe mit Einführung und Anmerkungen. «Schriftenreihe des Instituts für sorbische Volksforschung», Nr. 4. Bautzen, 1956.

³ E. Deutschmann. Lausitzer Holzbaukunst. Unter besonderer Würdigung des sorbischen Anteils. «Schriftenreihe des Instituts für sorbische Volksforschung», Nr. 11. Bautzen, 1959.

⁴ F. Jakubaš. Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954; A. Mišaš. 10 000 Worte Deutsch-Sorbisch. Bautzen, 1950; A. Mišaš. 10 000 słowow serbsko-němski. Budyšin, 1952; B. Šwela. Deutsch-niedersorbisches Taschenwörterbuch. Bearbeitet von A. Mišaš. Bautzen, 1953.

произведений лучших лужицких стилистов и лужицких газет и журналов, начиная с конца XIX в. до современности, и который должен отразить нынешнее состояние лужицкого языка. В рамках диалектологических работ были проведены в сотрудничестве с Лужицким институтом в Лейпциге фонографические обследования верхнелужицких диалектов. Теперь будут проводиться диалектологические исследования нижнелужицкой языковой области (фонографически и с помощью анкеты, содержащей 3 000 вопросов) — в сотрудничестве с академиями наук СССР, Польши и Чехословакии. Нас особенно радует участие в этом мероприятии Института славяноведения АН СССР, что является первым шагом к более тесному контакту и сотрудничеству наших институтов. Материал диалектологических исследований будет использован для лужицкого диалектологического атласа и одновременно поможет в подготовке работ по общеславянскому лингвистическому атласу, который предусматривает сбор материала в семи пунктах на лужицкой территории. В этой связи следует упомянуть также монографию З. Михалка о новомесчанском диалекте.⁵ К сфере деятельности сектора языкознания относится изучение топониматики (в рамках германо-славянских исследований под руководством профессоров Т. Фрингса и Р. Фишера в Лейпциге). В настоящее время в нашем институте обрабатываются местные названия Хойерсвердского и Вейсвассерского районов. В будущем перед сектором языкознания станет задача создания на основе указанных работ научной грамматики верхнелужицкого языка. Отдельные исследования по структуре верхнелужицкого литературного языка также представляют важный вклад в решение этой большой задачи. Совместно с сектором литературоведения издаются статьи, материалы, рецензии, библиография в серии «А» Летописи Института лужицкого народоведения. Появилось пять выпусков этой серии; шестой выпуск появится в скором времени.

Основными задачами, стоявшими перед сектором литературоведения, были сбор материала и изучение произведений отдельных писателей. Так, появился первый том истории лужицкой письменности Р. Йенча, охватывающий лужицкую письменность, начиная с ее зарождения и до 1870 г., включая и творчество Х. Зейлера⁶. Второй том также готов и находится в печати. Он охватывает период от 1870 г. до конца первой мировой войны. Том выйдет из печати в ближайшее время. Были опубликованы монографии О. Вичаза о лужицком поэте Х. Зейлере⁷, М. Кречмара — о литературном критике Миклауше Андрицком⁸. Находится в печати работа директора института П. Новотного о национальной программе лужицкого поэта Якуба Барт-Тишинского⁹. Близки к завершению монографии о писателях Якубе Лоренц-Залеском (XX в.), Яне Арноште Смолере и Яне Радьсербе-Вели (вторая половина XIX в.). В последующие годы работа сектора будет сосредоточена на истории лужицкой литературы XX в., причем вначале будет проводиться изучение творчества отдельных писателей и отдельных проблем. Наконец, как коллективная работа должна быть написана до 1965 г. история лужицкой письменности 1918—1945 гг.

⁵ S. Michalk. Der Dialekt von Neustadt (Kreis Hoyerswerda). (Печатается).

⁶ R. Jenč. Stawizny serbskeho pismowstwa, t. I. «Spisy Instituta za serbski ludospyt», Nr. 1. Budyšin, 1954.

⁷ O. Wičaz. Handrij Zejler a jeho doba. Ze zawostajenstwa wudał P. Nowotny. «Spisy Instituta za serbski ludospyt», Nr. 2. Budyšin, 1955.

⁸ M. Krječmař. Mikławš Andricki — jeho žiwjenje a skutkowanje. «Spisy Instituta za serbski ludospyt», Nr. 3. Budyšin, 1955.

⁹ P. Nowotny. Čišinskeho narodny program. (Печатается).

Сектор литературоведения издал лужицкие путевые дневники Арношта Муки¹⁰, избранные отрывки из произведений чешского этнографа, литературного критика и публициста Адольфа Черного, посвященные Лужице¹¹, переписку деятелей культуры Лужицы¹² и т. д. Такие публикации источников особенно важны потому, что комплекты журналов и книг были почти полностью уничтожены фашистами, а в библиотеке института многие ранние издания имеются лишь в одном экземпляре. Публикация источников облегчает исследование лужицкой литературы вне Лужицы и ГДР. Была опубликована также библиография лужицкой письменности за 1945—1957 гг.¹³

В секторе краеведения института работает только один научный сотрудник. До 1958 г. в этом секторе в сотрудничестве с Институтом славяноведения при университете им. В. Гумбольдта в Берлине был проведен сбор статистических данных о современной численности населения, говорящего по-лужицки. Эти материалы не были опубликованы. Теперь сектор краеведения занимается исследованиями по исторической статистике и демографии лужицкого населения с XVI в. до первой половины XIX в. (т. е. до проведения официальной государственной переписи населения в Саксонии и Пруссии). Сотрудником Фр. Метшком, разрабатывающим эту тему, было уже опубликовано несколько обзоров в лужицких, немецких и польских научных журналах, например, о национальном соотношении и о социально-экономической структуре населения города Бауцена в начале XIX в., о лужицко-польской языковой границе в XVI и XVII вв., о лужицко-немецкой языковой границе в Верхней Лужице в XVI в., о передвижении населения и об изменении структуры населения в отдельных областях Лужицы, об отношении властей феодального государства к лужицкому языку в церковной и школьной политике и т. д.¹⁴ Работы по исторической статистике и демографии будут продолжаться в течение семилетия.

Сектор истории в своей деятельности с самого начала опирается на соглашения о сотрудничестве с другими институтами, изучающими историю: с Лужицким институтом при университете имени Карла Маркса в Лейпциге и Краевым музеем доистории в Дрездене. В соответствии с этим Лужицкий институт в Лейпциге изучал проблемы средневековья, а институт в Бауцене — историю позднего феодализма,

¹⁰ A. M u k a. Pućowanie po Serbach (1876—1903). (Zhromadził a dosłowo spisał J. Młynk). «Pomniki serbskeho pismowstwa», Nr. 2. Budyšin, 1957.

¹¹ A. Č e r n ý. Antologija jeho džělow. (Zezběrał, zdžěla přełožil a předślowo napisał J. Cyž). «Spisy Instituta za serbski ludospyt», Nr. 9. Budyšin, 1958.

¹² Čišinskeho listowanje z Muku a Černym. Wudałož z přispomnjenjemi M. Krječmar a P. Nowotny. «Spisy Instituta za serbski ludospyt», Nr. 8. Budyšin, 1958. См. также: Chrestomatija dolnoserbskego pismowstwa, t. I. Berlin, 1956; t. II. Berlin, 1957. Zběrał, zestajał a literarhistoriski wobžělał F. Mětsk. (Другие публикации источников см. в серии «А» Летописи института).

¹³ J. Młynk. Serbska bibliografija 1945—1957 z dodawkami do 1945. «Spisy Instituta za serbski ludospyt», Nr. 10. Budyšin, 1959.

¹⁴ F. Mětsk. Narodnostne poměry w měsće Budyšinje a socialekonomiska struktura jeho serbskeho wobydlerstwa w započatku 19. lětstotka. «Lětopis», rjad B, 1956; Serbsko-pólska rěčna hranica w 16. a 17. lětstotku. «Lětopis», rjad B, 1958; Zur Frage der deutsch-sorbischen Sprachgrenzen des 16. Jahrhunderts im Markgraftum Oberlausitz und im Amt Stolpen. «Lětopis», rjad B, 1960; Ruch ludaości i změny struktury ludnošciowej w dolnołužyckim państwie stanowym Żary w latach 1618—1818. «Sobótka» (Śląski kwartalnik historyczny), rocz. XII, Nr. 4. Wrocław, 1957; Der Anteil der Stände des Markgraftums Oberlausitz an der Entstehung der obersorbischen Schriftsprache (1668—1728). zfsLPh, Bd XXVIII, H. 1, 1959. О других публикациях Фр. Метшка см. F. Mětsk. Džělowy wobwod krajowěda při Instituce za serbski ludospyt. «Rozhlad», X, Nr. 2, Budyšin, 1960.

историю нового и новейшего времени. Наш институт примет участие в археологических раскопках, производимых Краевым музеем доистории в области Лужицы. При секторе истории существует комиссия лужицкой истории, в которой также внештатно сотрудничают историки лейпцигского и ростокского университетов, Института истории Германской АН и другие.

В связи с этим сектор истории в первые годы своего существования занимался прежде всего историей позднего феодализма. Здесь следует упомянуть следующие работы: В. Бёлке — о феодальном барщинном хозяйстве в верхней Лужице¹⁵, Я. Шолты — о росте доходов в зерновом хозяйстве монастыря Мариенштерн¹⁶, работы о классовой борьбе сельского населения Э. Палма¹⁷, В. Клемма¹⁸ и Ю. Лещинского¹⁹ и указанные выше работы Фр. Метшка о национальном составе населения в Лужице.

Сектор истории не ограничивался изучением истории позднего феодализма. Были опубликованы в качестве памятников древнейший в своем роде для нашей области Цензовый регистр монастыря Мариенштерн второй половины XIV в.²⁰, а также материалы так называемого Пенфалльского верхнелужицкого союза шести городов в середине XVI в.²¹

В серии «В» нашей исторической Летописи (издано уже шесть выпусков, 7-й выпуск находится в печати) проводилась дискуссия по ранней истории славянства. В ходе дискуссии было опубликовано 8 статей, среди которых и статьи польских ученых Э. Раевского²², В. Хензеля²³ и В. Кочки²⁴. Дискуссия возникла в связи с необходимостью развернуть борьбу с реакционной буржуазной историографией, с так называемым «изучением Востока» (Ostforschung), которое ныне

¹⁵ W. Boelcke. Zur Lage der Oberlausitzer Bauern vom ausgehenden 16. bis zum ausgehenden 18. Jahrhundert. «Lëtopis», rjad B, 1955; его же. Bauer und Gutsherr in der Oberlausitz. «Schriftenreihe des Instituts für sorbische Volksforschung», Nr. 5, 1955.

¹⁶ J. Šolta. K stawiznam klóštrsko knjejstwa Marijeje hwězdy wot 16. stolěća hač do zběhnjenja robočanstwa. «Lëtopis», rjad B, 1956; его же. Die Ertragsentwicklung in der Landwirtschaft des Klosters Marienstern. Zur Entwicklung der Getreideerträge unter den Bedingungen des preußischen Weges der bürgerlichen Agrarrevolution. «Schriftenreihe des Instituts für sorbische Volksforschung», Nr. 7, 1958.

¹⁷ E. Palm. Beiträge zur Geschichte des Klassenkampfes des Oberlausitzer Landvolkes zur Zeit des Spätfeudalismus. «Lëtopis», rjad B, 1953.

¹⁸ V. Klemm. Bauernbewegungen des 16. Jahrhunderts im Markgraftum Oberlausitz. «Lëtopis», rjad B, 1958.

¹⁹ Z. Leszczyński. Maćizny k stawiznam burskich zběžkow w Hornjej Łužicy w druhej połojcy XVII stolěća. «Lëtopis», rjad B, 1958.

²⁰ W. Haupt, J. Huth. Das Zinsregister des Klosters Marienstern. «Schriftenreihe des Instituts für sorbische Volksforschung», Nr. 6, 1957.

²¹ H. Härtel. Přinošk k tak mjenowanemu «Pönfallej» hornjołužiskich šěsćiměstow. «Lëtopis», rjad B, 1958.

²² Z. Rajewski. Biskupin — škitanske sydliščo patriarchalnych rodzińskich zwjazkow z lětow 550—400 před našej eru. «Lëtopis», rjad B, 1956; Z. Rajewski. Teritorij Biskupina w zažnym srjedzowěku jako přiklad za rozwiće zažneho fewdalizma pola zapadnych Słowjanow. «Lëtopis», rjad B, 1959.

²³ W. Hensel. Pochad Słowjanow. «Lëtopis», rjad B, 1956.

²⁴ W. Kočka. Geneza a wuwice słowjanskich kmjenow. — «Lëtopis», rjad B, 1957. См. также: B. Sikorski. Problemy zažneho Słowjanstwa w swětle němskeje byrgarskeje historiografije. «Lëtopis», rjad B, 1957; его же. Rodowód Słowjanstwa. «Lëtopis», rjad B, 1959; J. Brankač. Poměr mjez Słowjanami a Awarami w swětle někotrych němsko-słowjanskich slědzenjow. «Lëtopis», rjad B, 1957; J. Knebel. K problemej staroserbskeho «města» Liubusua. «Lëtopis», rjad B, 1957.

О других публикациях сектора истории см.: J. Šolta. Aus der Tätigkeit des Arbeitsbereiches Geschichte des Instituts für sorbische Volksforschung. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Bd VIII, Nr. 1, Berlin, 1960.

снова доминирует и процветает в Западной Германии. Вкладом в борьбу против так называемого «изучения Востока» являются также рецензии на западногерманские публикации. В настоящее время завершается работа по социально-экономической истории западных славян в средние века (автор — Я. Бранкачк), где разоблачаются «восточные устремления» немецких буржуазно-националистических историографов в прошлом и в настоящем. Наконец, в публикациях лужицких историков разоблачались также «заслуги» таких столпов в «исследовании Востока», как Теодор Оберлендер, Ханс Кох и Макс Хильдеберт Бем. В борьбе с так называемым «изучением Востока» участвует не только исторический, но также и остальные сектора института.

В последние годы центр тяжести в деятельности сектора был перенесен на изучение второй половины XIX в. и XX в. Работы по исторической статистике и демографии, охватывающие период с XVI в. до середины XIX в., в 1959 г. были переданы в сектор краеведения. В секторе истории ныне выдвигаются на первый план работы о процессе дифференциации крестьянства при капитализме, о крестьянском движении под руководством Коммунистической партии Германии, о положении горнорабочих Лужицы при капитализме, о политике угнетения лужицкого национального меньшинства в империалистическом немецком государстве и о лужицком национальном движении. Наша цель — до 1965 г. написать тезисы и очерк истории сербо-лужичан с 1871 до 1945 г. В изучении истории после 1945 г. центральными являются прежде всего вопросы проведения демократической земельной реформы и строительства антифашистского демократического государства.

Стремясь к развитию коллективной исследовательской работы в нашем институте, мы приступили к планированию комплексных тем исследования. В секторе языкознания выдвинуты две комплексные темы. Одна охватывает все исследовательские работы в области лексикологии, другая — диалектологические исследования. Комплексное исследование по проблеме «Капитализм в сельском хозяйстве Лужицы с особым учетом крестьянского развития» включает пять отдельных рабочих тем, которые разрабатываются сотрудниками сектора истории, литературоведения и этнографии. Ими же разрабатываются семь рабочих тем, входящих в комплексное исследование «Роль клерикализма в истории и культуре лужичан с XIX в.». В комплексное исследование «Развитие лужицкого национального меньшинства в период империализма» входит двенадцать отдельных тем, над которыми работают сотрудники различных секторов или небольших коллективов, в том числе уже упоминавшиеся: разработка тезисов по истории и культуре лужицкого национального меньшинства в период империализма, история лужицкой письменности с 1918 по 1945 г. и история лужичан с 1871 по 1945 г. Наконец, комплексное исследование охватывает шесть работ, осуществляемых секторами истории и литературоведения, на тему «К развитию лужицкого национального меньшинства после 1945 г.».

Названные исследования являются узловыми пунктами перспективного плана института до 1965 г. Кроме комплексных исследований, имеются еще работы сектора краеведения по исторической статистике и демографии, отдельные работы по проблемам средневековья и отдельные исследования в области этнографии. В скором времени мы опубликуем перспективный план нашей исследовательской работы на период до 1965 г.

Организуя комплексную исследовательскую работу в отдельных коллективах, мы сознательно переступали границы секторов с тем,

чтобы преодолеть известную ограниченность и изолированность их друг от друга. Во главе исследовательских коллективов стоят наиболее опытные научные работники института. В дискуссиях коллектива происходит обмен опытом в работе и обсуждаются тезисы и результаты исследования.

Можно еще упомянуть об отдельных комиссиях, которые существуют при институте или при секторах института. Имеется ряд комиссий, часть членов которых является штатными сотрудниками этого института, а другие — научными работниками иных институтов и высших учебных заведений. Сотрудничество с внештатными научными работниками составляет важный элемент в научной деятельности нашего института. С другой стороны, сотрудники нашего института являются членами рабочих комиссий других институтов нашей республики и за границей.

В публикациях нашего института до сих пор принимали участие, наряду с сотрудниками института, и внештатные лужицкие авторы, а также немецкие, чешские и польские ученые. В течение ряда лет развивалось плодотворное сотрудничество нашего института с некоторыми научно-исследовательскими институтами ГДР и соседних Чехословацкой Социалистической Республики и Польской Народной Республики. Мы уже говорили выше о научных контактах между нашим институтом и сектором языкознания Института славяноведения АН СССР. Эти связи имеют большое значение для сотрудничающих сторон, в особенности для нашего все еще небольшого и очень молодого института.

Развитие контактов между научно-исследовательскими институтами проявляется также во взаимном обмене литературой. Так, Институт лужицкого народоведения в 1959 г. обменивался публикациями с 89 институтами и 39 частными лицами из 15 различных стран. Среди них — Советский Союз, Китайская Народная Республика, Англия, Франция и США.

Наш институт, как я уже говорил, еще очень молодой. Дальнейшее развитие института — это прежде всего вопрос роста кадров. У нас работают преимущественно молодые научные силы. Дальнейшее пополнение кадров сотрудников института в первую очередь может осуществляться за счет выпускников университета, которые должны и дальше повышать свою квалификацию.

Постоянная помощь партии немецкого рабочего класса — Социалистической единой партии Германии — и правительства Германской Демократической Республики гарантирует надежную базу для развития лужицкого народоведения. И мы, сотрудники Института лужицкого народоведения, хотим внести наш небольшой вклад в международную славистику.

М. И. Ермакова, Л. Э. Калнынь

О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В НИЖНЮЮ ЛУЖИЦУ

В июне-августе 1960 г. по инициативе Института лужицкого народо-ведения в Баудене при немецкой Академии наук была организована первая экспедиция по изучению лужицких диалектов. В ней, наряду с лужицкими лингвистами, приняли участие польские, чешские и советские языковеды.

Изучение диалектов Верхней и Нижней Лужицы уже имеет известную традицию. Лужицкой диалектологией занимались немецкие, польские и русские ученые. Известны работы Л. В. Щербы, Эд. Штибера, посвященные диалектным особенностям лужицких языков. В 30-е годы вышел в свет труд лужицкого диалектолога П. Вирта «Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas» и четыре тетради верхне- и нижне-лужицких текстов в фонетической транскрипции¹.

Лужицкие диалекты привлекали внимание ученых и в связи с определением диалектной основы некоторых памятников лужицкой письменности и выяснением связи лужицких говоров с говорами соседних славянских языков.

Систематическое изучение диалектов Верхней и Нижней Лужицы началось лишь в послевоенные годы. Центром его является Институт лужицкого народоведения в Баудене. Здесь, а также в Лужицком институте при Университете им. Карла Маркса в Лейпциге собрана значительная коллекция магнитофонных записей образцов говоров, преимущественно из Верхней Лужицы. Монографическому описанию некоторых лужицких говоров посвящены дипломные работы ряда выпускников Лейпцигского университета.

Экспедиция 1960 г. положила начало систематическому и полному обследованию лужицких диалектов на основе единой программы и единой системы фонетической транскрипции. Конечной целью этой большой работы является создание общелужицкого лингвистического атласа.

Программа, предложенная лужицкими диалектологами, составлена по лексическому принципу. Она содержит около 3000 вопросов (23 раздела) из различных областей жизни и быта сельского населения: животный и растительный мир, сельское хозяйство, скотоводство, рыболовство, садоводство, профессии, верования и обычаи и т. д. Собира-телей интересовали также топонимические названия и патронимика.

Лексическая программа такого объема предполагает сбор материала методом прямого опроса; для каждого вопроса, сформулированного на немецком языке, необходимо дать лужицкие соответствия (программа предназначена для обследования говоров и нижне- и верхнелужицкого языков).

¹ Slavische Texte. 1. Sorbische (wendische) Texte. Bearbeitet von Max Vasmer und Paul Wirth. Berlin, 1932.

Вопросы по морфологии, включенные в программу, давали возможность собрать довольно полный материал по всем важнейшим разделам, в особенности по глаголу, которому отведена половина морфологической части программы. Нельзя не пожалеть, что после первого пробного обследования говоров составители программы необоснованно исключили из нее вопросы, связанные с категорией двойственного числа, широко представленного в обоих лужицких языках.

Вопросы по фонетике в программу включены не были. Участникам экспедиции был предложен лишь перечень основных явлений лужицкой фонетики. При отсутствии специальных фонетических вопросов особое внимание обращалось на необходимость точной фонетической записи ответов информаторов. Последняя контролировалась самими собирателями: один собиратель заносил ответы непосредственно в программу, другой — в блокнот. В сложных и неясных случаях для контроля рекомендовалось использовать магнитофонные записи. Но самая точная передача лужицких звуков все же не могла возместить отсутствие фонетической части программы, с помощью которой можно всесторонне учесть позиции звуков, интересующих собирателя.

Система транскрипции, предложенная Институтом лужицкого народоведения, содержит в общем достаточное количество знаков для передачи всех возможных звуковых вариантов. Включение некоторых из знаков было даже излишним (например, три знака для *e* — *ě*, *e*, *ε*). В других случаях иногда не хватало соответствующего знака, например, для передачи гласного заднего ряда среднего подъема на месте делабIALIZED *o*, типа *ky^oza*, распространенного в одном из говоров нижнелужицкого языка (транскрипцией предусмотрены лишь *y^u*, *y^e*, *yⁱ*).

Сетка пунктов обследования довольно густая и составлена в расчете на сплошное обследование ниже- и верхнелужицких говоров. Для Нижней Лужицы намечено свыше 60 пунктов, для Верхней — свыше 80.

Экспедиция 1960 г. начала обследование лужицких говоров с северной окраины территории Нижней Лужицы, т. е. экспедиционное обследование шло с севера на юг. Выбор нижнелужицкой территории для начала работы не случаен. Он обусловлен тем, что в настоящее время нижнелужицкий язык в силу ряда причин исчезает особенно быстро по сравнению с верхнелужицким. В большинстве деревень на этом языке говорят лишь представители старшего поколения, среднее поколение населения деревни в лучшем случае лишь понимает нижнелужицкий, а для младшего поколения родным языком является немецкий (официальный язык повсюду немецкий).

Если учесть также, что нижнелужицкие говоры вообще значительно меньше изучены, чем верхнелужицкие, то становится ясной настоятельная необходимость быстрее сбора материала именно на территории Нижней Лужицы.

Экспедиция, в состав которой входило пять групп (по два человека в каждой), обследовала говоры западного диалекта нижнелужицкого языка. Этот диалект распространен на большей части нижнелужицкой территории. К так называемому восточному диалекту относят лишь мужаковские и слепявские говоры. Говоры западного диалекта имеют следующие общие черты: 1) *t'*, *d'* > *ś*, *ź* (*žiśi*, *źetaś*); 2) *'e* > *'a* (в известных условиях) — *l'an*, *wjas*; 3) *př*, *kř* > *tš*, *pš* — на большей части территории (*tšawa*, *pšawy*, *kšej*); 4) *ú* > *j* — *wofca*.

Во всех обследованных говорах отсутствуют формы простых прошедших времен — аориста и имперфекта; широко распространены формы двойственного числа.

Внутри западного диалекта говоры различаются по таким явлениям, как разная замена *o* в позиции после губных и заднеязычных не перед губными и заднеязычными, разная замена **t* (*u*, *l*, *l* среднее), разная замена **ě*, наличие или отсутствие протезы перед *o*, *u* (*oko*—^h*oko*, *uxo*—^h*uxo*). В области морфологии говоры отличаются наличием или отсутствием причастных форм, формы супина и др.

Всего за время экспедиции 1960 г. было обследовано 22 деревни Нижней Лужицы. Сотрудники Института славяноведения АН СССР приняли участие в обследовании следующих деревень: в центральной части западного диалекта (район Коттбуса)—Рогозна, Шкадов, Нова Яс, Ус, Лакома, Нойендорф и др.; на северо-западе Нижней Лужицы—Мышин, Бабов и др., т. е. говоры Шпревальд-диалекта (термин А. Муки); на северо-востоке нижнелужицкой территории (Коттбусско-Шпрембергский диалект восточнее Шпрее—термин А. Муки)—Barbuk (Bärenbrück), Groźiśco (Grötsch), Liškow (Groß-Liskau) и единственная деревня вымирающего Губинского поддиалекта Rogow (Horno). Языковая ситуация в обследованных деревнях различна. В ходе обследования выяснилась необходимость внести поправки в предложенную сетку пунктов, т. е. исключить из нее некоторые деревни. Иногда это было связано с тем, что в данной деревне по-нижнелужицки уже никто не говорит. (Из сетки нижнелужицких пунктов обследования были исключены, например, некоторые деревни северо-западной окраины территории Нижней Лужицы, где население говорит уже только по-немецки.) В других деревнях собирателям не удавалось найти подходящего для опроса информатора, т. е. говорящего по-нижнелужицки уроженца данной деревни, не покидавшего ее на длительное время.

Так было в деревне Лакома, находящейся в четырех километрах от Коттбуса, центра нижнелужицкой области. Здесь в некоторых семьях еще говорят по-нижнелужицки, но население деревни в большей своей части новое, и собиратели не нашли ни одного информатора, удовлетворяющего упомянутым выше условиям.

В большинстве обследованных деревень нижнелужицкий язык сохраняется в основном у лиц старше 60 лет. Так обстоит дело в деревнях центральной части Нижней Лужицы, расположенных недалеко от Коттбуса—вблизи автострады (Рогозна, Шкадов, Нова Яс, Нойендорф). Здесь, как и в большинстве других нижнелужицких деревень, лужицких школ давно нет, а нижнелужицкий язык как предмет не преподается уже более 50 лет, так что старики, говорящие по-нижнелужицки, неграмотны. Служба в церкви ведется почти исключительно на немецком языке.

Почти так же или несколько лучше обстоит дело с нижнелужицким языком в деревнях северо-западной части западного диалекта (Бург на Шпревальде, Мышин, Борковы и др.), древнейшей лужицкой территории, где многие топонимические названия и патронимика носят чисто лужицкий характер.

На территории Нижней Лужицы есть и такие деревни, где нижнелужицкий язык является разговорным для подавляющего большинства населения деревни, т. е. для людей не только старшего, но и среднего поколения, а представители младшего поколения обычно понимают язык, но не говорят на нем. Такие деревни были обследованы в северо-восточных районах Нижней Лужицы. Здесь опрос по программе проводился и у представителей среднего поколения. И в ряде случаев удалось собрать более полноценный и интересный материал, чем обычно получали от информаторов старшего поколения.

Везде, где была возможность, на магнитофонную ленту записывалась живая речь информаторов, хорошо говорящих по-нижнелужицки.

Деревни, обследованные в ходе экспедиции, иногда значительно отличаются по своим языковым особенностям, хотя расположены они недалеко друг от друга (2—4 км). Особенно это относится к деревням северо-восточной и северо-западной части территории, в меньшей степени к деревням самой центральной части (в районе Коттбуса). Ср., например, лексические особенности говоров двух деревень — Рогов и Мост:

Рогов	Мост	
u'b'eraś	'śćokaś	'ругаться'
gó'l'ica	'žučka	'девушка'
xl'ew	groź	'хлев'
'fotor	nan	'отец'
'veršta	je'snica	'колбаса'

Такая диалектная дробность, вероятно, объясняется замкнутой, изолированной жизнью населения этих деревень в прошлом. К тому же официальным языком уже давно является немецкий язык, так что на этом говоре нижнелужицкого языка говорилось только в пределах данной деревни и, в основном, в семье.

Литературный нижнелужицкий язык не оказывал и не оказывает влияния на нижнелужицкие говоры. Изданий на нем выходит очень мало, а большинство крестьян, говорящих по-нижнелужицки, в основной своей массе не читают и не пишут на родном языке. Влияние же немецкого языка очень велико. Оно проявляется и в лексике, и в грамматическом строе. Многие лужицкие слова в речи информаторов слышны и рядом заменяются немецкими (например, некоторые названия родства — *muterka*, *foter* и др., а также числительные).

Проведенная экспедиция является лишь началом большой работы по изучению ниже- и верхнелужицких диалектов. В 1962 г. предполагается закончить обследование территории Нижней Лужицы и начать работу на территории Верхней Лужицы. В 1962 г. Институтом лужицкого народоведения в Бауцене будет издан сборник статей, написанных по материалам первой экспедиции.

Для Института славяноведения АН СССР участие в лужицкой экспедиции положило начало той работе по изучению лужицких языков и диалектов, которая будет проводиться в ближайшем будущем. Одним из первых шагов в этом направлении будет издание Институтом сборника статей по лужицкой тематике.

ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТЫ О ГИДРОНИМАХ

2 декабря 1960 года состоялось заседание сектора языкознания Института славяноведения АН СССР, посвященное обсуждению работы В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». Следует отметить, что присутствующие уже были в достаточной степени знакомы с основными положениями работы, поскольку предварительный вариант ее обсуждался ранее.

Именно ввиду этого обстоятельства один из авторов В. Н. Топоров в своем выступлении остановился лишь на некоторых, наиболее существенных чертах работы: принципах отбора и классификации гидронимического материала, выводах, касающихся распределения славянской и балтийской гидронимии, некоторых гипотезах об этнических контактах на территории Верхнего Поднепровья.

Открывая прения, председательствующий доктор филологических наук С. Б. Бернштейн зачитал отзыв о работе, присланный членом-корреспондентом АН СССР П. Н. Третьяковым, по чьей инициативе в свое время была начата эта работа. Рецензент дал исследованию высокую оценку, отметив, что сплошное исследование гидронимики Верхнего Поднепровья показало первоначально балтийский характер заселения этого района и внесло существенные поправки в выводы археологов и этнографов.

Выступавшие в прениях также подчеркивали важность труда В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева как незаменимого справочного пособия и в то же время самостоятельного исследования по целому ряду вопросов. Круг вопросов, затронутых выступавшими, был весьма разнообразен, что лишний раз подчеркнуло многосторонность самой работы. Так, кандидат филологических наук Н. В. Подольская (Институт русского языка АН СССР) остановился на вопросах стратиграфии некоторых суффиксальных топонимических формантов на восточнославянской территории, отметив, что их распределение в Верхнем Поднепровье во многом аналогично ситуации в Новгородской области. Кандидат филологических наук Вяч. В. Иванов (Институт ТМ и ВТ АН СССР) затронул проблемы языкового союза на территории Верхнего Поднепровья. Подробно разобрал и в целом поддержал гипотезу авторов о возможности балто-иранских контактов на юго-востоке исследуемого района А. А. Зализняк. В. М. Иллич-Свитыч подчеркнул важность результатов работы для определения характера древнейшей славянской колонизации. Критические замечания, высказанные в прениях, касались частностей (гипотезы о финно-славянских связях, деталей построения работы и т. п.).

Подводя итоги прениям, С. Б. Бернштейн отметил, что данная работа является топонимическим исследованием, соединяющим собственно топонимический и этимологический аспекты. Она послужит хорошей основой для дальнейших исследований о роли балтийских диалектов о формировании отдельных славянских языков.

В. И.

ПАМЯТИ И. М. ЭНДЗЕЛИНА (1873—1961)

Смерть И. М. Эндзелина — еще одна (и, конечно, самая горестная) утрата среди тех потерь, которыми отмечен послевоенный период в балтийском языкознании. Эндзелину выпала трудная, но завидная доля — заложить первые, по существу, камни в фундамент будущего здания балтийской филологии, последовательно возводить этаж за этажом и в конце жизни (пережив из своих младших современников К. Бугу, Э. Френкеля, Г. Геруллуса, Ф. Шпехта) сознавать, что многое из сделанного им почти за 70 лет научного труда в условиях, далеко не всегда благоприятных, и в наши дни является последним словом в развитии балтийского языкознания.

Эндзелин начал свой научный путь в девяностые годы прошлого века, когда балтийского языкознания как целого еще не существовало. Правда, уже были написаны труды А. Шлейхера и Ф. Куршата по литовскому языку, А. Билленштейна — по латышскому, Х. Нессельмана — по прусскому, а А. Шлейхер, И. Шмидт, А. Лескин, К. Бругман пытались прокомментировать еще явно недостаточный и не всегда полноценный балтийский материал с точки зрения сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. Однако несоответствие между скудостью балтийских фактов и методом обобщения и интерпретации их, выкованным на материале других языков, было столь разительным, что балтийские факты в том виде, как они были известны в 70—80-е годы, не могли быть использованы для новых заключений о развитии индоевропейских языков в целом. Предстоял критический период в развитии балтийского языкознания или, точнее, в изучении отдельных балтийских языков. Лишь совершив эту огромную критическую работу, не всегда заметную для тех, кто привык брать балтийские факты из вторых и третьих рук, можно было начать построение сравнительной грамматики балтийских языков на надежной основе. С другой стороны, только проделав эту трудоемкую работу и возведя балтийское языкознание в ранг самостоятельной сравнительно-исторической дисциплины, можно было обеспечить полноценным материалом индоевропеистику в широком смысле этого слова. Обе эти исторические задачи и составили содержание научной деятельности И. М. Эндзелина. В течение многих десятилетий ему пришлось бороться с заблуждениями и предрассудками предыдущего периода, самому собирать материал (диалектный, исторический, топонимический) и интерпретировать его, вводя в рамки представлений, слагавшихся в индоевропейском языкознании. И в каждом из этих направлений Эндзелин был первым. Обобщающий труд по сравнительной фонетике и грамматике балтийских языков, как и многочисленные работы в области балтийской акцентологии, выделяются среди сделанного Эндзелиним в этой области. По сравнению с названными задачами все

остальные (а их было немало, и решение каждой из них сделало бы честь любому ученому) кажутся частными. Но осознание этих больших задач как частных стало возможным во многом из-за выполнения Эндзелином еще более грандиозных и общих задач.

С именем покойного ученого связано развитие балтийской диалектологии и существенное расширение наших знаний о вымерших балтийских диалектах. Реконструкция куршского языка и установление принадлежности его к балтийским, а также обстоятельные исследования в области латышской, прусской и отчасти литовской диалектологии составляют важный вклад в балтийское языкознание, сделанный Эндзелином; в известной степени работа в этой области явилась стимулом к дальнейшему развитию балтийской диалектологии в трудах К. Буги, Р. Траутмана, Г. Геруллуса, Ф. Шпехта, А. Салиса, А. Абеле, В. Кипарского, Х. Станга, П. Арумаа, Я. Отрембского, И. Йоникаса, В. Руке-Дравини, К. Дравиньша и др.

Особого упоминания заслуживают труды И. М. Эндзелина в области латышского языка. Он не только ввел многочисленные факты латышского языка, ранее неизвестные или игнорировавшиеся, в обиход балтийского, балто-славянского и индоевропейского языкознания, но и развернул широкое исследование латышского языка в самых различных областях. Сделанное Эндзелином в изучении латышского языка превышает все, что было написано другими учеными за столетие научного и исторического исследования этого языка. Создание «Грамматики латышского языка», как и мюленбаховского словаря, в котором многое принадлежит Эндзелину, представляет собой научный подвиг национального значения, который не будет забыт латышским народом.

Одно из наиболее видных мест принадлежит Эндзелину и в долгой и интересной истории изучения балто-славянских языковых отношений. Вступив в дискуссию по вопросу о характере древнейших балто-славянских связей в один из наиболее драматических периодов в начале века, Эндзелин привел такое количество новых фактов и вскрыл столь значительные трудности, не замеченные ранее, что появление «Славяно-балтийских этюдов», несмотря на известную неопределенность выводов этой книги, по существу, способствовало прекращению во многом умозрительных споров и заставило лингвистов снова углубиться в конкретный материал. В этом заключается историческое значение эндзелиновского труда. Говоря об исследованиях в области балто-славянского языкознания, нельзя не упомянуть целый ряд работ, касающихся более поздних связей славянских и балтийских языков, а также специальных оригинальных трудов в области славянского языкознания. Несомненно, что славянская тематика была Эндзелину весьма близка и отразилась во многих его работах.

Специалисты в области балтийского языкознания знают, как много сделано Эндзелином для развития балтийской филологии, для воспитания нескольких поколений лингвистов. Его деятельность как одного из организаторов науки и работника высшей школы была весьма плодотворна, и не его вина, что не всем начинаниям дано было свершиться.

Освоение всего того, что было сделано Эндзелином, и дальнейшее развитие начатого им составляет содержание нынешнего периода в целом ряде областей балтийского языкознания. В последовательности и честности его научного пути, свободного от зигзагов и компромиссов, будут видеть высокий пример многие ученые.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

СТАТЬИ

Т. В. Попова (Москва). Корреляция твердых и мягких согласных фонем в болгарском языке	3
Л. Н. Смирнов (Москва). Употребление форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости в словацком литературном языке	29
И. Попович (Белград). Южнославянские лексические этюды	44
В. М. Иллич-Свитыч (Москва). К истолкованию акцентуационных соответствий в кельто-италийском и балто-славянском (О «втором правиле Дыбо»)	63
В. Н. Топоров (Москва). Заметка об индоевропейском *grog'-(*gorg'-): *greg'- в балтийском и славянском	73

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. К. Венедиктов (Москва). Итоги изучения в СССР вопросов болгарской диалектологии	76
З. Н. Стрекалова (Москва). Польская лингвистическая периодика в 1959 году	93
О. Н. Трубачев (Москва). <i>И. С. Вахрос</i> . Наименования обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования — до Петровской эпохи. Хельсинки, 1959.	99

ХРОНИКА

Я. Шолта (Бауцен). О работе Института лужицкого народоведения (ГДР)	102
М. И. Ермакова, Л. Э. Калнынь (Москва). О диалектологической экспедиции в Нижнюю Лужицу	109
В. И. Обсуждение работы о гидронимах	113
В. Т. Памяти И. М. Эндзелина (1873—1961)	114

Краткие сообщения Института славяноведения, вып. 35

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор издательства Б. С. Шварцкопф. Технический редактор Л. В. Етифанова.

РИСО АН СССР № 88—86В. Сдано в набор 11/XI 1961 г. Подписано к печати 4/V 1962 г. Формат 70×108^{1/16}. Печ. л. 7^{1/4}; усл. печ. л. 9,93; уч.-изд. л. 9,8. Тираж 1400 экз. Т-04016. Изд. № 274. Тип. зак. 403.

Цена 59 коп.

Цена 59 коп.

526235

RU